

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ПѢТУ СТОРОНУ ЛЬДА

20
ЛЕТ
СВАРОГУ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

ПѢТУ
СТОРОНУ
ЛЬДА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чёртова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиянт
(готовится к выходу)

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

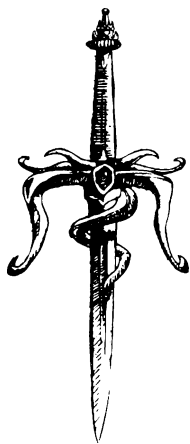

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

По ту сторону льда

Роман

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2017

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Б90 Бушков А. А.

По ту сторону льда. Роман / Александр Бушков. — М. :
Абрис, 2017. — 256 с. — (Сварог — фантастический бое-
вик). — ISBN 978-5-00111-161-0.

На Катайр Крофинд отправляется корабль с каторжниками. Когда на соседнем причале что-то взорвалось, трое из каторжной братии совершили побег. Три пары рук — это серьезная промашка и караемое упущение по службе... Вертухаи нашли выход из положения — подобрали трех человек без сознания, случайно оказавшихся в порту во время взрыва. Один из них — Сварог. Конечно, короля станут искать. Мара и Гаржак поднимут на ноги всю полицию, но знать бы где...

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-161-0

© Бушков А. А., текст, 2004
© Торговый дом «Абрис», 2017
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2017
Все права защищены

*Я так считаю, что у всякого человека, рожденно-
го женщиной, есть в этом мире свое бревно, которое
ему нужно поднять и сдвинуть.*

*Р. КИПЛИНГ.
«Простачок Саймон»*

Часть I

ПО ТУ СТОРОНУ ИСТИНЫ

НОМЕР 76

Чувства возвращались поочередно, словно кто-то поворачивал выключатели из аккуратного рядочка, один за другим.

Сварог ощутил, что лежит на спине, на чем-то твердом, жестком, неудобном. В бытность свою королем он уже успел отвыкнуть от таких поверхностей, больше всего напоминавших простой дощатый пол, короли обычно почивают с несравнимо большим комфортом. Казалось, что пол размеренно покачивается под ним, но он еще не знал, обстоит так на самом деле, или это все — последствия удара. Был какой-то удар. Определенно был. Он вспомнил все — рывком. Все вроде бы шло прекрасно, субмарина лишилась винтов и никуда не могла уйти, стояла в бассейне неуправляемая и абсолютно беспомощная, вряд ли экипаж мог исправить такую поломку собственными силами, в том подвале... Потом... Офицер с оцепеневшим лицом дернул рубильник — подрывной механизм, конечно, — и грянул взрыв, мощнейший. Сварога чем-то ощутимо приложило по голове... Ему не смог бы причинить вреда летящий отдельно предмет, будь то камешек величиной с воробья или глыбища размером с дом... значит, шарахнуло по башке чем-то, что сохраняло соприкосновение с твердью земной — какая-нибудь балка обрушилась или рухнул кусок стены, вот и вырубилو начисто...

«Дела не так уж плохи, — подумал он, ощущая зудящую боль в левой стороне головы, над ухом, почти в самой макушке.

Я все прекрасно помню, — кто я такой, что делал, как случился взрыв... до самого последнего мига все помню. Неплохо, могло обернуться и хуже...»

Потом включилось обоняние, и Сварог поневоле зашевелился, потряс головой, почти не поднимая ее от дощатого пола, но ничего не изменилось, ноздри прямо-таки залепляла гнуснейшая вонь: испражнения, немытые тела, засаленные тряпки, блевотина... Давненько не приходилось обонять столь резкого и омерзительного букета — да, пожалуй что, никогда, даже во время странствий в качестве бесприютного бродяги не сталкивался с таким набором...

Вернулся слух. Он слышал вокруг ленивые, вялые разговоры, а в другой стороне, очень похоже, ссорились, там орали во всю глотку, осыпая друг друга оскорблениями. Вот только язык какой-то странный, ни одного знакомого слова... Нет, вот кто-то орет, чтобы заткнулись наконец, всех достали, задери вас леший — и тут уж я каждое словечко понимаю... Язык Талара... но другие говорят непонятно... Иностранцы? Опомнись, какие такие другие языки на Таларе? Вся Империя говорит на одном языке, народы отличаются друг от друга только произношением, разговором... Странно...

Пол определенно покачивался под ним. На лице у него, оказывается, лежала мокрая тряпка, источавшая столь неприятный запах, что Сварог не выдержал, сбросил ее резким движением руки. От этого ему вроде бы стало легче, и головная боль начала постепенно утихать.

Да и со зрением вроде все в порядке, просто в загадочном помещении маловато света. Высоко над головой какие-то доски... И стена справа, как убедился Сварог, скосив глаза в ту сторону, — тоже из длинных, горизонтальных досок, сквозь щели меж ними и пробивается свет — яркий, несомненно, солнечный, но его маловато...

Он решил — приподнялся и сел, привалившись спиной к стене. Вопреки пессимистическим ожиданиям, никаких физических страданий это перемещение в пространстве не вызвало. Слегка побаливала голова в том месте, где его приложило, и только. Руки-ноги целы, нет сильных ушибов...

— С пробужденным, ваша милость! — послышался рядом ехидный голос. — Кофия в постель подать прикажете, или чайку с марципанами? Или служанку позвать, чтоб ублажила? Всегда к вашим услугам!

Поблизости захохотали несколько голосов, но без особой веселости, мрачноватый был смех. Сварог огляделся.

Помещение, где он находился и куда попал неведомым образом, было сплошь дощатым — и потолок, и пол, и стены — и имело странную форму не совсем правильного прямоугольника: торец идеально прямой, противоположная короткая стена гораздо короче, а две длинных напоминают дуги. Слева, возле торца, в потолке проделано отверстие, прикрытое деревянной рамой, сплошь утыканной обращенными вниз длинными тонкими остриями — и в него проникает свет, виден голубой кусочек неба... В длину этот прямоугольник ярдов десять, в ширину значительно меньше...

И повсюду, куда ни глянь, на голых досках сидели и полулежали люди: оборванные, нестриженные, одни по пояс голые, другие босиком. Окинув себя взглядом, Сварог убедился, что не особенно от них отличается: хомерик исчез, рубашка тоже, штаны и башмаки остались, но перемазаны в грязи и пыли. Что-то мешало шее, этого не было раньше. Он попробовал рукой — прочная, на ощупь железная цепочка грубойковки, настолько короткая, что через голову ее ни за что не снять. На ней висела железная овальная бляха размером с ладонь. Прижимая подбородок к груди, поудобнее перехватывая бляху руками, Сварог вскоре разглядел на ней грубо выбитый номер: семьдесят шесть. Именно номер: перед двумя цифрами красуется значок «№». Что за фокусы? Тут несколько десятков человек... Это не Атар и уж никак не Корона...

— Так как, ваше степенство? — завел свое сосед. — Вы так ничего приказать и не изволили насчет кофею и прочих марципанов... А ведь привыкли, небось, поутру кофий хлебать и булку белую жамкать? На роже написано...

Сварог угрюмо покосился на него: тщедушный худой субъект неопределенного возраста, классический ехидина и склочник, мелкая сямка, шпана, в любой камере, в любой казарме отыщется... Не стоило пока что связываться, не присмотревшись, не освоившись, не изучив расклады.

Он промолчал, разглядывая неожиданных товарищей по неизвестному несчастью: одни мужчины, есть несколько юнцов, но не видно ни одного по-настоящему дряхлого, ни одного калеки. На всех лицах одинаковое выражение: унылая пришибленность людей, которым их будущее известно наперед, и нет никакого смысла давать волю эмоциям... А пол явственно рас-

качивается, и это не следствие головокружения, а доподлинная реальность, существующая независимо от наших чувств. Вон, сдвинулась с места ржавая кружка, проехала чуть по полу, остановилась, в другую сторону поползла... Да это же корабль!

Все моментально встало на свои места: сплошные доски во круг, постоянное покачивание пола... Корабль. И определенно они сейчас не в трюме, иначе не пробивался бы дневной свет сквозь щели в разошедшихся досках...

— Где это мы? — спросил он, глянув на весельчака.

Как он и ожидал, тот мгновенно принялся гримасничать, оглядываясь на ближайших соседей с таким видом, словно полагал себя великим актером, любимцем публики:

— Как бы подходящевей объяснить вашей милости... Вот это, стало быть, доски, они гвоздями сколочены. Извольте ведать, что такое гвоздь? А это...

— К лешему такие подробности, — сказал Сварог. — Плана нета как называется?

Весельчак зашелся, словно его щекотали:

— Ах, ваша милость, свежего человека вы в минуту уморите! А вы что же, с планеты на планету скачете? На одной так винища нажретесь, что глазки продираете только на другой? Так, что все названия в голове перепутались? Право слово, в балагане вас показывать, большую деньгу можно зашибить...

Он, хихикая, гримасничая, оглядывался на ближайших соседей, тыкал их под ребра локтями, приглашая повеселиться от всей души, но те мрачно отстранялись. Не походило, чтобы этот недомерок с крысиной мордочкой пользовался тут авторитетом — или хотя бы признанием в качестве юмориста. Один из сидевших поблизости, мельком глянув на Сварога, все с той же унылой пришибленностью буркнул:

— Талар это, Талар. Легче стало?

Сварог промолчал, хотя ответить следовало утвердительно — ему и в самом деле стало гораздо легче. Просто несказанно легко. По-прежнему Талар. Никуда его на сей раз не зашвырнуло, остался на Таларе. И это определенно не камера смертников. Перемелется. Но что-то же такое неприятное с ним произошло?

— Какое сегодня число? — спросил он, ни на кого не глядя.

Тот, что сказал про Талар, плюнул и не ответил. По первым впечатлениям Сварога, незнакомец чрезвычайно походил на неотесанного фригольдера, из-за упадка хозяйства пустивше-

гося поискать счастья в городе. Руки больно уж крестьянские. Крысеныш — тот явно из портовых белоручек, мелкота приклатенная...

Уставясь уже на него, Сварог повторил громче, подпустив в голос жесткости:

— Число сегодня какое, спрашиваю?

Этот тон, кажется, подействовал: весельчак ответил все так же развязно, но немного почтительнее:

— Число у нас, надо полагать, такое же, как у вас... Седьмое Фиона, я так прикидываю.

«Хорошенькие дела, — подумал Сварог. В подвал я ворвался пятого Фиона, а сегодня... Сутки с лишним провалялся, выходит?»

— А когда мы из Фиарнолла отплыли? — спросил он на удачу.

— Шестого, утречком. Охотно верю, сударь, что у вас были другие планы касаясь даты отбытия, но наш капитан, чтоб ему сдохнуть еще сосунком, забыл с вами посоветоваться... Еще вопросы будут? Вы уж их все кучей вываливайте, а то тоска заедает смотреть, как вы их по одному вымучиваете...

Вопросов у Сварога было множество, но задавать он не стал ни одного — потому что ответы наверняка сопровождались бы кучей издевок и подковырок, выслушивать кои не было никакой охоты. Кое-что уже известно: если из Фиарнолла и шестого как ни в чем не бывало отплывали корабли, значит, взрыв был не ядерным, и Фиарнолл, слава богу, целехонек. Обычная взрывчатка, только в неимоверном количестве. Но каковы морячки — недооценил их Сварог, ох, недооценил. Камикадзе хреновы. Как он стоял, тот хмырь у рубильника, — по струночке, с непроницаемым лицом... Значит, вот так у них заведено — в случае опасности взрываться всем скопом без малейших колебаний... Ну предположим, не все могли быть в курсе... И все равно, хорошая выучка. Как он стоял, сукин кот... Уважать начинаешь. Правильно я все-таки поступил, что не взял с собой туда ни Мару, ни Гаржака, как ни набивались — им бы там пришел конец, никаких сомнений...

Он потрогал голову — там еще держалась здоровенная шишка, но не похоже, что задета кость. Ерунда, заживет как на собаке...

— Скучаете, красавчик?

Сварог поднял голову. Рядом с ним устраивался странноватый молодой человек — весь какой-то вихлючий, жеманный, он то и дело глупо улыбался, непонятно жестикулировал пальцами, кидал на Сварога туманные взгляды. На всякий случай Сварог чуточку отодвинулся, но странный незнакомец придвинулся следом, улыбаясь и жеманничая, положил ему руку на колено, зашебелал:

— А давайте мы с вами подружмся! У меня здесь совсем нет друзей, представляете? Такая скука, просто невыносимо. Если нас будет двое, жить станет гораздо веселее. Давайте дружить, красавчик, правда...

Он уже откровенно гладил Сварога по колену. Сосед-весельчак вылупилсь на них с таким видом, словно сгорал от нетерпения узнать, чем все кончится — что-то, ему, несомненно, хорошо известное. Приглядевшись, Сварог усмотрел на шуплой груди нахала странную татуировку: довольно искусно изображенную синей тушью скамейку.

И моментально сообразил, что к чему. Когда много общаешься с тайной полицией, узнаешь массу интересных вещей. Ну да, конечно. Интагар как-то, чтобы его развлечь, приволок толстенные альбомы с рисунками и прочел обстоятельную лекцию. Тюремный педрила, на воровском арго, — «скамейка». Стоп-стоп-стоп... А что, если те непонятные беседы, что он только что слышал, как раз и были каторжанским жаргоном, или, как выражаются сами тюремные сидельцы, «тарабарской грамотой»?

Не колеблясь, он отодвинулся, пихнул жеманного ногой в грудь и рывкнул:

— Брысь отсюда, тварь, хребет перешибу!

Юноша живенько подскочил и без протестов убрался в дальний конец помещения. Сварог облегченно устроился в прежней позе, но тут же насторожился: к нему, небрежно переступая через лежащих, а кое-кого бесцеремонно убирая с дороги пинками, направлялись двое субъектов уже иного полета: довольно крепкие, отнюдь не изможденные, разукрашенные татуировками так, что экипаж капитана Зо мог бы умереть от зависти. Кое-какие из них Сварог помнил по тем же альбому. Судя по ним, рыбешка была отнюдь не мелкая, весьма даже зубастая. Лошадиный скелет с крыльями — разбой на больших дорогах, разбитая ваза — насильно лишил невинности не просто девицу, а благородную дворянку, череп

на правой руке — загубленная душа. У одного таких черепов восемь, у второго только четыре, но два из них с точкой на лбу, обозначающей кокарду — значит, обладатель наколок помог переселиться в мир иной двум полицейским, что котируется несравнимо более, нежели «простые» черепа... И куча других наколок, значения которых Сварог сейчас не помнил, но готов был поклясться, что они символизируют отнюдь не благотворительные дела.

Примечательная парочка остановилась над ним. Какое-то время они пристально разглядывали его, покачиваясь с пятки на носок, потом уселись по обе стороны. Тот, что устроился справа, вполне дружеским жестом положил Сварогу руку на плечо и задумчиво сказал:

— Слушай, дяхан, башмаки у тебя на загляденье добротные, а у меня их вовсе нет... Это ж непорядок, правда? Ты вот сам в какого бога веруешь?

— В Единого Творца, — осторожно сказал Сварог.

Разбойник с большой дороги прямо-таки расплылся в улыбке:

— Вот это повезло, так повезло! Уж так свезло, что не в сказке сказать, ни в суде сбrehнуть... Раз веруешь в Единого Творца, должен уважать святого Роха, точно? А чему учил святой Рох? Поделись с ближним своим, босым и сирым... Правильно? Так что снимай башмачки, дядя, во исполнение заветов святого подвижника...

«Ситуация, — подумал Сварог в некоторой растерянности. — Объяснил бы кто, как держаться. Стоп, это, в конце концов, не тюрьма и не каторга, и народ здесь самый разный, далеко не все по «тарабарской стежке» шлепают... Не может здесь быть тюремных правил, нутром чую...»

Он сказал, взвешивая каждое слово:

— Святых много, уважаемый. Лично я как-то больше придерживаюсь поучений святого Катберта-Молота. А он, если вы не знаете, учил примерно так: не позволяй ближнему твоему нахально ездить у тебя на шее, ибо если он так поступает, то он и не ближний тебе вовсе. Следовательно, не грех такому мнимому ближнему двинуть по зубам так, чтобы их по-убавилось изрядно и резко...

— Может, попробуешь? — прошипел тот, что резал полицейских.

Взгляд у него был по-настоящему страшным, но по сравнению с кое-какими противниками Сварога во времена былых странствий этот субъект даже на троечку не тянул.

— Могу и попробовать, если вынудят, — сказал он спокойно.

Как он видел краешком глаза, крысеныш обратился в статую, даже, кажется, не дышал, старательно делая вид, что его здесь нет вовсе.

— Да ладно тебе, — сказал напарнику второй примирительным тоном. — Куда тебе башмаки, если тут ни танцулек, ни девок... Дядя хороший, нечего его обижать попусту... Давай-ка мы лучше с тобой, дяхан, метнем на пальцах в «вилы-гирю-полотно»? А?

— Не умею, — сказал Сварог.

— Враз научим. Так, так, этак... — он с быстротой фокусника показал пальцами несколько фигур. — И правила враз растолкуем, они нехитрые. Ну что ты жмешься, залетный? Это ж не карты и не кости, какое может быть с пальцами мошенничество? Бывают фальшивые волосы, по-ученому — парики, и фальшивые глаза бывают, из фарфора там или из стекла. А про фальшивые пальцы ты слышал когда-нибудь? Вот они, доподлинные, натуральные...

— Играть не на что, — сказал Сварог. — Башмаки самому нужны, а больше вроде бы и не на что. И сдается мне, уважаемые господа, что и у вас со ставками небогато...

Его собеседники так и закатились, старательно раскачиваясь на корточках, переглядываясь, панибратски хлопая Сварога то по коленям, то по спине. Зорко наблюдавший не только за приставалами, но и за прилегающим пространством, Сварог в какой-то момент обнаружил, что вся эта сцена находится под самым пристальным наблюдением кучки субъектов, крайне похожих на его разговорчивых собеседников. Их было пятеро, они сидели совсем недалеко, двое красовались обнаженными торсами с таким же обилием жутковатых наколок, а остальные кутались кто в хомерик, кто в камзол, и оттого никак нельзя было рассмотреть их сложную и запутанную нательную биографическую роспись, но никаких сомнений не оставалось, что это птички из той же стаи. Вон тот, в хомерике, у них за главаря, точно — остальные четверо инстинктивно уселись так, чтобы держать его в поле зрения на предмет возможного приказа. А вот сам он ни на кого не смотрит, прищурившись, наблюда-

ет за Сварогом. Ну да, так примерно в старой притче, опознал находчивый монах замешавшегося в толпе придворных короля — все взоры были обращены на короля, а сам он ни на кого не смотрел...

— Весельчак ты, дядя, — сказал обладатель восьми черепов. — Как это, нечего ставить? Жопа-то при тебе, ага. Пройграешь — становишься на манер скамейки, а мы тебя, соответственно, пользуем.

— А если выиграю?

— А если выиграешь, то мы тебя не пользуем. Королевские условия, дядя, согласен?

— Нет, благодарствуйте, — сказал Сварог. — Как ни заманчиво, а придется отказаться. Зарок дал в ранней юности. Моя седенькая мама, когда провожала в большую жизнь, взяла с меня клятву, что никогда не буду играть на ставку, во что бы то ни было... Ветреный я парень, признаюсь по чести, много в жизни накуролесил, много заповедей нарушил, но вот, хоть вы меня режьте, через данную матушке клятву переступить решительно не в состоянии...

Судя по перекосившейся физиономии обладателя восьми черепов, ему и комедию ломать надоело, и был он всерьез разозлен строптивостью упрямого фраера. Без всяких церемоний схватив Сварога за физиономию грязной пятерней, он грозно процедил:

— Я тебе скажу, овечка, без всякой игры отсосешь со всем старанием...

Пора было кончать этот дурной спектакль, потому что по всем критериям он вплотную подступал к той черте, где уже начинается унижение, которое ни один настоящий мужик спускать не должен. Сварог сделал парочку неуловимых движений, одной ногой подцепив лодыжку возвышавшегося над ним громилы, пяткой другой ноги нанес удар в коленную чашечку.

Противник, стоявший в раскованной позе, вмиг потерял равновесие и опрокинулся, как подрубленное дерево, шумно ударившись затылком о загаженную палубу. Закрепляя успех, Сварог извернулся на грязных досках и с помощью опять-таки двух ударов ногами отправил второго вслед за приятелем.

Воцарилась тяжелая тишина. Группировавшиеся вокруг главаря не сразу поняли, что дела пошли серьезные, что два их дружка не просто повалились на палубу, а лежат без всякого

движения, ушибленные достаточно серьезно. Едва это до них дошло, двое кинулись к Сварогу, громко пугая жуткой участью.

Взрыв на ноги, Сварог их встретил — моментально, качественно и жестоко. Он не собирался никого убивать, и кости ломать не хотел — неизвестно еще, сколько времени придется проторчать среди этого сброда, не стоило с ходу устраивать смертоубийство и членовредительство, — но бил безжалостно. Теперь на досках лежали уже четверо — трое слабо шевелились, стонали и охали, а четвертый только-только приходил в себя.

Двое оставшихся — последний резерв главаря — бросились вперед.

— Хуть! — рыкнул главарь не шевелясь и не меняя величественной позы.

Один недовольно рывкнул не оборачиваясь:

— Чамо гаришь? Поцар сом клудит на бар...

— Хуть, блэ! Качуму шукаю?!

Оба нехотя остановились, вернулись на место, ворча и бросая на Сварога неприязненные взгляды уже без всякого актерства. Главарь же отвернулся с таким видом, словно совершенно ничего не произошло, да и никакого такого фразера не существовало вовсе. Громко произнес:

— Щеняй добежь, мокотура...

Ушибленная троица, кое-как поднявшись на ноги, стала отступать в расположение части. Четвертый ползком двигался в арьергарде. Те, кто наблюдал за действием, разочарованно отвернулись, но большая часть узников трюма с самого начала игнорировала происходящие события.

Сварог чувствовал себя здоровым и полным сил, голова почти уже не болела. Он осмотрелся. Семеро уркаганов сидели, демонстративно отвернувшись от него, а вот сосед тарачился с восхищенным ужасом, оцепеневший и обомлевший. Судя по его виду, он ожидал гораздо более трагического развития событий и никак не мог поверить теперь, что все обошлось.

Усмехнувшись, Сварог присел рядом с ним на корточки, аккуратно взял за кадык — большой палец справа, указательный и средний слева — легонечко придавил и ласковым шепотом осведомился:

— Придушить, тварь?

Сосед ответил жалобным писком и потоком невразумительных, но определенно умоляющих слов — кажется, доказывал,

какой он хороший и мирный, как его дома ждут не дожидаясь мать-старушка и семеро детушек, один другого меньше. Веревки из него можно было вить. Чуть-чуть ослабив хватку, Сварог с расстановкой сказал:

— Не вилять. Не рассусоливать. Отвечать быстро и подробно... Куда нас везут?

— На Катайр Крофинд, — пуча от усердия глаза, внятно выговорил собеседник. — На плантации. Хлопок пестовать, смолу дерень-дерева собирать. На десять лет, по указу его величества короля Сварога.

Несмотря на унылость ситуации, Сварог в первый миг едва не расхохотался во весь голос. Таких трюков судьба с ним еще не вытворяла: угодить в плавучую тюрьму, везущую каторжников на плантации по своему же собственному указу... Комедия!

— Это и раньше всюю практиковалось, — заторопился собеседник. — Заместо каторги или там тюремной отсидки. За шиворот, на корабль — и вкалывай на островах весь свой срок. А совсем недавно король Сварог, чтоб ему ежа родить против шерсти, бабахнул новый указ, по которому на острова запикивают уже на полную десятку, невзирая на приговор и срок, и не только всякую мелочь, а всех подряд, кто попался под горячую руку, смотря по закоренелости. Вот и вышло, что угодили в трюм даже господа тарабарские аристократы... — он опасливо повел глазами в сторону уркаганских затылков. — Под метелку гребут, страшное дело, тюрьмы чистят, а еще...

— Хватит, я уяснил, — мрачно сказал Сварог.

Не было необходимости выслушивать вульгарное и краткое изложение своего же собственного указа. Все правильно, именно так и было сформулировано: «...заматеревших злодеев, закоснелых в своих противозаконных прегрешениях, а также упорном бродяжничестве». Десятку в зубы — и езжай развивать экономику далеких островов, ухаживать за хлопком, собирать смолу дерень-дерева, из которой готовят великолепную синюю краску. Что характерно, без всякого досрочного освобождения: скорый, но справедливый суд короля Сварога столь слянвого гуманизма не предусматривает...

Разумеется, он не собирался считать свой указ ошибкой или перегибом. Все было задумано совершенно правильно: и континент освободится от уголовничков, бродяг и прочих тунеядцев, и экономике явная выгода.

Однако же, повороты сюжета! Как его угораздило, в конце концов, угодить в жернова собственной мельницы? Сварог никогда не питал особенных иллюзий насчет своей же верно-подданнической бюрократии: заранее было ясно, что будут и злоупотребления, и накладки, и поводы для взяточничества, — полностью искоренить подобное невозможно. Но откуда такие перехлесты?

— Как я сюда попал? — спросил он сумрачно.

— А ничего удивительного, ваша милость... Подвернулись, изволите ли знать, под горячую руку, для ровного счета, в неразберихе...

— Точнее.

— А точнее — совсем просто. Нашу братию на ночь заперли в пересыльном лабазе, что у самого моря. Все, как положено: решетки, замки, вахари с собаками — дело отработанное. Только посреди ночи приключилась странность. На соседнем причале что-то взорвалось, представления не имею, что и почему, кто бы нам, убогим, растолковывал... Однако грохнуло так, словно небо повалилось на землю. В незапамятные времена, говорят, так города на воздух взлетали во время тамошних жутких войн... Ну, бабахнуло, доложу я вам! Мы уж думали, конец света, новый Шторм, окончательный и законченный катаклизм... Стена обрушилась, что ограждала наш лабаз от соседнего причала, а у лабаза обвалился один угол... И нашлись среди нашей братии такие штукари, что голову не потеряли, не в пример общей массе. И ломанулись в пролом, не теряя времени, — рассудили, должно быть, что хуже не будет, а второго такого шанса определенно не предвидится... Вахари, кто опомнился так же быстро, кинулись пресечь и воспрепятствовать. И ведь успели, псы... Почти всех похватали, с ног посбивали, древками по печенкам... Только трое все равно успели утечь, выскочили за стену — и лови их теперь хоть по всему свету... Уж я бы на их месте тоже вчистил, чтобы пятки дымились...

— Без лирики, — сказал Сварог. — Ближе к сути.

— Суть-то была такова... Нас же не на виселицу везут — на долгие работы. Каждая пара рук в цене и считается ценным казенным имуществом. И на Катайр Крофинде с главного вахаря спросили бы за недостачу по всей строгости. Три пары рук — это вам серьезная промашка и караемое упущение по службе... Вот главный вахарь, судя по всему, и извернулся со страху. Когда рассвело, пошел осматривать

соседний причал, прихватил с собой своих псов... Я сам видел краем глаза, когда нас гнали на пристань, зрелище было то еще: в земле огромная ямища, даже не ямища, а такая огромная канава, непонятно как проделанная, все изрыто, перерыто, повсюду жмурики валяются... Соображаете? Он, сучара хитрая, велел пошарить среди мертвых в поисках бесчувственных, отобрал, надо полагать, тех, кто был попроще видом — уж никак не дворянин, не почтенный какой. Нашел себе троих беспамятных и велел за руки за ноги оттащить на корабль. Во-он там такой же, как вы, найденыш... а третий где-то в дальнем углу, отсюда не видать... А чего? Недурно придумано. Может, кто-то из вас потом правдочку и найдет... в чем лично я сильно сомневаюсь, уж простите. Но даже если дело когда-нибудь вскрыется, главному вахарю не будет никакого ущерба. У него-то по бумагам все в ажуре: скольких принял, столько и доставил — и уплыл себе восвояси браво нести службу. Кто докажет, что это он все устроил? Никому ж неинтересно его закладывать, всем приятно получить законные денежки, когда на острове счет сойдется... А там — много воды утечет. Вы еще докажите сначала, что это вы и есть, а не тот, чей номерок вам на шею приклепали... Семь потов сойдет.

— Вот, значит, как... — медленно сказал Сварог.

— Ну, я ж и объясняю: посмотрели они, что вы дышите, кости целы, башка не пробита — и сволокли за руки-ноги на корабль. Благо отплывать ему полагалось тем же утречком. Положили вас туточки, где мы с вами сейчас сидим, а вы, ваша милость, были не в том состоянии, чтоб протестовать и качать права... Якорь выбрали — и привет, море-океан...

— А моя одежда? Все остальное?

— Ну, ваша милость, к чему глупые вопросы? Одежду вашу вахари наверняка прибрали, все, что было при вас, поделили... кроме того, что в картину категорически не вписывалось, — документы там, бляха гильдейская, или что еще у вас при себе было... Это-то, конечно, выкинули, тут и гадать не надо. А что, сойдет с рук. Там, в порту, сейчас определенно не до вас троих, им бы со взрывом разобраться. Я ж говорю: повсюду жмурики, развалины сплошные, ямы невероятных размеров, кусок берега обвалился даже. Будто тыща бочек пороха взорвалась единым махом, от одного фитиля... Уму непостижимый катаклизм, доложу я вам. Вы, случаем, не знаете, что это там бабахнуло?

— Откуда? — произнес Сварог равнодушным тоном. — Я в порту был человек случайный.

— Вот и попали под случай, хе... Вы не переживайте, и на Катайр Крофинде люди живут — хотя, конечно, как вспомнишь, что десять лет горбатиться, руки опускаются. Предлагали же мне идти официальным прислужником при игорном доме, в градские обыватели обещали вписать, а я, дурак, кобенился, хотя, если по совести, ночным ремеслом сшибал чистые гроши. Вот и угодил в закоренелые, соскочить не успел вовремя...

— Так это ты за мной ухаживал? — спросил Сварог с любопытством, подняв с досок все еще влажную холстинку. — Ведь не сам же я...

Собеседник понизил голос до шепота:

— Да нет, врать не буду... Это, извольте знать, вон те самые... — он показал глазами в сторону разбойников. — Сначала они на вас и не обращали особого внимания, а потом отчего-то вдруг проявили самый пристальный интерес, устроили аккуратнее, местечко выбрали посвободнее и почище, примочки на голову клали... Их главный так и распорядился... Они до-олго вокруг вас сидели, совершенно непонятно, отчего вы им так приглянулись... — шептал он почти беззвучно. Неспроста это, ваша милость, неспроста. Вы с ними поосторожнее и поаккуратнее, народ, сами понимаете, выдывавший всевозможные виды, для них любого замочить, что два пальца... Терять-то нечего — на Катайр Крофинде не вешают, только срок увеличивают, а этим, легко просечь, серьезного человека не особенно и запутаешь...

Сварог посмотрел в ту сторону. Семерка серьезных людей по-прежнему сидела к нему спинами — хотя, создалось полное впечатление, их так и подмывало обернуться. Словно угадав его мысли, сосед протянул:

— С чего их потянуло на доброту, в толк не возьму. Видно, для чего-то вы им надобны, и уж наверняка не для простой дури — вон, при них натуральная «скамейка», а если хотели покуражиться, тут полно народу послабже вас и попугливее, мелочи всякой пузатой... Они, если вы не поняли, определенно прокрутили вам смотрины, это, как бы выразиться...

— Да ладно, все я понял, — сказал Сварог.

Откинулся назад, прижался спиной и затылком к нагретым за день доскам борта, прикрыл глаза. Все, что следова-

ло знать, он уже выяснил, не было смысла продолжать пустую болтовню. Самое время подумать, как из всего этого выбраться. Ситуация далеко не самая погибельная, нет особой опасности ни для жизни, ни для здоровья — всего-то попал ненароком под свой же собственный указ касаемо подонков общества, не на плаху везут, не на съедение чудовищу. Должен быть какой-то выход, но искать его нужно не с кондачка...

Глава 2

СОВЕЩАНИЕ В ВЕРХАХ

Пришлось в который раз убедиться, что не следует делать культа из народной мудрости, в данном случае, из пословиц и поговорок. Утро оказалось ничуть не мудренее вечера. За ночь Сварог так и не придумал ничего толкового. Вообще, ночь прошла скверно. Спал он вполглаза, чутко прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из вонючего и душного мрака, — был начеку, на случай, если по каким-то своим неведомым сообщениям разбойная братия вздумает против него что-нибудь предпринять.

Обошлось. Они никак не дали о себе знать. С наступлением темноты устроили, правда, небольшое развлечение на свой манер — судя по возне, редким репликам и жеманному похихикиванию педрилы, незатейливо пользовали свою «скамейку», но потом утомились. Настала спокойная тишина, прерываемая порой разве что чьим-нибудь вскриком во сне, бормотаньем, оханьем. Корабль шел на всех парусах при ясной, как можно понять, погоде, в узкие щели меж добротнo сколоченными досками пробивался серебристый лунный свет, иногда над головой, на верхней палубе, слышались ленивые разговоры стражников. Они, как стало понятно очень быстро, бдели недреманно — хорошо понимали, сволочи, что под ногами у них полно людей, которым совершенно нечего терять. Всю ночь ходили вокруг люка, от борта к борту, от носа к корме, постукивая при этом, судя по звукам, дровками и прикладами.

Спать Сварогу отчего-то не хотелось — видимо, долгое пребывание в беспамятстве сошло для организма за длительный здоровый сон. Да и напряжение нервов давало себя знать. Так что хватало времени, чтобы о многом подумать трезво и рассудочно...

Бессмысленно было гадать сейчас, кто из его людей погиб при взрыве, а кто уцелел. Кто-то определенно погиб, а у кого-то были все шансы уцелеть: например, у Мары с Гаржаком, находившихся на корабле, в отдалении от суши. Зато те сыскари, что остались ждать поодаль от ворот, наверняка, бедолаги, попали под взрыв...

Итак, часть тех, кто прибыл с ним в Фиарнолл, уцелела. Но вот дальше-то что? Его, несомненно, начали искать практически сразу, насколько это вообще было возможно в наступившей сумятице, — но, ручаться можно, ни одна живая душа не в силах догадаться, что некий начальник конвоя, озабоченный тем, чтобы сошелся счет вверенного его попечению поголовья, решил, добрать разницу за счет первых подвернувшихся под руку мирных граждан... Зная Мару и Гаржака, зная остальных — например, баронессу, которая в ночной вылазке не участвовала, а оставалась в городе — можно с уверенностью говорить, что сейчас к месту взрыва согнали все наличные полицейские силы Фиарнолла. И, ничего не объясняя им прямо, велели, надо полагать, из кожи вон вывернуться, но просеять через сито каждую кучку вырванной взрывом земли в поисках живых и мертвых. Да, примерно так и будут действовать его люди, обнаружив, что король пропал без вести.

Короля, разумеется, не найдут ни живым, ни мертвым. И тогда... А вот тогда — ничего. Если не отыщется свидетелей, видевших, как этот сраный вертухай уволакивал на плавучую тюрьму беспамятных, поиски зайдут в тупик. Можно привлечь хоть целую армию, но какие задачи прикажете перед ней поставить, если известно, что король словно в воздухе растаял? То-то...

Оставалась слабая надежда на старуху Грельфи, способную с помощью каких-нибудь ухваток из своего не особенно богатого арсенала учуять Сварога на плывущем к Катайр Крофинду корабле, — но надежда, вот именно, слабая. Дохленькая, если откровенно. Может, старуха сумеет, а может, и нет...

Само собой разумеется, следует отместить громогласное обращение к вертухаям. Нет смысла называть себя, перечислять

свои титулы, настаивать на своей подлинности, грозя виселицей и плахой. Все равно никто не поверит, как не поверил бы он сам на их месте. Чересчур фантастично. Если исключить полтора десятка посвященных в тайну людей — при том, что неизвестно, сколько из них вообще осталось в живых — весь окружающий мир пребывает в уверенности, что король Сварог сейчас находится в своем латеранском дворце, из-за плохого настроения заперся в покоях и на людях почти не появляется, разве что пару раз в день проходит по галерее, прогуливается по плоской крыше.

Между прочим, это недалеко от истины: роль Сварога во дворце выполняет примитивная обманка, бестелесное подобие, двойник-призрак, оставленный там Сварогом для пущей убедительности.

Нет, ни одна собака не поверит, что властелин чуть ли не всего Харума вдруг оказался переряженным в фиарнольском порту. Только на посмешище себя выставишь, объявляясь. Этот вариант отпадает.

Остается либо покорно дожидаться прибытия на остров и попытаться что-то предпринять там, либо в полном соответствии с приключенческими романами (а также подзабытой идеологией марксизма-ленинизма, предписывающей угнетенным непременно восставать против угнетателей) поднять сотоварищей по несчастью на бунт, передушить вертухав, захватить корабль...

Вариант номер два по здравому размышлению представлял решительно невыполнимым. Препятствовала специфика плавучей тюрьмы. Здесь, в камере, бунтовать можно сколько угодно — весь бунт сведется к матерным выкрикам и напрасной беготне от стены к стене. Конвой на подобный «мятеж» не обратит особого внимания, разве что посмеется от души, наблюдая все это сверху, с безопасного расстояния...

Чтобы захватить корабль, нужно перебросить наверх достаточное количество людей, а сделать это невозможно: лестницы нет, высота помещения — более четырех ярдов, люк надежно закрыт решеткой с железными шипами. Выстроить живую пирамиду, чтобы карабкались друг по другу? Едва начнешь сооружать, конвой заметит и примет меры. Противодействие подобным выходкам наверняка отработано до мелочей — не первый год возят на острова каторжников, не первое десятилетие и даже не первый век...

Проковырять дырку в борту, достаточную, чтобы туда протиснулся человек? Отпадает. Доски из какого-то особо прочного дерева, испокон веков применяемого в кораблестроении, соединены на совесть. Щели между ними не оттого, что борт разохся — как показалось сначала ему, сухопутному, — а потому, что бесчисленные смены заключенных от нечего делать мало-помалу выдернули всю паклю, коей щели были некогда конопачены. На чем и успокоились, прекрасно понимая, что голыми руками борт не проковыряешь...

Разобрать пол, или, если следовать морской терминологии, палубу? Но она тоже из добротного сколоченных досок. Да и под ними — не желанная воля, а то ли пушечная палуба, то ли грузовой трюм. Голыми руками опять-таки не справиться. Отпадает. Господи ты боже мой, до чего дурацкая ситуация! Не менее сотни человек, готовых на все, чтобы отсюда вырваться, но повести их в драку нет никакой возможности...

Он перебирал свои магические способности, но не находил среди них той, что могла бы помочь в данном конкретном случае. Можно отвести глаза конвою, стать для них невидимкой — но это имеет смысл проделать, лишь оказавшись наверху. А чтобы оказаться наверху... снова пошла сказка про белого бычка. Замкнутый круг. Шансы появятся, когда окажешься наверху, а наверх ни за что не попасть...

Он встрепенулся, поднял голову, заметив, что люди вокруг оживились не на шутку. Наверху, над люком, началось какое-то шевеление, тени стражников то и дело перекрывали тень от решетки, лежащую на грязных досках.

— Что такое? — спросил он соседа, уже усмирленного, приведенного к полной покорности.

Тот без тени насмешки отрапортовал:

— Хавку будут раздавать, ваша милость. Одно счастье в нашем положении — пожарть от пуза, благо есть возможность. Они ж нас не собираются голодом морить, им, тварям, наоборот, нужно, чтобы мы пахать принялись в полную силу, едва сойдем с корабля на этом долбанном Крофинде... Сидите, не дергайтесь, у нас с вами номера чуть ли не в самом хвосте.

Послушав совета старожилы, Сварог остался сидеть в своем углу. Наверху шумно завозились, отвалили решетку, и в люке тут же показалось несколько лезвий гуф — здешнего подобия алебард. Солидные лезвия, шириной в две ладони и длиной поболее локтя, начищенные и наточенные на совесть, снаб-

женные кучей крючков, фигурных вырезов и острых завитков. Судя по их виду, вертухаями командовал толковый служака, ревностно следивший за материальной частью, — лезвия, острия и крючья так и сверкают солнечными зайчиками, до бритвенной остроты отточены, башку смахнут в два счета. А меж ними виднеются раструбы «чертовых дудок» — заряженных картечью мушкетов. Все продумано, мать их за ногу. Даже если сыщется акробат, способный одним прыжком окатиться на верхней палубе, — еще в полете напорется на заботливо подставленное лезвие или попросту получит дубинкой по башке...

Наверху деловито рывкнули без всяких эмоций: — Номер один! — и проворно опустили плетеную корзину на прочной веревке. Кто-то бросился к ней, расталкивая соседей, выгреб содержимое и, прижимая его к груди обеими руками, замешался в толпе. Корзина моментально взлетела вверх. Очень быстро наверху раздалось:

— Номер два!

Корзина вновь опустилась, стукнувшись круглым днищем о грязные доски, и все повторилось. Раздача пайки происходила в быстром ритме — опять-таки отработано за столетия...

В конце концов Сварог дождался своей очереди, вернулся на свое место и принялся разглядывать пищевое довольствие. Сосед оказался прав: голодом тут морить не собирались, наоборот, делали все, чтобы будущие герои трудового фронта сохраняли силы. Изрядный кусок сыра, шмат солонины, краюха хлеба и кусок сахара размером с куриное яйцо. Для дневного пайка вполне прилично — а из объяснения соседа явствовало, что это как раз дневной паек.

Питьевой воды тоже хватало: из стены торчал массивный кованный кран — хоть запейся. За переборкой, в соседнем помещении, надо полагать, постоянно пополнявшийся бак. Ну да, все продумано...

Без особой охоты Сварог уплеет примерно половину пайка — чтобы сохранить силы. Он без малейшего труда, в секунду завалил бы помещение гораздо более изысканными яствами — но не стоило привлекать к себе излишнее внимание. Единственное, о чем он жалел по-настоящему — это о сигаретах. Совершенно невозможно было на глазах сокамерников извлекать из воздуха сигареты, не говоря уж о том, чтобы их прикуривать от огонька на кончике пальца. А курить хотелось ужасно, и не

ему одному — там и сям слышались громкие стенания зяблых курильщиков по поводу отсутствия табака.

Заморив червячка, он почувствовал себя чуточку бодрее, но отнюдь не веселее. Сквернее всего, что заняться было совершенно нечем, не принимать же давешнее предложение насчет игры на пальцах: фальшивых пальцев, конечно, не бывает, прав громила, но у этих ореликов определенно придуманы и на этот случай какие-нибудь свои мошенничества...

Тут он заметил, что к нему направляется главарь — один-единешенек, без шестерок, сидевших на своем месте, старательно отвернувшихся в другую сторону. Сварог приготовился к неожиданностям, особо, впрочем, не напрягаясь: главарь все-таки был один, можно не только придушить, но и прикончить к чертовой матери, пока остальные успеют добежать...

Главарь опустился на корточки напротив Сварога, сделал мимолетное движение бровью, и Сварогов сосед, мелкая рыбешка, моментально отбежал подальше — прямо на четвереньках, не мешкая, не тратя времени на вставание. Они остались один на один, все остальные располагались слишком далеко, чтобы подслушать тихий разговор. Вчера вокруг Сварога не было такого простора — похоже, эти ребята все заранее организовали... Неспроста...

Сварог откровенно разглядывал своего визави. Крепкий мужик, сразу можно сказать, не склонный к сантиментам, все известные Сварогу наколки изобличают человека серьезного, не разменивавшегося на оставленных без присмотра кур и кошельки зазевавшихся на рынке мещанок. Значения некоторых рисунков Сварог, правда, не знал, загадочные насквозь картинки, но, опять-таки, вряд ли они символизировали мелкоту...

Ага, вот оно что! Полы хомерика разошлись, — а рубахи на главаре не было — и Сварог без труда разглядел наколотую против сердца синей краской корону, не похожую ни на одну из таларских, но выполненную с величайшим тщанием. Ну, следовало ожидать... Отличительный знак «тарабарского принца», или, пользуясь земными категориями, вора в законе.

Хомерик, кстати, показался ему смутно знакомым. Он не мог бы утверждать со всей уверенностью, но не особенно удивился бы, окажись это его собственная одежда, размер подходил, да и цвет тот же самый...

— Как поживаете, жамый? — вежливо поинтересовался главарь.

Это словечко Сварог прекрасно знал. «Жамый» — сокращение от «уважаемый», так обращаются друг к другу люди, не имеющие дворянского титула и не состоящие в Сословиях, — вполне вежливое обращение, обиходное, без тени насмешки, неприязни, оскорбления...

— Благодарствуйте, жамый, — ответил Сварог в тон. — Жизнь идет своим чередом, но, откровенно признаюсь, не особенно радует...

Главарь усмехнулся уголком рта, тронул ногтем большого пальца наконечник короны:

— Видывали? Смóтрите, будто понимаете, что к чему...

— Что это значит, примерно знаю, — сказал Сварог, тщательно взвешивая слова. — На живом человеке, правда, видеть до сих пор не доводилось, да и на мертвых тоже... Вы, значит, насколько я понимаю, тоже попали под указ?

— Вот именно, жамый, — сказал главарь с некоторой грустью. — Король наш Сварог, реформатор сраный... Совершенно не уважает сложившихся традиций, гребет под метелку и мелкоту, и солидных людей. Скажу вам по совести: только я начал обживать в одном нескучном местечке, именуемом каторгой, только начал усматривать слабые места в изгородях и маршрутах вахарей, которые человек понимающий всегда может со временем использовать к своей выгоде — как, нате вам, грохнул указ, словно гром с ясного неба, и потащили меня на корабль... В одночасье рухнули все планы — между прочим, толковые и выполнимые... Я слышал, что у вас произошло. Точнее, как вас прихватили для ровного счета... Я так понимаю, это прискорбное событие и ваши жизненные планы нарушило?

— Не то слово, жамый, — сказал Сварог. — Не то слово...

— Значит, смело можно сказать, что мы с вами собратья по несчастью, а? Можно спросить, каковы ваши дальнейшие планы? Что-то до сих пор вы не кричали туда, наверх, что произошла ошибка и нужно немедленно восстановить справедливость...

Сварог хмыкнул:

— Позориться? Кто поверит?

— Я смотрю, вы человек несуетливый и трезвомыслящий... Можно спросить, чем на жизнь зарабатывали до этого прискорбного события?

Почти не раздумывая, Сварог ответил:

— Купец. Из Готара. Собственно, не купец, а, как бы это выразиться... У нас крохотная страна, знаете ли. Далеко не все так расписано и регламентировано, как в больших державах. Ну, и мы, соответственно, не привязаны так к одному-единственному ремеслу, как это обстоит в каком-нибудь Снольдере или Ронеро. Подворачивается случай — торгуем. Если случится подряд взять, еще как-нибудь подработать, — и этого не упускаем. Одним словом, грошик к грошику — глядишь, и аурей сколотился...

— Понятно. В таком случае, может, и таверну «Бешеный кабан» знаете?

— Ту, где заправляет Кривой Арак? Кто ж ее не знает... Хорошо идут дела у Арака, пристройку ладит, соседний участок прикупил, расширяться думает. Народу туда в последнее время нахлынуло изрядно, новые большие дороги образовались, денежки звенят...

— И в Карагуле бывали?

— А как же, — сказал Сварог. — Если вы знаете тамошнюю водяную мельницу, то хозяин, Соло Бабья Погибель — мой старый приятель...

Подобных расспросов он не боялся — хорошо знал Готар (хотя с теми, кого сейчас зачислил в друзья-приятели, был знаком исключительно заочно, по донесениям полиции).

Однако собеседник новых вопросов задавать не стал. Протянул с прежней интонацией:

— Понятно... Ну что ж, если вы и не готарский, то в Готаре безусловно бывали, очень уж быстро и уверенно отвечаете. А вы ведь не могли знать, что я в первую очередь о Готаре спрошу...

— Это что, вы меня допрежь в чем-то подозревали? — усмехнулся Сварог.

— Да как вам сказать... — уклончиво ответил «тарабарский принц». — Не принимайте на свой счет, я вас умоляю, но в такой компании — не без стукачков...

— Здесь? — спросил Сварог с искренним удивлением.

— Ага. А как вы думали? Большой этап, рыл с сотню, плыть недели две... В таких случаях вахари всегда засовывают стукачков. Для пущего душевного спокойствия. Есть они тут, есть, поверьте человеку опытному... За настроениями следить, возможный бунт вовремя учуять, вообще присмотреться к людишкам... Ладно, что это мы о всякой гнуси? Да-

вайте вернемся к людям приличным и солидным, вроде нас с вами. Можно ли поинтересоваться вашим честным имечком?

— Шабар Каруген, — представился Сварог без запинки.

Тут и выдумывать не стоило, именно так звали — да и сейчас зовут — одного из стражников в готарской резиденции Сварога. Хороший мужик, справный работник, с криминалом никогда не вязался...

— Очень приятно. А меня кличут Бангал.

Последняя фамилия, надо полагать, подумал Сварог и развивать эту тему не стал. Выжидательно посматривал на нового знакомого — в конце концов тот пришел сам, значит, определенно имел какой-то свой интерес...

— Жамый Каруген, мне бы вот что хотелось знать... — прямо-таки задушевно произнес Бангал. — Что вы дальше намерены делать в столь печальном положении? Что-то не верится мне, что вы горите желанием десять лет горбатиться на хлопковых полях или на «сморке»...

— Здесь я правды не найду, это и дураку ясно, — сказал Сварог задумчиво. — Но, может быть, удастся что-нибудь предпринять на Катайр Крофинде? Наверняка есть какая-то возможность...

— Нет такой возможности, — быстро сказал Бангал.

Это было вранье чистой воды, как мгновенно определил Сварог. Он еще думал, как бы деликатнее выразить недоверие, когда Бангал заговорил первым:

— Не верите?

Глаза у него были колющие, холодные, так и просвечивавшие насквозь. Он напрягся, чуть-чуть подавшись вперед. Повторил увереннее:

— Не поверили. Ни капельки. Вы знаете, что я вру?

— Да ну, с чего вы взяли...

— Знаете, — уверенно сказал Бангал. — Вы как-то определили, что я соврал, и не ломайтесь, это чистая правда... Лицо у вас стало... примечательное, никакой ошибки. Знал я двоих таких в свое время. Совершь ему, а он посмотрит, как шилом уколется, и совершенно точно знает, что ты сбрехнул. Один был ничего, безобидный, трудился купеческим проводником, а вот второй был сыскарь, и от этого его умения, легко догадаться, иные люди кровавыми слезами плакали... Сядет напротив, уставится своими шильями, и невозможно ему соврать хотя бы

в малости... Знающие люди ту губернию седьмой дорогой обходили, чтобы в случае чего к нему на спрос не попасть. Но его, заразу, все же постигло однажды несчастье. Споткнулся и упал на ножичек, одиннадцать раз подряд — и делайте со мной, что хотите, но верно вам говорю, что «тарабарские господа» тут ни при чем. Этот дурак однажды намекнул своему собственному начальству, что оно, начальство, врет касаясь истинных причин расходования некоторых казенных сумм. Суммы были немаленькие, вот и пришлось нашему умельцу на ножик по оплошке падать...

— Значит, вы, как бы это поизящнее выразиться...

— Соврал, соврал я вам, каюсь, — сказал Бангал, ухмыляясь без видимого раскаяния. — Есть зыбкая возможность отыскать правду и вырваться с острова, причем, говоря откровенно, не только для случайных постояльцев вроде вас. Деньги — они везде деньги, жамый, сам понимаете... Давным-давно механика отработана. Вам, может, и будет удивительно, но не так уж мало народу попадало на Крофинд по недоразумению или случайности. Есть там людишки среди чиновного народа. Закидывают бредешок в каждую новоприбывшую партию и намекают недвусмысленно, что к чему. Готовы за приличные денежки восстановить справедливость в отношении невинно попавшего. Только, во-первых, дело это долгое — пока снесутся с подельниками на континенте и выяснят совершенно точно, что вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете, что денег у вас достаточно. Потом возьмут с вас заемные письма, сдерут денежки — и тогда только отпустят восвояси. А во-вторых, предприятие это дорогое. Если вы не дворянин, не член сословия, не имеете могучей и влиятельной родни и тому подобного — обдерут вас, как киску в заведении меховщика. Справедливо рассуждая, что вы отдадите все до грошика, лишь бы не валандаться на Крофинде десять лет... Вот и подумайте, нужно ли вам такое — оказаться на свободе не ранее чем через годик голым и босым... А?

На этот раз он не врал. Сварог непритворно задумался. Вообще-то приходили в голову надежные варианты: ну, скажем, объявить себя родственником Мары или Интагара, написать такое письмо «родне», чтобы моментально поняли, что к чему... Но время, время! «Тарабарский принц» кругом прав: если не год, то пара месяцев пройдет, прежде чем на континен-

те получают весточку от короля Сварога. Пара месяцев в бараке для хлопкоробов, когда Горрот сидит костью в горле, когда к Талару с каждым мигом приближается Багряная Звезда...

— Вы абсолютно правы, жамый Бангал, — сказал он твердо. — Мне никак не улыбается прибегать к помощи этих ваших шустрых чиновников. И время потеряю, и обдерут дочиста... Может быть, есть какой-то другой выход?

— Если подумать, найдется. Я, к чему вилять, за тем и пришел, чтобы вам предложить поискать его вместе. Чует мое сердце, что вы можете пригодиться. Смотрел я, как вы разбрасывали моих обормотиков, какое у вас при этом было лицо.

— И какое?

— Подходящее. Лицо человека, привыкшего мотать кишки ближнего своего на грязную изгородь. Подозреваю, за спиной у вас немало таких дел, которые делаются без всякого сlundтства и доброты...

— Я из Готара, — развел руками Сварог. — Пограничье, сами понимаете. Народ мы простой и бесхитростный, привыкли полагаться не на писанные законы, а на кулак... Значит, вы мне предлагаете к вам присоединиться? Другими словами, вместе с вами захватить корабль?

Бангал спросил совершенно безмятежным тоном:

— А почему вы решили, жамый, что кто-то хочет захватить корабль?

— У меня, если вы не заметили, есть голова на плечах, — сказал Сварог. — Из нашего печального положения есть, хоть ты тресни, только два выхода. Первый — попытаться с помощью звонкого золота и продажных чиновников тюремного ведомства освободиться, обитая на Крофинде. И второй — не дожидаясь, когда корабль придет на остров, захватить этот плавающий сарай. Два выхода, других попросту нет...

— Вы мне облегчаете задачу, жамый, — сказал Бангал тихо. — Ясно уже, что вас не придется долго уламывать, как нетронутую девку, и долго растолковывать вам не нужно... Вы все правильно понимаете, выходов только два. И долгий меня не прельщает. Мне по нраву как раз короткий. А потому говорю вам откровенно: корабль я попробую захватить. И мне нужно, чтобы вы были с нами. Я вам не буду расточать ужасные угрозы, и жутких клятв брать с вас не стану — к чему эти глупые церемонии в нашем-то положении, меж умными и решительными людьми? Я просто верю, что вы человек разум-

ный, мигом все взвесили и прекрасно понимаете, что нет у вас обратной дороги, и нет друга, кроме меня...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Считайте, что я встал в ряды, поскольку обратной дороги и в самом деле нет, а на свободу я могу вырваться только рука об руку с вами... Полагаю, теперь можно поинтересоваться... У вас есть какой-то план?

— Пока нет.

— Объяснитесь.

«Тарабарский принц» наклонился вперед, так, что их лица почти соприкасались. Он явственно волновался, хотя изо всех сил старался этого не показывать, глаза у него лихорадочно блеснули, дыхание участилось...

— Это не план, — сказал Бангал. — Это последняя надежда, отчаянная ставка... Мы в таком положении, когда я просто обязан рискнуть... В настоящем нашем положении отсюда просто невозможно вырваться. Такой возможности попросту нет. Вахари, конечно, сволочи, но ремесло свое знают туго. Отсюда не вырвешься.

— Да, я уже кое-что обдумал...

— Моя последняя надежда заключена в одном-единственном вопросе, — сказал Бангал так тихо, что Сварог едва разобрал слова обычным человеческим слухом. — Среди ваших колдовских умений найдется что-то такое, способное нам помочь?

Сварог не пошевелился, не изменил выражения лица. Он всего-навсего поднял бровь:

— Колдовских? А простите, с чего вы...

Бангал рывком опустил руку в карман, пошарил там — и, протянув к Сварогу сжатый кулак, разомкнул пальцы, не отводя отчаянного, горевшего лихорадочной надеждой взгляда.

На его широкой ладони лежала сигарета — точнее, то, что от нее осталось: нетронутый фильтр и при нем обломок шириной с палец. Одна из тех сигарет, что Сварог каждый день создавал без всяких усилий: желтоватая тонкая бумага, черный табак, светло-коричневый фильтр с двумя золотыми полосками.

«Ах, вот оно что», — подумал Сварог.

— Табак, сразу ясно, — сказал «тарабарский принц». — Отличный виджитанский табачок, какой курят только люди с достатком. Не пойму, правда, как эта штука сделана — человеческие руки сигарку так ювелирно не свернут, да и эта хреновина вроде ваты непонятно зачем тут присобачена...

Но одно ясно: это натуральный табак. Если поджечь открытый конец, можно курить... Вам крупно повезло, что первым заметил, как у вас в руке появляется прямо из воздуха эта штучка, один из моих ребят. Вы валялись без сознания, а она вдруг появилась неведомо откуда... Потом еще одна, и еще... Вы были в беспамятстве, неосознанно творили... Слышал я про подобные штучки. Немало еще людей с такими вот потаенными способностями, оставшимися от старых времен... Вы не беспокойтесь. Когда я понял, что к чему, ребятки вас тут же обсели, чтобы эти овцы не пялили попусту глаза... Одним словом, вы их сделали ровно пять штук. Остался только этот огрызок. Остальные я, простите, жевал — курить хочется невероятно, я ведь из заядлых дымоглотов... Вот... А потом рядом с вами, опять-таки неведомо откуда, два куска ветчины объявились. Опять-таки свежайшая ветчина, сочная, господская... Схавали мы ее, уж не посетуйте. Куда же ее было девать? Ну, тут стало окончательно ясно, что вы, простите на худом слове, если что не так, самый натуральный колдун. Или как там это еще называется. Я в этих материях разбираюсь плохо, да и не в ученых названиях дело... Главное я ухватил: вы, жамый, умеете то, что не каждый умеет. Необычный вы человек, теперь ясно.

Только обстановка такая, что восторгаться или удивляться некогда. Как человек приземленный, я в первую очередь задал себе насквозь практический вопрос: а нельзя ли ваше умение обернуть себе на пользу? Благо цели у нас с вами совпадают... Ну, и начал я за вами наблюдать. Настропалил ребят, чтобы прощупали, стал смотреть, что вы предпримете... Честно вам признаюсь, что нынешнюю ночь я не спал вовсе. Лежу и думаю: а вдруг вы, придя в ясное сознание и видя свое положение, улизнете каким-то волшебным образом? Ведь помешать вам в этом случае было бы решительно невозможно. Вы и не представляете, какой каменюга у меня с души свалился, когда рассвело, а вы сидели на прежнем месте... Значит, улизнуть в одиночку не можете, а? Не хватает умения? Не можете, скажем, дымком обернуться и в щель между досками улетучиться? И не можете велеть вахарям, чтобы сошли сюда, вывели вас наружу, повернули корабль назад?

— Ваша правда, — сказал Сварог. — Этого я не умею.

— Но что-то же умеете, кроме того, чтобы доставать из воздуха табак и жратву? Что-то, что поможет отсюда выло-

миться? О вас, колдунах, столько рассказывают... Думайте, жамый, думайте! Или вам охота горбатить десятку на хлопке?

— Никоим образом.

— Ну, так как тогда?

Сварог старательно перебирал в памяти все, на что он был способен. К сожалению, приходилось признать, что большая часть его магических способностей предназначена исключительно для того, чтобы сделать благополучную жизнь еще более комфортной, и только. А остальное... Умение не задохнуться в виселичной петле абсолютно бесполезно там, где тебя не вешают... Точно так же обстоит и с ночным зрением, и кое с чем еще... А впрочем... Если подумать...

— Кое-что, если рассудить, все же отыщется, жамый Бангал, — сказал он уверенно. — Правда, нам нужно как следует посоветоваться и многое обсудить...

— Все, что хотите, — горячечным шепотом ответил Бангал. — Я сейчас готов и душу прозакладывать, если вы по этой части...

Сварог усмехнулся:

— Душа ваша мне без надобности, успокойтесь. Объясните-ка лучше вот что...

Глава 3

САРЫНЬ НА КИЧКУ!

Сколько бы там грехов ни накопилось у Бангала за душой, организатором он оказался отменным. Впрочем, в противном случае вряд ли и докарабкался бы до своего нынешнего титула в «тарабарском царстве»...

Предложенный им план, быть может, и не стал вершиной военно-стратегической мысли, однако выглядел, по мнению Сварога, лучшим из того, что в данной ситуации можно придумать. Риск, понятное дело, был огромный, а победа отнюдь не гарантирована, но тут уж ничего не поделаешь: единственный шанс, единственно возможный замысел...

Плохо только, что самому Сварогу пока что совершенно нечего было делать в ожидании своего звездного часа, и он от вынужденной праздности готов был на стену лезть. Эти несколько дней в вонючем трюме показались бесконечными, время ползло, как черепаха. Но ничего тут не поделаешь: во-первых, предприятие требовало нешуточной подготовки, а во-вторых, «тарабарский принц» с большим знанием дела растолковал, почему следует выждать несколько лишних суток.

Все дело, объяснял он, в психологии конвоя: первые два-три дня, когда этап только-только отправился в дорогу, вахари чувствуют себя, словно на раскаленной плите: ждут подвоха, бунта, сопротивления, какого-то хитрого финта, отчего являют собой образец бдительности и настороженности. Ну, а потом,

когда с течением времени не происходит ровным счетом никаких инцидентов, охрана незаметно для себя расслабляется, утрачивает прежнюю хватку, бдит уже не так недреманно... Конечно, в лексиконе Бангала не было слов «психология» и «инциденты», но верить ему следовало безоговорочно, знал, о чем говорил.

Дни напролет его подручные, стараясь не суетиться, бродили по плавучей камере. Высматривали подходящих людей, присаживались рядом, заводили беседы — намеками, издали. Иногда, закинув крючок, вставали и уходили, предоставляя клиенту дозреть, а иногда рыбка оказывалась сообразительной, заглатывала наживку моментально, и дипломатической изощренности не требовалось.

Понемногу выяснилось, что твердо рассчитывать можно человек на сорок. От профессиональных нищелюбов со стажем и мелкого жулья с городских окраин с их повадками скорее бродячих собак, чем волков, толку в настоящем бою ждать не приходилось — на острия гуф и дула мушкетенов вряд ли прут с голыми руками даже ради желанной свободы. Рефлексы не те. Однако в трюме хватало и народа совершенно другой масти: разбойники, серьезные воры и прочие душегубы; люди с опытом военной службы — и дезертиры, и просто бывшие солдаты; привыкшие ко всему жители Пограничья, порубежных губерний и Вольных Маноров; моряки с туманной биографией... От них предполагалось гораздо больше пользы. Благо стражников, судя по опыту тюремных сидельцев, на таком корабле самое большее человек сорок — не армия, как-никак. Матросов принимать в расчет особенно не следовало — они наловчились драться в кабаках и пырять друг друга ножами, но в драке с волками, которым совершенно нечего терять, вряд ли покажут чудеса героизма, как-никак не военные, обычная «парусная прислуга». А впрочем, как сказал Бангал с мечтательно-хищной улыбкой, даже от мелкой шелупони может выйти в схватке кое-какая польза: видя, что наша берет, иной шпенек и нападет на вахаря со спины, и за ноги схватит, предусмотрительно лежа в уголке. Такова уж человеческая натура — с определенного момента даже самые трусливые стремятся срочно примкнуть к явственно обозначившемуся победителю.

Даже если среди трюмных постояльцев и имелись стукачи, помешать они ничему не могли: посланцы Бангала не называли никаких конкретных дат и никого не посвящали в конкрет-

ные планы действий, детали и подробности. Просто-напросто сообщали намеченному в потенциальные соратники, что «кое-что готовится». Выясняли, готов ли он примкнуть, помахать кулаками ради свободы. И потом, у стукачей в здешних специфических условиях не было никакой возможности украдкой встретаться с начальством для доклада. Тихарю оставалось одно: подбежать к люку и заорать что есть мочи охране что-то вроде: «Родненькие, срочно заберите меня отсюда, я та-а-кое расскажу — ахнете и оцените!» Пока что ничего подобного не произошло.

Оружия, правда, не было. Ничего, хотя бы отдаленно похожего на оружие или способного с грехом пополам оружие заменить. Ни единой булавки на сотню человек. Как ни прикидывай, потери среди бунтовщиков обещают быть огромными. Но Сварог в глубине души полностью соглашался с нехитрой мыслью, высказанной Бангалом вслух: бывают случаи, когда на любые потери следует заранее начихать с высокой башни. И, между прочим, продолжал Бангал, развивая тему о шпиках, неизвестно еще, как поведут себя стукачи, когда запахнет свободой, поспешат доложить о готовящемся бунте, или промолчат — это ведь определенно не сыскари на жалованье, посаженные «под видом», а такие же каторжане с десяткой в зубах, запуганные либо соблазненные будущими послаблениями...

Сварог согласился с этой мыслью, но уточнил: все зависит от того, насколько стукач поверит в успех дела. Если увидит реальную надежду на успех, наверняка промолчит, а вот если ему покажется, что у мятежа нет ни малейших шансов — поднимет шум.

Бангал признал, что его собеседник, точно, прав. Они со Сварогом о многом лениво болтали, сидя в уютно обустроенном закуточке в углу трюма. Подручные «тарабарского принца» в два счета конфисковали у товарищей по несчастью кучу одежды — где без сопротивления, где убедив зуботычицами — и быстренько сварганили из этого вороха большой прочный полог, натянули его на сплетенной из поясов и разорванных на ленты рубах веревке, которую надежно закрепили в щелях меж досками с помощью самых больших пуговиц, вбитых вместо клиньев. Судя по сноровке, им не в первый раз приходилось такое проделывать. Получилась добротная занавеска, надежно скрывавшая от глаз остальных жизнь кучки привилегированных. Причины тому были самые практиче-

ские. Во-первых, не стоило остальным дивиться, как «политбюро» угощается появлявшимися прямо из воздуха яствами, а порой и покуривает Свароговы сигареты (ночной порой, старательно выпуская дым в самые широкие щели, — днем какой-нибудь шустрый вахтенный мог и заметить с палубы, что из трюма пробивается дымок). Вообще-то еды и табака хватило бы на всех, Сварогу это стоило бы минимальных усилий, но не следовало привлекать лишнего внимания к обладателю магических способностей. Во-вторых, в закутке за занавеской уже хранилось кое-что, подготовленное для рывка, опять-таки сотворенное Сварогом...

Бангал, прохвост битый, все еще не оставлял попыток прощупать нового поделщика. Частенько, во время самых отвлеченных и пустых разговоров — в основном о своих или Сварога странствиях по Харуму, тавернах, бабах и приключениях — Сварог вдруг понимал, что ему словно бы невзначай, мимоходом, с самым простецким выражением лица поставили коварную ловушку. Вполне могло оказаться, что пару раз он в таковые ловушки все же угодил — очень уж многозначительные искорки вспыхивали в глазах «тарабарского принца».

Наверняка были какие-то подвохи, о которых Сварог попросту не мог знать — какие-то третьестепенные тонкости, известные лишь настоящему купцу из Готара, но никак не самозванцу.

А впрочем, особенно беспокоиться по этому поводу не стоило. Бангал не перегибал палку, как-никак Сварог был ему пока что жизненно необходим. Скорее всего, «тарабарский принц» был из тех, кто терпеть не может загадок и неясностей в непосредственной близости от себя — в чем не было ничего странного, учитывая специфику ремесла, каким он зарабатывал на жизнь. Ну и черт с ним. Вряд ли замышляет что-то недоброе — какая ему выгода? Наоборот, сообщника с такими способностями следует рассматривать как подарок судьбы, пылинки с него сдувать, используя в своих делах. Интагар кое-что рассказывал о подобных случаях, когда воровской мир стремился поставить себе на пользу любые магические знания, да и Паколет в свое время вспоминал, как укрывал свое умение от людей серьезных, чтобы не приспособили к тяжелым делам. Так что можно себя чувствовать в полной безопасности — по крайней мере, пока они не достигнут Харума. В любой момент можно спросить небрежным тоном: «Жамый Бангал, а вы, часом, не

замышляете ли против меня что-то плохое?» — и вранье выплывает наружу моментально...

Вот и сейчас Бангал, привалившись спиной к борту, разглядывал Сварога с тем же выражением мучительного, тягостного раздумья, почти что и не скрывая этого.

— Ну что? — лениво спросил Сварог. — Цветы на мне выросли?

Бангал фыркнул словно бы смущенно, помотал головой, потом решительно сказал:

— Дурацкое ощущение, но никак не проходит... Гвоздем у меня в башке сидит, что где-то я вас видел, жамый Шабар. Память на лица у меня алмазная... Вас не затруднит приподнять голову? Задрать подбородок, чтобы поза была горделивая, на манер королевской? Спасибо. Точно, я вас где-то видел, и должен бы прекрасно помнить, где, — но из головы вылетело напроочь. Совсем недавно я вас должен был видеть, несколькими днями тому, перед самым отплытием...

— Может, где-нибудь на улице в Фиарнолле? — непринужденным тоном спросил Сварог.

— Да нет, вряд ли. Какая, к лешему, улица? Нас из Сноля везли опять-таки на корабле, сначала по реке, потом по морю, а здесь в Фиарнолле, перегнали по набережной в амбар закоулками, где не было никого постороннего... Нет, не в порту... но определенно тут, в Фиарнолле. Не может такого быть — но я ведь помню! Вот только где? Скажите по чести: может, вы мне память на этот счет отшибли какими-то чарами?

— А зачем?

— А кто вас знает...

— Бросьте, — сказал Сварог. — Это вам, жамый, всякая чушь лезет в голову от безделья. Очень мне нужно чары на вас тратить... И потом, вам не кажется, что я отшиб бы вам всю память? А не только воспоминания о месте, где вы меня якобы видели?

— Пожалуй, — согласился Бангал, но тут же упрямо мотнул головой: — И все же я вас где-то видел. И должен помнить, где! Но — не помню...

Сварог, кажется, понимал, в чем тут дело...

Согласно строгим правилам судопроизводства оглашать приговор каторжанам перед отправкой обязан его милость королевский прокурор — в соответствующей случаю обстановке, в юстициарном зале. А там, естественно, находится его, Сваро-

га, или бюст, или портрет. Существует длиннейший перечень присутственных мест, где просто обязан находиться бюст или портрет здравствующего монарха, а кроме того, масса чиновного народа непременно проявит самостоятельность, выказывая таким образом свою преданность владыке. Соответствующие инстанции только-только начали нешуточные труды по бюстизации и портретизации, но кое-где мраморные и живописные изображения Сварога уже появились. Не зря Бангал просил задрать подбородок — на бюстах и на портретах любой король, согласно незыблемым канонам, изображается с горделиво воздетым подбородком и орлиным взором. Ну да, никаких сомнений, Бангал где-то видел бюст или портрет Сварога, выполненные, надо полагать, с большим сходством. И не может сейчас связать их с «горротским купцом» исключительно оттого, что любой на его месте будет искать разгадку где-то в другом направлении. Невозможно поверить, что король чуть ли не всего Харума вдруг обнаружился в грязном трюме вертухайского парусника, везущего на каторгу всякий сброд...

— Никак не могу вспомнить, — с нешуточной злостью на самого себя пожаловался Бангал. — А я ведь должен, у меня...

Краешек полога откинулся, показалась озабоченная физиономия убийца полицейских:

— Башкан, стеремянто! Тамо едн шлепак кутигасится у чуры! Сам зырни...

Бангал мгновенно поднялся на ноги, словно распрямилась стальная пружина.

— Что-то случилось? — насторожился Сварог.

— Давайте посмотрим, — нехорошо улыбаясь, сказал Бангал. — Друг мой верный только что сказал, если перевести на понятный вам язык, что какой-то обормот подозрительным образом трется у люка...

Они осторожно выглянули в щелочку. Возле квадрата солнечного света, падавшего на грязные доски через закрытый шипастой решеткой люк, и в самом деле «кутигасился» один из каторжан. Нервно расхаживал взад-вперед, исходя видимым на расстоянии нешуточным напряжением, стараясь делать вид, будто беспечно прогуливается, устав сидеть, ноги разминает, — но было в нем что-то такое трусливо-решительное, нехорошее.... Не выдержав, пару раз зыркнул вверх, тут же отвел глаза, беззаботность стала еще более нарочитой, походка — еще более нервной...

Было в нем что-то от марионетки в руках неумелого кукловода — только вот явственно веяло вполне человеческими колебаниями, страхом, неуверенностью...

— Не нравится он мне, — тихонько сказал Сварог.

— А уж мне-то! — фыркнул у него над ухом Бангал. — Как же, имели честь неоднократно наблюдать подобное при других обстоятельствах... Настоящая и неподдельная «пляска тихарика», верно тебе говорю: и жутко ему, и донести хочет непременно. То ли много ему наобещано, то ли, ты прав, не верит в успех предприятия... Ишь, как его корежит, сучару... Ну, понятно, вот-вот начнется кормежка, можно уцепиться за веревку и заорать, чтобы подняли, там, среди вахарей у люка, наверняка будет тот, кто его мазал...

— И что делать? — спросил Сварог.

— А что тут сделаешь? — спокойно пожал плечами Бангал. — Значит, судьба такая — начинать именно сейчас. Надо же когда-нибудь начинать... — его тон был будничным, почти равнодушным. — Выходит, пора... Жамый Шабар, я вас душевно прошу, зажигайте огонь, а уж костер вам поможет соорудить наш расторопный Цура, он на такие штуки горазд... Цура! Бадохай ламя, шиче-шиче! Шиче, блэ!

В закутке моментально началась деловая суета. Цура — тот самый, что имел за душой полицейских, — проворно принялся складывать в кучку пригоршни невесомых бумажек от распотрошенных сигарет. Второй вытащил из дальнего угла лежавшую на чьей-то рваной рубаше кучу черного табака — от тех же сигарет. Вышло так, что из всего, что Сварог умел творить, горючим материалом оказались лишь сигареты, вот и пришлось создать их целую кучу...

Еще двое сидели на корточках рядом, помогая при необходимости. Протянув палец с появившимся на нем язычком огня, Сварог осторожно поджег первую бумажку. Крохотное пламя перекинулось на сложенную Цурой кучку, и душегуб подбросил еще бумаги, горсть фильтров... Его корешок осторожно подсыпал табак, подкладывал лоскутья рубашки.

Пламя костерка уже доставало стоявшему во весь рост Сварогу до колен, дым понемногу заволакивал закуток, и они, сорвав полог, высочили наружу, заорали во всю глотку:

— Пожар! Пожар! Горим, мать вашу! Пожа-а-а-аар!!!

Остальные, непосвященные в стратегические замыслы, повели себя как и следовало ожидать: в ужасе шархнулись

всем скопом к противоположной стене. Пожар разгорался, в огонь летели новые доски, бумага, табак, сигаретные фильтры, остро воняло горелой синтетикой, чуть приятнее пахло тлеющим табачком, дым уже валил, как из кухонной трубы перед большим праздником, тянулся в люк. Наверху наконец-то заметили нечто неладное, над головой послышался топот, раздались недоумевающие выкрики, и совсем близко залилась пронзительными тревожными трелями боцманская дудка.

Одним прыжком оказавшись в центре трюма, Бангал закричал:

— Слушай меня, тарабарские! Началось! Въехали, корявые? Бахан на кутан, дружочки, шахан на цуцан! Шомай, рванина, светит воля! Началось!

И почти сразу же десятка два голосов, надсаживаясь в яростной надежде и азарте, подхватили:

— Пожар! Пожар! Горим! Спасайте, мать вашу! Горим, вахари!

Наверху уже разворачивалась нешуточная суматоха, палуба над головой гудела от грохота шагов, но все это никак не походило на панику: судя по звукам, группы людей бежали в одном направлении, звучали громкие, яростные команды, что-то шумно волокли, что-то тяжелое и длинное, звенели, отталкиваясь, лезвия гуф, стучали приклады о палубу, дудка свистала, не переставая...

Сварог ослабилсЯ, представив, каково им сейчас — тем, наверху. Пожар на корабле — это очень страшно. Вокруг, конечно, целое море воды, в самом прямом, не в переносном смысле, но какой от нее толк? Это от горящего дома можно уйти подальше, а куда денешься с пылающего корабля? Разве что в шлюпки-скорлупки — а до ближайшей суши далеко. К тому же в трюме наверняка стоят бочки с порохом — кроме кагоржников, корабль везет груз для Катайр Крофинда, все, что там не производят, а значит, и порох...

Шипастая решетка вдруг исчезла, поднятая и отброшенная дюжиной рук. В отверстие люка свесилась перекошенная уса-тая физиономия в живописном обрамлении мушкетонов. Поводя усами и вращая глазами, вахерь какое-то время смотрел вниз, но потом ему прямо в лицо ударил клуб густого дыма, после чего не осталось никаких сомнений относительно происходящего в трюме. Физиономия отпрянула, перхая и матерясь,

исчезла из виду. Дула мушкетонов, правда, остались. Над самым люком кто-то громко отдавал приказы.

Вдруг что-то заскрежетало: это сверху косо опускалась самая настоящая лестница, широкая доска с приколоченными перекладинами и перилами, ее нижний конец глухо стукнул в пол, и тут же наверху рывкнули:

— Слушай меня, рванина! Всем моментально отойти к дальней стенке! Кому говорю! Кто замешкается, прибью!

И вслед за тем, буквально через пару секунд, бабахнул мушкетон. Целая россыпь картечи ударила в пол, взлетели щепки, кто-то дико заорал — должно быть, зацепило рикошетом. Толпа отхлынула к упомянутой стенке — трусы, как и следовало ожидать, быстрее всех, оказавшись теперь в задних рядах, а вот люди другого склада, Сварог в том числе, оказались впереди...

В клубах дыма вновь замаячила усатая физиономия и, рассмотрев обстановку насколько удалось, пропала с глаз. Затопотали сбегавшие по лестнице стражники — ошетились гуфами и мушкетонами, они тут же с большой сноровкой рассыпались цепью, перегораживая трюм, оттесняя остриями толпу еще дальше. Их становилось все больше и больше, выстроились почти что локоть к локтю. По опустевшей лестнице проворно сбежал, придерживая широкий клинок на боку, некий чин — судя по золотым жгутам и нашивкам на серо-лиловом мундире тюремного ведомства, не простой вахарь, а лицо, облеченное некоторой властью. Бросился в тот угол, где горело и дымил, пытаясь рассмотреть источник неожиданного возгорания, разгоняя дым шляпой...

Сварог понял, что пора действовать.

Он не смог бы описать обычными словами, что с ним произошло. Скорее всего, и не было таких слов. Просто — получилось. Он знал, что получилось, так как перешел в какое-то другое состояние.

Видел, как непроизвольно исказилось лицо стоявшего рядом Бангала — ну да, Сварог миг исчез, растворился в воздухе...

Высмотрев подходящую брешь — довольно широкое пространство меж двумя стражниками — Сварог бросился туда. Он все же задел локтем одного, тот дернулся, недоуменно выпучил глаза, но, скорее всего, решил, что ему показалось...

В три секунды Сварог взлетел по пустой лестнице наверх, словно ошалевшая кошка. Чуть не столкнулся лоб в лоб с несущейся

шимся к люку матросом — с полдюжины морячков тащили по палубе брезентовый шланг, который явно собирались подключить к водопроводному крану, — шарахнулся в сторону, прижался к мачте, зажмурясь, ожидая, когда глаза после чуть ли не недельного пребывания в полумраке привыкнут к яркому солнечному свету. Огляделся. Самая обычная палуба обычного корабля. Перед люком выстроились шеренгой не менее двадцати стражников, бдительно держа гуфы наперевес. Никто уже не суетился, все знали свой маневр. Второй начальник, держа руку на эфесе, вытянул шею, стараясь рассмотреть хоть что-то в люке, откуда все еще валил дым. Матросы со шлангом исчезли в трюме. Остальные таращились сверху, со снастей.

И никто, разумеется, не видел прижавшегося к мачте человека в мятых, грязных штанах и пропотевшей рубашке. Все было в порядке, не стоило мешкать. Сварог направился напрямиком к капитанскому мостику, куда вела вычурная лесенка.

— Ох ты, мать твою! — рявкнул кто-то сверху, перегнувшись через перила.

Сварог тоже его увидел, и все моментально пришло в норму — субъект в синем с серебром кафтане, чересчур богатом для простого рулевого, оказавшийся поначалу вне зоны действия заклинания, теперь тоже попал под неописуемый обычными словами, неосязаемый магический удар. Как и остальные двое на мостике.

Бесшумно поднимаясь по лесенке — добротнo сколочена, ни одна ступенька не скрипнула, — Сварог прекрасно слышал разговор на мостике:

— Что такое, капитан?

— Да показалось... — чуть сконфуженно ответил человек в синем кафтане. — Вроде бы по палубе, прямо к мостику, шел каторжник... Самый натуральный.

— Откуда ему взяться...

— Вот я и говорю: показалось...

— Конечно, это не мое дело, любезный капитан, но, по моему, последнее полуведро рома было вчера абсолютно лишним.

— Скажете тоже — полуведро! Самое большее — четверть.

Сварог тем временем оказался уже на мостике. С одного взгляда оценил обстановку. Трое: капитан, рулевой у штурвала и еще один, судя по золотым причиндалам на тюремном мундире и занимаемому сейчас месту — главный вахарь. Та самая

сволочь, что преспокойно прихватила для ровного счета совершенно посторонних людей, чтобы только не получить взбучку и не лишиться премиальных. Вот к нему у Сварога не было ни капли жалости...

У перил красуется виолон. Хотя корабль, судя по первым впечатлениям, безусловно, не военный, пусть даже располагает полудюжиной пушек. Капитан, должно быть, служил раньше на военном флоте, вот и выпендривается по старой памяти... Прямо посередине перил установлен пулемет — новехонький, на самодельном приспособлении из железных прутьев. Сварог невольно поморщился: пулеметы были жутким дефицитом, он распределял их по полкам поштучно, а тут, извольте видеть, вертухаи как-то раздобыли...

Тут же, в прибитых к перилам кожаных футлярах — не менее дюжины мушкетонов и многоствольных пистолетов. Все продумано, чтобы при необходимости обрушить ливень свинца на ведущий в трюм люк...

Капитан вдруг зашмыгал носом, подозрительно принюхиваясь. Сварог, стоявший от него буквально в паре шагов, ментально понял, что к чему. Его не видели, но должны были учуять: он неделю не мылся, не снимал башмаков, спал, не раздеваясь.

Он шагнул вперед, ребром ладони врезал капитану по голове над ухом, ногой сшиб главного вахаря, добавил с левой — и последним вырубил рулевого. Проворно перехватил толстые рукоятки штурвала, стараясь удерживать его в том же положении. Огляделся.

Никто не смотрел на капитанский мостик, никто не заметил, как троица полетела с ног. Все пялились на люк, откуда все еще валил дым и доносились неразборчивые команды. Судя по спокойствию людей на палубе, внутри борьба с огнем происходила без малейших инцидентов. Надо дать им немного времени, пусть потушат — легче будет Бангалу с ребятами...

Небо было безоблачным, море спокойным, корабль плыл себе в волнах на раздутых парусах при попутном, похоже, ветре. Океан вокруг казался таким безмятежным и прекрасным, что Сварог выругался сквозь зубы от такого несоответствия природы моменту.

И, решив, что время настало, крутанул штурвал вправо — примерно на четверть оборота, как учил его в трюме татуированный моряк, судя по некоторым наблюдениям, угодивший

на каторгу за пиратство. Постарался быть как можно осторожнее, в его расчеты вовсе не входило опрокинуть корабль к чертовой матери...

Однако так едва не произошло. Казалось, невидимый великан со всего размаху залепил по борту громадным кулачищем. Корабль качнулся на волнах, накренился вправо под отчаянный скрип рангоута, так, что концы рей с правой стороны едва не черкнули по воде.

Чуточку испугавшийся Сварог торопливо вернул штурвал в прежнее положение. Увидел, как повисли на снастях матросы, удерживаясь только руками. Ничего, люди привычные, за борт не упадут... Схватил стоявший тут же микрофон, поднес его к губам и рявкнул что есть мочи:

— Паруса долой, мать вашу!

Кажется, по правилам отдавать эту команду следовало как-то иначе — но он еще в бытность свою на «Божьем любимчике» пару раз слышал, как капитан Зо командовал именно так, и ему подчинялись. Подчинились и здешние матросы, вряд ли разобрав, что искаженный жестяным раструбом голос принадлежит не законному капитану, а самозванцу. Засуетились, побежали по снастям, стали сворачивать паруса...

Те, внизу, у люка, как раз поднимались на ноги, еще не подозревая ничего плохого. Ну что же, оговоренный сигнал дан... Сварог, оскалась, приник к пулемету и выпустил длинную очередь по стражникам у люка — слева направо, сметая их пулями, крепко вжимая в плечо приклад, расставив ноги, глухо рыча сквозь стиснутые зубы от разнообразия нахлынувших на него взаимо-исключающих чувств. Эти люди, метавшиеся под пулями, падавшие, кричавшие, замиравшие неподвижно, были ни в чем не виноваты. Наоборот, они представляли здесь закон и порядок — его собственный закон и порядок, они честно служили королевству и Сварогу Первому, охраняя тех, кто безусловно заслуживал того, чтобы провести на хлопковой каторге не десять лет, а всю оставшуюся жизнь...

И вот теперь именно он, король, расстреливал их в упор — потому что нельзя было иначе. Так уж вышло. Так обернулось. Так уж карта легла. «Пенсии семьям, — пронеслись у него в голове покаянные, совершенно ненужные сейчас мысли. — Хорошие пенсии семьям всех до единого, кроме главного, который во всем и виноват. Льготы по налогам, сыновей в полковые

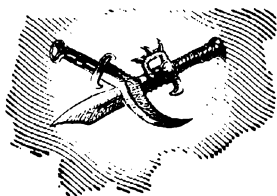
школы на казенный кошт, дочерей... да мать твою, нашел время нюни распускать!»

Чувствуя, как что-то обрывается в душе, он стрелял и стрелял — и снял палец со спускового крючка, когда навверх с диким ревом и воем, потрясая гуфами и широкими тесаками, выплеснулась толпа оборванцев. Они орали так, что сердце заходило в смертной тоске, они поставили все на карту — либо освободиться, либо подохнуть! — и именно среди них, так уж получилось, сейчас было место короля Сварога, ревнителя правосудия, загнавшего их сюда своим собственным указом...

Внизу началась схватка — ожесточенная настолько, что и слов подходящих не подберешь. С обеих сторон знали, что выхода у них нет — победа или смерть, и никак иначе...

Оглянувшись и оглушив ударом ноги заворочавшегося было главного вахаря, Сварог выдернул у него из ножен абордажную саблю — хорошо наточенную, сверкавшую, содержавшуюся в идеальном порядке. Чуть изогнутую, с широкой елманью, занимавшей почти треть клинка.

Сбежал по ступенькам и ринулся в бой, без единой мысли, озабоченный только тем, чтобы каждый удар был смертоносным.

Глава 4

БЕЛАЯ ПОГИБЕЛЬ

Тот моряк, что наставлял его в трюме, как надлежит слегка тряхнуть корабль, стоял у штурвала, сноровисто перехватывая рукоятки, глядя вперед с привычным прищуром. На обычном капитанском месте — справа у перил — помещался сейчас Бангал, на нем красовался форменный кафтан главного вахаря со всеми золочеными причиндалами (что, надо полагать, имело для «тарабарского принца» некое символическое значение), а через плечо у него была надета перевязь с капитанской саблей. Он с нескрываемым удовлетворением смотрел на нок-рей, где болталось в петле тело главного вахаря. Когда Сварог посматривал туда же, в душе у него также не поднималось ровным счетом никакого протеста — этот скот сам был во всем виноват...

Остальные трупы давно уже вышвырнули за борт быстро и деловито, не глумясь над врагами и не произнося прочувствованных речей над своими. Пятна крови, правда, никто и не подумал замыть, и они во множестве темнели тут и там.

Нужно признать, что организаторские способности Бангала не дали сбой и после победы. Едва в ходе яростной схватки наступил решительный перелом в пользу мятежников, «тарабарский принц» принялся распоряжаться так хватко, словно всю жизнь командовал кораблями. Он в два счета сколотил нечто вроде палубной команды, которой предстояло поддерживать

порядок, отправил отряд из людей понадежнее обыскать все корабельные помещения, велел согнать матросов на палубу и пальцем их не трогать. Одного буяна, взявшегося было истерически орать что-то о немедленном возмездии всем поголовно, кто не принадлежал к благородным обитателям тюремного трюма, Бангал прикончил так быстро, что Сварог и глазом не успел моргнуть, а другого, подхватившего было призывы к резне, пнул так, что тот долго не мог очухаться. После чего воцарились относительный порядок и некоторое спокойствие. Прохаживаясь перед сбившимися в кучу матросами, Бангал произнес краткую выразительную речь, в которой почти без ругательств обещал, что всякий, взявшийся исправно сотрудничать, останется цел и невредим. После чего погнал моряков на мачты, чтобы занимались прежним делом...

— Ну что, жамый Шабар? — спросил «тарабарский принц» с мечтательной, отрешенной улыбкой, глядя теперь на сверкающее мириадами искорок море. — Какова она на вкус, свобода?

— Великолепный у нее вкус, надо признать, жамый Бангал, — ответил Сварог, искренне улыбаясь.

— Я у вас в неоплатном долгу.

— Какие пустяки, — сказал Сварог. — Я ведь, некоторым образом, и для себя старался...

На мостик проворно взбежал Цура, весь в засохшей крови, главным образом чужой, с гуфой в лапе. Ощерился:

— Под балодкой шуранули...

— Цура, друг ты мой вековечный, — вкрадчиво сказал Бангал. — Я тебя душевно умоляю, изволь изъясняться на гладком наречии, чтобы тебя понимал и мой верный сподвижник жамый Шабар, от которого у меня отныне никаких секретов нет, потому что одной веревочкой повязаны... Усек?

— Ага, — сказал Цура, жизнерадостно скалясь и почесывая в затылке грязной пятерней. — Только понатужиться придется, так сразу и не сообразишь, отвык я что-то от гладкой болтовни... В общем, в трюме порох, вино и всякая хорошая жратва, определено для начальства. Там пряталось двое вахрей, ну, мы их, уж не посетуй, того... А доктора и этого, как его, штурмана, трогать не стали, как ты и велел. Доктора приставили к пораненным, а штурмана пока что сунули в каюту, чтоб посидел и подумал над своим положением. Ага, а штурман-то плыл как благородный, — со своей законной бабой. Очень

даже ничего баба, молодая еще. И дочушка при ней, не совсем еще в возрасте, но, где надо, уже круглится. Там ребята порывались их разложить с ходу, да я пока что не дал, пихнул в ту же каюту и приставил на стражу надежных, Багулю с Рыжим... Мало ли какие у тебя будут идеи... Бангал, может, нам их и правда попользовать? Приятные телушки, что мама, что дочка. Дочушка, чует мое сердце, еще блудня не пробовала, я б ее и научил со всем обхождением...

— Как вы полагаете, жамый Шабар? — осведомился Бангал с тонкой улыбкой.

— Неразумно, по-моему, — сказал Сварог. — Штурман нам необходим, без него нам до Харума придется добираться неудачу. А если вы затрахаете его дамочек, он либо в уме повредится, либо, что гораздо хуже, решит качественно отомстить. Рассчитает все так, чтобы корабль дошел до берега ночной порой — и оказался в каком-нибудь военном порту. Я бы на его месте так именно и поступил.

— Да и я бы, признаться, тоже, — задумчиво произнес Бангал. — Вы совершенно правы, друг мой, а вот ты, Цура, болван все-таки, как я ни стараюсь сделать из тебя мудрого мыслителя... Шагай. И чтобы бабенок никто и пальцем не тронул — иначе отрезать буду сам, и не пальцы вовсе, и не в один прием... Уяснил?

— Ну, чего тут не уяснить-то...

— Беги живенько. Баб вели стеречь со всем прилежанием, а вот самого штурмана веда быстренько сюда, мы с ним душевно потолкуем. Брысь!

Цура проворно сбежал с мостика, хлопнул дверью кормовой надстройки, слышно было, как он орет внутри, стращая часовых всеми мыслимыми карами, какие только способен придумать почтенный Бангал. Вскоре он появился снова, толкая перед собой человека в синем камзоле, со связанными руками и здоровенным синяком под левым глазом. Вид у него был крайне угрюмый и безнадешный, что неудивительно для человека в таком положении.

— Здравствуйте, здравствуйте! — сказал Бангал, сияя задушевной улыбкой, так весело и непринужденно, словно встретил старого доброго друга. — Вы уж извиняйте, что мы тут пошумели и нагадили малость, но войдите уж в наше положение. На свободу хотелось, спасу нет, не горбатиться же десять лет с мотыгой или тесаком-смолосеком... Вы, очень может быть, на

нашем месте еще почище разнесли бы все тут от борта до борта и от кормы до носа...

Покосившись на то непотребное, что свисало в петле над морем, и явственно передернувшись при виде этого зрелища, штурман уныло пробубнил:

— Что, обязательно еще и поиздеваться нужно?

— Да что вы такое говорите, голубчик! — голос Бангала был бархатным, вкрадчивым, задушевным, как у волокиты-барона, охмурявшего деревенскую красотку. — Неужели вы решили, что мы вас собираемся обидеть? Это вас напугал кто-то совершенно зря. Вы же сами видите: и супруга ваша, и дочка сидят в вашей же каюте под чутким присмотром, никто их и пальцем не тронул, с вами самим обращаются исключительно деликатно... Что вы морщитесь, родной? Ах, синячок под глазом... Ну, тут уж вы сами виноваты, признайте. Мне рассказали, что вы начали, как самая неотесанная деревенщина, в моих ребят сабелькой тыкать, вот они и не выдержали... Добрейшей души люди, синяком ограничились, а ведь и разорвать на куски могли... Ну к чему вам были эти забавы с железом?

Вы — человек умственный и образованный, географию и математику превзошли, иначе кто б вас взял в навигаторы? И не коситесь вы так, я вас душевно умоляю, на эту пададь. Тюремщик был, не вам, ученому, чета, прескверный человечиска, поганый, нечего его и жалеть, не говоря уж о том, чтобы слезы по нему лить. У нас с ним, сами понимаете, были свои счета, жили, откровенно говоря, как кошка с собачкой. Но вы-то — совсем другое дело, мы же не дураки, чтобы равнять поганого вахаря с ученым навигатором... Не буду ходить вокруг да около, скажу сразу: вы нам, любезный, жизненно необходимы, и оттого ни один волос с вашей головы не упадет, счастливчик вы этакий... Везунчик!

— Я понимаю, — мрачно отозвался штурман. — Что тут непонятного? Сами вы корабль, надо полагать, до суши довести не надеетесь?

— Даже и не пытаемся, — с безмятежной улыбкой сказал Бангал. — Куда уж нам, темным, мы таким премудростям не обучались... На вас вся надежда. К чему долгие разговоры... Мы ведь друг друга прекрасно понимаем, верно? Если вы доведете корабль до Лорана со всем усердием и прилежанием, без фокусов, — и сами в живых останетесь, и вашим дамам никто не причинит ни малейшего ущерба. Ну, а если задумаете какую-

нибудь каверзу, при любом раскладе хватит времени, чтобы вас наказать за низкое коварство... Вы человек взрослый, повидавший жизнь, давайте уж строить отношения исключительно на доверии. У вас выбора все равно нет, а у меня нет никаких причин делать вам вред после того, как выполните свою часть уговора. Вот если бы мы заботились остаться неузнанными — другое дело. Но тут случай другой, мы все поголовно переписаны, в серьезные бумаги внесены... У меня совершенно нет причин играть нечестно. Или у вас есть сомнения?

Судя по угрюмому лицу штурмана, сомнений у него имелось предостаточно. Он пробурчал:

— Сомнений и в самом деле выше крыши, а вот выбора и в самом деле нет...

— Вот и прекрасно, — сказал Бангал, лучезарно улыбаясь. — Вы, главное, успокойтесь. Мы же не сядки какие, чтобы слово не держать, человека резать, если он себя вел правильно... Ну, я так понял, мы договорились? Вижу по вашему лицу, что договорились... Давайте в таком случае поговорим о делах, — он выдернул из прикрепленной к перилам проволочной корзинки свернутую в трубку карту, шумно развернул. — Вот тут обозначен, я так понимаю, наш курс? И находимся мы вот тут, где обрывается карандашная линия? — он ткнул пальцем в означенную точку. — Цура, развяжи руки ученому человеку...

— Скорее уж вот тут, — с пробудившимся превосходством поправил штурман, показав пальцем на точку поблизости от проведенной синим карандашом линии. — Сегодня утром еще не успели нанести новую прокладку и пройденное расстояние, потому что...

— Помешали некоторые обстоятельства, — кивнул Бангал. — Всем стало не до того... Значит, где-то тут мы болтаемся... А почему именно здесь, можно вас спросить из чистого любопытства? Я полагал в простоте своей, что от Харума к Катайр Крофинду плывут по прямой, по кратчайшему пути, а наш курс выгибается явственной дугой, словно бы обходя Крофинд с полуночи, мы сейчас совсем близко от Инбер Колбта... Какая-то хитрушка с попутными ветрами?

— Попутное течение, — сказал штурман и провел по карте пальцем. — Алиротел. В море самый короткий путь — не всегда самый быстрый. Плывая по Алиротелу, до Крофинда добиваются на несколько дней быстрее, чем по той прямой, которую вы указали...

— Век живи — век учись, — усмехнулся Бангал. — Вот видите, мы с вами совсем недолго общаемся, а от вас уже есть явная польза... Вы уж и дальше продолжайте в том же духе, хорошо? А сейчас идите к себе в каюту, успокойте ваших милых дам, они там, наверное, от страха себя не помнят. Расскажите им, как у нас с вами все наладилось. Этот душевный молодой человек вас проводит, и присмотрит, чтобы у вас все было в порядке. А потом заступите на вахту, повернете корабль к Харуму, подберете подходящий курс, чтобы нам побыстрее до земли добраться... Всего наилучшего!

Штурман в сопровождении ухмылявшегося Цуры еще не успел спуститься с мостика, как Сварог повернулся к Бангалу и спросил с искренним удивлением:

— Лоран?!

— Ну конечно, жамый Шабар, а как же иначе? — ответил Бангал спокойно, чуть-чуть устало. — На земли короля Сварога нам соваться решительно не с руки, поверьте моему жизненному опыту. Вы в нашем веселом ремесле человек новый, понятия не знаете о некоторых полицейских привычках и традициях. Шила в мешке не утаишь, знаете ли. Слишком много тут собралось народу. Рано или поздно, станет достоверно известно, что кораблик этот был нами беззастенчиво захвачен. И вот тут вахари взвоятся... Понимаете, с сухопутной, обычной каторги бегают с тех самых времен, как она на свет появилась. Дело житейское. Ищут, конечно, как им и положено, — но рутинно, без остервенения. А тут... Некоторых вещей полиция не прощает ни за что. Мы их унизили самым невероятным образом, создали, учено выражаясь, прецедент. За последние пару сотен, а то и поболее, лет, в жизни не случалось, чтобы каторжане захватывали тюремный корабль. Пираты, случалось, нападали на такие, но тут другое дело — тарабарцы сами вырвались... Сцапать нас всех до единого, шкуру спустить, по виселицам развесить для них будет делом чести, всю свою сознательную жизнь они нас будут ловить с величайшим усердием, и молодой смене накажут, чтобы рыла землю на сто ярдов в глубину... Остались полные списки, в Фиарнольской судебной палате хотя бы. Вашего имечка там, конечно, нет, но вы все равно замазаны по самую маковку. Это стадо, — он небрежно дернул подбородком в сторону палубы, по которой бесцельно шатались там и сям хмельные от воли тарабарцы, порой оглашая палубу взрывами бессмысленного хохота, — на две трети состоит из

мелкой шелупони, которая на первом же допросе после первой же зуботычины начинает петь с чувством и в полный голос, как баритон из Королевской оперы, про все и про всех. И внешность вашу опишут во всех подробностях, и непременно потреплются, как вы с помощью магии все устроили... Повязаны вы со мной намертво, вам тоже не резон шастать по Свароговым владениям.

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Что поделаешь, вам виднее...

— Рад, что понимаете. Не переживайте, мы с вами еще таких дел наворотим! Ваше умение и мой жизненный опыт... В общем, нам, сами видите, остается одно: смываться туда, где даже Сварогова лапа до нас не дотянется. Лучше бы прямо в Горрот, это еще надежнее, но это гораздо дальше, не стоит рисковать. Нам и в Лоране будет неплохо. Распишем цветисто и красочно, что все мы — безвинные жертвы тирании короля Сварога, зверя в человеческом обличье, по обычным обвинениям загоняющего на каторгу мирных тружеников...

— А в Лоране поверят? — усмехнулся Сварог.

— Вряд ли, — серьезно сказал Бангал. — Там в полиции, как и везде, служат не добрячки и не дурачки. У половины наших вся грешная, причудливая и путаная биография ясно и четко выколота на шкуре... Ничего, в любом случае они нас не выдадут. Из чистого принципа. Сами знаете, какие сейчас отношения у Сварога с Лораном. Когда кипит и бурлит большая политика, мелюзга вроде нас всегда найдет и для себя выгоду. Королевские раздоры идут порой на пользу людишкам незначительным, но наделенным смекалкой... Улавливаете ход мыслей?

Сварог кивнул, старательно сохраняя на лице безразличие. Перспектива оказаться в заведомо враждебном Лоране его ни сколько не радовала. Вряд ли его там опознают мгновенно, небритого, на себя не похожего, никому и в голову не придет, согласно той самой инерции мышления, что среди отпетого каторжанского народа оказался сам Сварог Первый, — но все равно, из Лорана еще предстоит выбираться, да и от Бангала как-то нужно будет отделаться. Ладно, впереди достаточно времени, чтобы многое обдумать...

— Почему же тогда вы не поворачиваете корабль назад? К чему тянуть?

— Успеется, — сказал Бангал, чему-то улыбаясь. — Часом раньше, часом позже — нет особой разницы. — Покосившись на рулевого, он отвел Сварога в самый дальний угол мостика и понизил голос, насколько это было возможно. — Сначала нам с вами следует обговорить кое-какие тонкости и неотложные меры... В вас-то я уверен, и еще в паре дюжин ребят, а вот в трех четвертях нашего сброда — никоим образом. Они еще не отошли толком, но очень быстро, через часок-другой, зададутся вопросом, как же им теперь жить дальше, обретя вожака, чем следует незамедлительно заняться. А поскольку народец большей частью примитивный, их убогая фантазия ничего лучшего не подскажет, кроме как немедленно устроить гульбище на всю катушку. Уж поверьте моему жизненному опыту, совсем скоро заговорят наперебой, что свободу надо бы отпраздновать как следует. Выдвинутся горлопаны-вожаки, и вот тогда начнется настоящее непотребство... В трюме полно вина, об этом уже все пронюхали. В каюте штурмана — две крошечки, да вдобавок среди матросов обнаружился смазливенький юнга, на которого уже начинают поглядывать любители зады повторять. Представляете, что начнется? Неизвестно еще, останется ли корабль цел и на плаву...

— Понимаю, — так же серьезно сказал Сварог. — Что предлагаете?

— Всерьез рассчитывать, как я уже говорил, можно дюжины на две людей, — сказал Бангал. — Ну что же... Во-первых, их вполне достаточно, чтобы присматривать за матросами, а во-вторых, среди пары дюжин человек гораздо легче поддерживать железную дисциплину, нежели среди тех восьми десятков, что у нас остались на ногах после драки... Короче говоря, я тут кое-что прикинул. Надежных разобьем на несколько отрядов. Начальниками поставим Цуру, вас, Рыжего... Оружия навалом. А остальных, чтобы не возиться, заманим назад в трюм. Закажем туда пару бочек винища, упреждая события, пока сами не начали вышибать днища, объявим гульбу, пообещаем, что приволокем туда штурмановых мочалок и матросиков, наиболее подходящих для «скамеек»... Вот увидите, они сами наперебой ломанутся в трюм, как только услышат про гулевань. И пусть сидят там до самого берега. Поскольку на сей раз вас там не будет, им ни за что не выбраться. Будем время от времени спускать туда бочонки — они и сами наверх не захотят. Ну, а когда управимся, поставим на мостик штурмана, возьмем

должный курс и поплывем спокойно, при строгом порядке на борту... Возражения есть?

— Ни малейших, — сказал Сварог искренне. — Ну и голова у вас, жамый Бангал, вам бы в коронные министры...

— Скажете тоже, — махнул рукой явно польщенный «тарабарский принц». — Просто-напросто давненько скитаюсь по белу свету, хорошо изучил человеческую натуру и привык при всех поворотах судьбы оставаться в живых. И очень хочу побыстрее добраться до твердой земли, не отвлекаясь на усмирение дурной вольницы. Вы наверняка хотите того же. Значит, в первую очередь нам с вами следует...

Вдруг они прямо-таки подпрыгнули от неожиданности, Бангал замолчал, и оба сердито повернулись к рулевому — кроме него, просто некому было издать прозвучавший совсем рядом дикий вопль.

— Что такое, родной? — хмурясь, спросил Бангал. — Что ты так блажишь? Кто обидел?

Рулевой повернулся к нему, тыча вытянутой дрожащей рукой куда-то в море. Его лицо на глазах покрывалось крупными каплями пота, бледнело, вытягивалось. Хватая ртом воздух так, словно его почти и не осталось вокруг, бывший пират заорал:

— Даката! Вон там, с наветренной! Жопу ставлю, даката!

Встрепенувшись, Сварог уставился в море. О дакате он несколько раз слышал и на «Божьем любимчике», и от своих адмиралов. Все до единого рассказчики, люди серьезные, клятвенно заверяли, что речь идет не об очередной моряцкой побасенке, а о вполне реальной, хотя и насквозь загадочной жути, встречавшейся в океане не очень часто, но и не так уж редко. Даката, она же Белая Погибель, — то ли шквал, то ли смерч, то ли нечто совсем иное, непонятное. Никто не знал, откуда она бралась и что собой представляла, но все твердили в один голос, что даката уничтожала корабли со всем экипажем — напрочь, так что выживших свидетелей не оставалось. Иным счастливым, правда, удавалось от нее уйти искусным маневром, с полными ветра парусами — капитану Зо однажды доводилось, к примеру, и Амонду...

Что-то там и в самом деле наблюдалось — вдалеке, у горизонта. Над неуловимой зыбкой чертой, где то ли море сливалось с небом, то ли небо с морем, на фоне искрящейся синевы четко рисовалось нечто округлое, белое, то ли становившееся

все больше, то ли очень быстро приближавшееся, сохраняя неизменные размеры.

— Даката! — орал рулевой. — Точно, она! Нужно уносить ноги, иначе всем крышка! Мы однажды еле ушли, я на всю жизнь эту пакость запомнил... Говорю вам, даката! Она, доподлинная!

— Дуркует? — неуверенно спросил Сварога Бангал. — Слышал я что-то такое, но не особенно верил, мореходы мастера гнать фуфло...

— Кто его знает... — сквозь зубы ответил Сварог, охваченный нехорошими предчувствиями. — Я тоже слышал, причем от людей, которым можно верить...

Он лихорадочно вспоминал, не доводилось ли говорить о дакате с Гаудином или кем-то из своих разведчиков, — нет, ничего на ум не приходит, ни разу речь не заходила, не стояла эта проблема в числе неотложных, животрепещущих...

Белое пятно приближалось неимоверно быстро. Гораздо быстрее, чем вихрь гонит по небу грозовые облака. Неслось под острым углом к курсу судна. Походило на то, что в самом скором времени курсы корабля и неведомого явления должны были пересечься.

Сварог присмотрелся получше, выхватив из гнезда подозрительную трубу. Больше всего это походило то ли на облако, то ли на огромный клуб тумана, порой светившийся бледно-желтыми вспышками. Оно стелилось над самой водой, вроде бы не касаясь ее, приближалось как-то осознанно, словно целеустремленно несущийся к жертве хищник, хотя со всей уверенностью можно сказать, что это не живое существо и не летательный аппарат: округлый смерч, облако, исполинский клуб тумана...

Небо оставалось безоблачным, море — спокойным.

Бангал с сомнением сказал:

— Может, в самом деле... озаботиться? Что-то не нравится мне эта штука...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Неприятное зрелище.

— Говорю вам — даката! — прямо-таки взвыл рулевой. — Всем конец! Мы тогда еле ушли...

— Вообще-то у нас с полдюжины пушек... — задумчиво сказал Сварог.

— Не берут ее ни ядра, ни картечь! — заорал рулевой. — Без толку!

— Ну так сделай что-нибудь, дубина! — озлясь, рявкнул Бангал. — Коли такой знаток и однажды уже ноги унес!

— Да я не умею! — завопил рулевой. — Откуда мне уметь? Мое дело — штурвал вертеть согласно приказу, а маневру я не обучен! Офицер нужен, чтоб командовал маневром!

Белое облако неотвратимо накатывалось — мутно-белое, сиявшее по всему своему пространству множеством тускло-желтых вспышек, пронизанное бледным мерцанием словно бы медленных молний. Оно надвигалось совершенно бесшумно. Чуть ли не все, кто был сейчас на корабле, столпились по левому борту, матросы на снастях кричали что-то неразборчивое, непонятно кому адресуясь. Сварог видел их испуганные лица.

— Шутки в сторону, — сказал он резко. — Зови штурмана...

Бангал, не медля ни секунды, перегнулся через перила и заорал что было мочи:

— Цура! Штурмана сюда моментально!

Было что-то в его вопле, отчего уже через миг с грохотом распахнулась дверь кормовой надстройки и из нее кенгуриными прыжками вылетел Цура, волоча за собой штурмана, вмиг поднял его на мостик, то бесцеремонно волоча за шиворот, то подхватывая за пояс так, что ноги ошарашенного навигатора отрывались от палубы. Не теряя времени, Сварог буквально вырвал из его лап ценного специалиста, развернул лицом в сторону приближавшегося облака и, встряхнув, спросил:

— Что это за хрень? Не доводилось раньше сталкиваться?

Он впервые видел, чтобы человек в неуловимую долю секунды становился белым как стена.

— Д-даката... — лязгая зубами, еле выговорил штурман. — Конечно, даката...

Никаких расспросов более не требовалось — достаточно взглянуть в это лицо без единой кровинки. Над ухом севшим голосом выругался Бангал, и Сварог, ведомый могучим инстинктом самосохранения, хорошенько встряхнул штурмана, сунул ему в руку мегафон:

— Командуй, мать твою! Душу выну!

Штурман поднял ко рту рупор — вернее, с размаху ударил себя по губам раструбом, так, что рассадил их до крови. Не обратив на это внимания, даже не поморщившись, заорал, разбрызгивая кровь:

— Все наверх, паруса ставить! Право руля! Переменить галс!

Матросы, стряхнув оцепенение, проворно карабкались вверх, разбегались в стороны по реям. Сварог, следя за ними краешком глаза, лихорадочно оценивал дистанцию меж кораблем и несущимся облаком — и видел: оно приближается так быстро, что никаких шансов не остается, оно уже вровень с вер-хушками мачт, закрыло солнце...

А в следующий миг — и весь окружающий мир.

Душераздирающие вопли понеслись отовсюду — с палубы, с мачт, с мостика — и тут же утихли. Сварога обволокло мутно-белое облако, пронизанное бледно-желтыми, слабо-светящимися ручейками, теми самыми медленными вспышками. словно далекие огоньки нехотя, с трудом разгорались и тут же гасли, а потом все начиналось сызнова. Однако жара он не почувствовал. Ощутил бесчисленные прикосновения к лицу, рукам, затылку, голой груди под распахнутой рубашкой. словно бы мириады тополиных пушинок или хлынувший из распоротой перины пух осыпали его с ног до головы, кружа вокруг, потоками стекая по коже — и эти касания вызывали непонятные, незнакомые ощущения, столь противные, что Сварог содрогался всем телом, а по глотке снизу вверх прошел длинный спазм тошноты.

И вдруг все кончилось так же внезапно, как и началось. Загадочное облако не схлынуло, не ушло дальше — оно определенно растаяло, все сразу, на всем своем протяжении, вокруг было только спокойное море, накрытое лазурным сводом небосклона.

Слева раздался сухой деревянный стук, какой издает причалившая к борту корабля большая шлюпка. Где-то неподалеку стукнуло что-то еще. Скосив глаза, Сварог увидел вонзившийся в планшир трехлапый кованый крюк.

Совсем рядом с ним лежали четыре кучки одежды — там, где только что стояли Бангал, Цура, штурман и рулевой. Было непохоже, что люди просто сбросили одежды, скорее уж выглядело так, словно люди вдруг растаяли, пребывая внутри одежды: штаны штурмана остались застегнутыми и заправленными в высокие мягкие сапоги, форменный кафтан, доставшийся Бангалу в наследство от предводителя вахарей, тоже застегнут на все пуговицы, как и рубашка Цуры из тонкого полотна, судя по золоченым — а то и золотым пуговицам, материи и кружевам, позаимствованная в каюте кого-то из офицеров, а то и самого капитана.

Там, где на нок-рее только что покачивался изуродованный труп, болталась лишь пустая петля. Палуба по левому борту покрыта кучами одежды, разбросанным оружием — и нигде ни единой живой души и ни единого трупа. На рангоуте тоже болтались там и сям штаны и рубахи, ветерок подхватывал их и уносил в море...

Корабль рыснул по ветру, крутнулся оставшийся без примотра штурвал. По борту что-то гроыхало, словно кто-то взбирался на палубу со всем проворством. Ничего еще не соображая толком, Сварог произнес привычное заклинание, делавшее его невидимым, отпрянул в дальний угол капитанского мостика, положив руку на эфес сабли.

Над планширом возникла самая обыкновенная человеческая физиономия, за ней вторая, похожая на первую, разве что усатая. Два субъекта, одетых, как матросы или небогатые путешественники, враз перемахнули через борт и бросились на мостик. При них не было никакого оружия — и держались они так, словно происшедшее их нисколько не удивило. Сварога они не увидели. Один, не мешкая, бросился к штурвалу, умело перехватил рукоятки, выровняв корабль и удерживая его на прежнем курсе. Второй, перегнувшись через перила, с ухмылочкой оглядывал палубу.

Сварога так и подмывало дать ему по башке, а потом заняться вторым, но не следовало торопиться, не узнав сначала, сколько их. Лодка, судя по звукам, по-прежнему покачивалась у борта корабля, и в ней слышались спокойные голоса.

Не особенно и раздумывая, Сварог на цыпочках спустился с мостика. Кто бы ни были эти типы, они, несомненно, связаны с Белой Погибелю, в мгновение ока уничтожившей все живое на борту. Чересчур уж быстро они появились — едва даката растаяла, чересчур уж уверенно действовали, без тени удивления. Они должны были все знать заранее... и, вполне может оказаться, сами все это устроили, потому что плохо верится в такие совпадения.

Кто-то еще взбирался по веревочной лестнице с перекладными-палками — Сварог видел две-три верхних ступеньки, видел, как дергается лестница. Следовало побыстрее подыскать самое безопасное место, куда они ни за что не сунутся, а значит, и не наткнутся ненароком на человека-невидимку, который вполне доступен и осязанию, и обонянию...

Сварог направился напрямик к бушприту и устроился там с относительным комфортом, стоя на частой веревочной сети, держась обеими руками за толстое, гладкое бревно, отполированное временем и ветрами. Вот уж сюда никому не придет в голову соваться без крайней на то необходимости, даже этим загадочным налетчикам. Тут обычно находится лишь атакующая команда, когда в морском бою дело доходит до abordаж.

Слева, в паре кабельтов от корабля, вдруг вспучилась вода длинным округлым бугром, и прозрачные струи стекли с корпуса всплывшей на поверхность подводной лодки, не менее сотен ярдов в длину.

Настоящая подводная лодка, разве что построенная не из железа, а из какого-то темного дерева — Сварог прекрасно рассмотрел надежно подогнанные широкие доски, невысокую округлую рубку, тоже дощатую, походившую на распиленную поперек пузатую бочку, — с круглыми иллюминаторами в металлической оправе. Загадочная субмарина медленно приближалась к кораблю, и, судя по тому, как бурлила вода за кормой, приводил ее в движение тот самый движитель, что трудами восьмого департамента считался на Таларе тупиковым направлением технического прогресса и нигде не использовался. Подводники, надо полагать, то ли не слыхивали об этой искусно подsunутой таларским инженерам дезинформации, то ли прекрасно знали истинное положение дел. Кто бы они ни были, это, несомненно, надежно укрывшиеся от бдительного ока как небесных, так и земных властей маргиналы — по самой сути своей государственные преступники со всех точек зрения, подлежащие безусловному искоренению как за пиратство, так и за пользование запретными техническими достижениями...

Сварог вспомнил все, что ему было известно о мэтре Тагароне и его попытках соорудить подводную лодку, оснатив ее каким-то качественно иным двигателем, а по другим сведениям, уже и построившим в Горроте Первый образец. Похоже, не один Тагарон оказался таким сообразительным. Где-то неподалеку — Инбер Колбта, скопище многих сотен островов, до сих пор не исследованный толком лабиринт, овеянный множеством легенд, как занятных, так и жутких. Столько всего болтают, что даже если малая толика окажется правдой... Если поразмыслить — идеальное укрытие не только для обычных пиратов (коих в глубинах архипелага предостаточно), но и для

тайной базы таких вот удальцов, наплевавших на негласные запреты верховной власти...

Но даката, даката! Не бывает таких совпадений. Гораздо более вероятно, что они ее сами создали, а не болтаются за ней следом, как гиены за львом. Вот, значит, в чем поганый секрет дакаты... Коли уж Сварог уцелел там, где погибли все до единого обычные люди, возможны только два объяснения: либо даката — продукт зловредной магии, либо она — следствие некой неведомой технологии, создание человеческих рук, не имеющее ничего общего с колдовством. Только в этих двух случаях она не способна причинить Сварогу вред. Моряцкие байки оказались правдой: порой возможно ускользнуть от дакаты, но уж если она настигнет — в живых никого не остается. Можно только гадать, сколько из пропавших без вести кораблей, пльвших в одиночку, стали жертвами именно Белой Погибели, рукотворного зла...

Вторая субмарина всплыла по правому борту, она выглядела близнецом первой. В рубках распахнулись дверцы, на палубу повалили люди, обе подводных лодки подошли вплотную к кораблю, причалили с двух сторон. На палубу полетели тросы с крючьями, очень быстро соединив все три судна в одно.

На палубу захваченного корабля хлынуло множество людей. Они перекидывали широкие сходни, распиливали грузовой трюм — быстро, сноровисто, без понуканий и команд, из чего следовало, что налетчики понаторели в подобном разбое и опыт приобрели богатый.

Сварога по-прежнему никто не замечал. Он стоял, уперевшись ногами в веревочную сеть, обхватив бушприт, и совсем рядом с ним деловито суетились неведомые рыцари удачи, совершенно неотличимые по виду и одежде от обитателей Талара. И разговаривали они меж собой на том же языке.

Позади рубок распахнулись прямоугольные люки, их створки ушли вниз и в стороны. Установив несколько лебедок и подъемных кранов, пираты принялись переправлять на свои субмарины бочки, ящики и тюки из трюма корабля, работая не за страх, а за совесть, с прибауточками и подначками. Ни единого понукания не последовало со стороны нескольких человек, праздно стоявших с видом командиров, — да, это не подневольные трудяги, это сборище равноправных, объединенных общей целью. С таким энтузиазмом люди испокон веков и вкалывают не на мифическое «благо общества», а на свою

собственную выгоду, конкретную долю в добыче. Ну разумеется, это пираты неизвестной прежде разновидности, якорь им в задницу. До чего банальной оказалась разгадка Белой Погибели... Ну что же, не самая бездарная затея. Добыча им досталась хорошая — при том, что никакого урона они не понесли и особых трудов не приложили, вообще пальцем о палец не ударили, все сделала за них даката, а им осталось лишь сгрести бесхозное добро — твари, мародеры, стервятники, любой обычный пират во сто раз лучше, каким бы подонком ни был, он как-никак всякий раз рискует жизнью при очередном абордаже, а эти...

У Сварога неимоверно чесались руки, но в одиночку он ничего не смог бы поделывать с этой сворой. Оставалось скрипеть зубами от бессильной злобы и обещать себе, что, едва добравшись до Харума, пошлет сюда сильную эскадру с приказом носу назад не казать, пока не отыщут притон этих стервятников...

Потом он подумал о вещах гораздо более животрепещущих: мсть мстью, но что ему предпринять сейчас? Как они поступят с захваченным кораблем? Уведут с собой, чтобы сменить название и использовать? Рискованно. Это для человека несведущего все корабли на одно лицо, а опытный моряк легко опознает знакомое судно и с новым названием, и в новой окраске. Что-то Сварог прежде не слышал о подобных случаях — схожие были, но речь там всегда шла об обычных пиратах. И он никогда не слыхивал, чтобы кто-то натыкался в океане на дрейфующие без команды корабли с выпотрошенными трюмами. Ну да, конечно, элементарная бандитская логика требует потопить ограбленное судно — и пусть потом тщетно ломают головы на суше, пусть умножаются родившиеся за чаркой рома в портовых кабаках легенды, занятные и жуткие, пусть разводят руками многоопытные люди из морского бюро и угодившие в проруху страховщики...

Корабль они, разумеется, пустят на дно в самом скором времени. Опасность утонуть Сварогу не грозит, но что прикажете делать дальше? Не плыть же саженками в сторону Харума или хотя бы до Катайр Крофинда — далековато, мозоли натрешь... Пожалуй, следует нырнуть вместе с кораблем, когда он погрузится, отвязать вон ту шлюпку, чтобы ее вынесло на поверхность. Больше ничего и не придумать в данной ситуации. На обеих рубках виднеется нечто крайне напоминающее

перископы, но когда лодки уйдут под воду, никто не станет в них тарашиться...

Приняв решение, он успокоился, то и дело поглядывая на облюбованную шлюпку уже по-хозяйски. На боку висит хорошо отточенная сабля, узлы можно будет рассечь в два счета. Шлюпка, как и полагается по морским регламентам, надежно затянута брезентом, там должны быть весла, а если повезет, то и компас. Сварог был не силен в навигаторском искусстве, но странствия по компасу — дело знакомое. Карту континентов помнит и закат с восходом не перепутает. Ага, погрузка окончена, они таскают уже вещи из кают, стервятники долбанные... Убрали лебедки, закрыли люки, втаскивают на лодки сходни, вот уже не осталось никого на палубе, все скрылись в рубках, кроме нескольких. Интересно, почему остались эти четверо обормотов с охапками цилиндрических сосудов, по виду стеклянных, наполненных темной жидкостью?

Первый сосуд со звоном разбился о палубу — и тут же взвилось пламя, высокое, багрово-желтое, яркое. Вспыхнуло дюжины три костров, огонь моментально охватил корабль с носа до кормы и от борта до борта, обе подлодки стремительно погрузились, исчезли с глаз. Сварог остался один-одинешенек — на горящем судне, в бескрайнем океане.

Жар ударил в лицо, пылали мачты и паруса, звонко лопались горящие снасти, горела палуба, огонь охватил все, что выступало над водой, и все до единой шлюпки, в том числе и присмотренную Сварогом, коснулся места, где крепился бушприт. Неведомый зажигательный состав превосходил даже горродельский огонь. Занялась сеть, на которой Сварог стоял, — и он, мельком глянув вниз, увидел, что вода приближается: ну да, они вдобавок наделали дыр в днище для вящей надежности, и корабль начал погружаться в воду. Что не сторит, то утонет...

И огонь подступает — такой же опасный для него, как и для обычных людей. Не было отчего-то в заоблачном магическом арсенале берегущих от огня заклинаний — а до земных колдунов, по слухам, все же владевших этим умением, Сварог пока что не добрался.

Он помаленьку отступал от исполинского костра, перехватывая вытянутыми над головой руками становившийся все более тонким бушприт. Потом сеть под ногами окончательно истлела, и отступать стало некуда. И над головой уже потрескивал огонь — бушприт горел, вот-вот должно было опалить

руки. Настал момент, когда Сварог понял, что с кораблем, одновременно и тонущим и горящим, пора расставаться без колебаний, и ничего тут не поделаешь...

Он разжал руки, спиной вперед полетел в воду, подняв фонтан брызг, словно кит. Размашисто загребая, отплыл подальше, оглянулся. Над водой торчали лишь верхушки пылающих мачт, становясь все короче и короче. Пламя шипело, разбрасывая искры — и погасло наконец. Осталось только бескрайнее море под лазурным небосклоном, синяя пустота, куда ни глянь, — и в самом ее центре торчала из воды голова пловца.

Сейчас плохо верилось, что где-то существует необозримый континент, по которому можно ехать из конца в конец неделями, месяцами, — или хотя бы острова. Ничего не было, кроме воды. Сварогу на миг стало жутко — таким грандиозным и бесконечным оказалось одиночество.

Чтобы прогнать эти пакостные ощущения, он велел себе незамедлительно и трезво выработать программу действий. Благо особой сложности это не представляло и не требовало великого ума, выбор был не то что небогат — до обидного скуден. Человеку в его положении остается одно: болтаться на волнах, ожидая, не покажется ли корабль. Как-никак он находился на довольно оживленной морской трассе и течением, о котором упоминал покойный штурман, надо полагать, пользуются не только суда, идущие на Катайр Крофинд. Жаль, что загадочные пираты плавают на подводных лодках. Будь они на обычных кораблях, следовало плыть вслед за ними, в ту сторону, где они скрылись бы, ведь наверняка отправились с добычей к себе в логово. Ясно, что их притон располагается где-то в дебрях Инбер Колбты, подальше от освоенных державами континента внешних островов... но в какой стороне, собственно, Инбер Колбта? Где-то к полуночи...

Идиот! Ну и болван!

Новая идея, внезапно пришедшая в голову, была такой простой и гениальной, что Сварог от радости громко захохотал. Следовало бы догадаться сразу, но пресловутая инерция мышления...

Ему вовсе не обязательно было болтаться на поверхности моря, словно закупоренной бутылке с письмом! Он мог дышать под водой не хуже, чем на суше, — хоть год подряд, хоть всю оставшуюся жизнь. Он мог создавать себе еду в богатом ассортименте — а поскольку таларский океан пресный, от жажды

не умрешь, даже не располагая магическими способностями. Чтобы перекурить, достаточно всплыть на поверхность. Башмаки на ногах, сабля на боку...

Короче говоря, он преспокойно мог добраться до ближайшей суши не вплавь, а пешком. По морскому дну, как посуху. Конечно, дорога предстояла не из легких — неровности дна, глубины, разнообразные хищники, — но ожидаемые опасности не столь ужасны, бывало и похуже, скажем, когда он шлепнулся в Хелльстаде на подбитом яле. Тогда он ничегошеньки не знал об окружающем мире, а теперь оказался в гораздо более лучшем положении.

При всем своем невежестве в морских делах он все же кое-что читал, слышал, видывал на экране. Точно знал, например, что в таларских морях нет акул. Здесь, правда, обитают косатки, мало уступающие акулам в размерах и количестве зубов, но на людей они никогда не нападают, разве что в ответ на агрессию в виде брошенного гарпуна или выстрела. Болтают даже, будто это их миролюбие объясняется тем, что косатки, как и черные тюлени (но не серые!), давным-давно были людьми, еще до Шторма, а потом как-то перешли в свое нынешнее состояние, но память и разум сохранили. Иные божатся, что есть тайные места, где в полнолуние косатки сбрасывают рыбы шкуры и ненадолго становятся людьми.

Стоп, стоп! Сейчас не до богатейшего и цветистого моряцкого фольклора — еще и оттого, что до полнолуния далековато, и нечего, согласно легендам, ждать помощи от сбросивших шкуры косаток и тюленей... Думать нужно исключительно о насущных проблемах.

Итак, это не самый глупый план — шагать до суши по дну. В любом случае, это гораздо практичнее, нежели бесцельно болтаться на волнах в ожидании корабля, который может появиться самое раннее через неделю, или пройти поблизости и не заметить голову в воде, а то и вовсе оказаться горротским, что повлечет за собой лишние сложности.

Самый насущный, животрепещущий вопрос, требующий немедленного решения, — в которую сторону направить стопы? Жаль, что Сварог не нашел времени познакомиться с лощиями. Представления не имеет, где в океане располагаются большие глубины и как обойти их стороной, чтобы не удлинять путь, сначала спускаясь по подводным кручам, а потом караб-

каясь вверх по протяженным склонам. Курса верного выбрать тоже не сумеет, разве что — на два лаптя правее солнышка...

Итак, следует, не мешкая, определиться с направлением. Либо на полночь шагать к Инбер Колбте, либо на полдень, к Катайр Крофинду. У обоих вариантов есть свои достоинства.

Катайр Крофинд — его собственное владение. Преспокойно можно выдать себя... ну, скажем, за тайного агента из разведки или полиции, плывшего по некоей государственной надобности на попавшем в шторм и затонувшем судне. Название корабля можно выдумать любое — в мире, где нет радиосвязи и компьютеров, пребывающие на отдаленном острове чиновники не смогут проверить скороспелую легенду. Имен людей, занимающихся тайными государственными надобностями, он знает достаточно. Гораздо больше осведомлен о работе иных тайных служб, чем обыкновенный человек, мелкий авантюрист. Сможет быть убедительным. Самый нерасторопный и нерадивый полицейский чин поневоле призадумается. Если и не посадит незамедлительно на первый же идущий к Харуму корабль, то, по крайней мере, отправит по инстанциям донесение о странном визитере. Главное тут — выдумать нечто, благодаря чему Интагар, баронесса или Мара моментально догадываются, о ком идет речь.

С другой стороны... Насколько он помнил карту, до Инбер Колбты раза в три ближе сейчас, чем до Катайра. На внешних островах — три ганзейских порта, угольные склады четырех держав (три из которых принадлежат Сварогу), там тоже оживленно... Островов, правда, превеликое множество, и нет гарантии, что сразу выйдешь к полезному, но ведь ближе будет шагать...

Решено. Инбер Колбта. Приняв решение, Сварог испытал огромное облегчение — вместо неопределенности перед ним была неизвестность, а это совсем другое. Он точно знал теперь, куда направляется, и это придавало уверенности. Вот только не следует слишком часто вспоминать о гривастых крокодилах. Эти будут посерьезнее акул — морские хищники в десять ярдов длиной, порой нападающие даже на корабли. Но, в конце концов, нельзя сказать, что океан ими так и кишит, да и предпочитают они дичь покрупнее, вроде тех же косаток или китов, а то и громадных кальмаров. Одиноким человеком для них — мелкая добыча, охотиться за коей у них определенно нет рефлекса.

Если подумать, странствующие по дну пешеходы — вещь уникальная, где уж тут выработаться рефлексам и инстинктам...

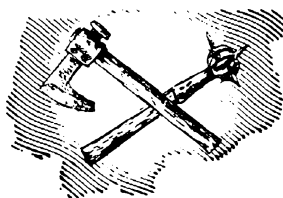
Сварог больше не прилагал ни малейших усилий, чтобы держаться на воде, — встал по стойке «смирно», вытянув руки по швам. И тут же погрузился с головой, согласно закону всемирного тяготения, наверняка вытеснив, согласно другому закону природы, именно тот объем воды, который занимал в пространстве.

Вскоре он коснулся подошвами дна. Огляделся, на всякий случай держа руку на эфесе абордажной сабли.

Вокруг было довольно светло, глубина оказалась не очень большой: ярдов пятнадцать-двадцать. Солнце виднелось над головой размытым светлым пятном. Повсюду росли пучкообразные кусты каких-то водорослей, и низенькие, и вдвое выше Сварога, кое-где вздымались поросшие чем-то вроде мха камни, меланхолично проплывали красивые медузы. Место, где он оказался, в общем, не приводило в уныние и нисколько не походило на преисподнюю. Несколько непривычные пейзажи — и только. Пешеход тут вполне пройдет без особых трудов. По дну ползает какая-то мелочь вроде крабов, лежат раковины, иные с обитателями, поодаль шмыгают стайки пестрых рыб. Какая там преисподняя, господа! Как-никак заносило в настоящую... Так что никакого сравнения.

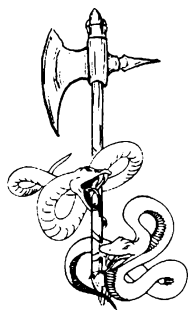
Он вздохнул и бодрым шагом направился на полночь, обходя подводные скалы, зорко озираясь по сторонам, напевая под нос:

— А ну-ка, парень, подыми повыше ворот,
Подыми повыше ворот — и держись...

Часть II

**ПО ТУ СТОРОНУ
ОДИНОЧЕСТВА**

Глава 1

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Сварог обнаружил дорогу после того, как отмахал по дну лиги четыре, а то и все пять.

Он мог бы, наверное, сделать это открытие и раньше, но был поглощен другими заботами — первое время, взяв неплохой темп классического марш-броска, почти не обращал внимания на почву под ногами. Достаточно и того, что она была ровной, без коварных ямок и расселин. Следил, чтобы ненароком не споткнуться: сломай или вывихни он ногу, пиши пропало. Почти все его внимание было поглощено тем, чтобы ухитриться вертеть головой на триста шестьдесят градусов, держать в поле зрения полусферу, чтобы достойно встретить внезапную опасность, с которой можно разделаться и саблей, или вовремя укрыться от какого-нибудь противника, с коим нечего и думать лезть в рукопашную. Как всякому новичку в незнакомых прежде перипетиях, ему казалось, что неведомые опасности так и кишат вокруг косяками, подстерегают, скрадывают, готовясь напасть в самый неожиданный момент.

Однако довольно быстро Сварог переборол эти страхи, стал держаться спокойнее, убедившись, что они, как им и следует, преувеличены.

Но потом к нему привязалась рыба: светло-коричневая в белую крапинку, величиной в половину человеческого роста, с похожими на веера боковыми плавниками, плоским, разме-

ренно колыхавшимся хвостом и широкой мордой, усаженной неисчислимыми рядами белоснежных зубов-крючочков. Сварог не заметил, откуда она взялась на параллельном курсе. Она не приближалась и не отставала, сопровождая его то справа, то слева, на расстоянии десятка ярдов, держась над дном на высоте его груди. Правда, она ни разу не сделала попытки зайти со спины, и нападать не пыталась, но все равно раздражала своими повадками, словно скопированными у заядлого вертухая, — и еще тем, что непонятно было, какого рожна ей, собственно говоря, надо, зачем привязалась. То ли от природы такая любопытная, то ли все это время старательно оценивая, есть ли у нее шансы на победу, если напасть внезапно. Вот и приходилось, в свою очередь, бдительно следить за всеми ее маневрами — росточком не вышла, но цапнуть за бок этакой пастью может довольно чувствительно. Имелся один существенный минус в его положении — здесь зверей не отпугнешь огнем...

Даже если широкомордая рыба и питала какие-то коварные замыслы, она, по-видимому, пришла к выводу, что выбрала себе противника не по зубам; сильно ударив хвостом по воде, изогнувшись и, словно выпущенная из лука стрела, умчалась, поднимаясь к поверхности.

Сварог пошел дальше. И постепенно начал соображать, где именно шагает.

Сначала он подумал, что место, по которому он идет, напоминает гладкую, ровную автостраду, проложенную меж двух невысоких откосов. Чуть погодя он задумался над этим сравнением всерьез — а там и почти уверился. Очень уж ровным было дно под ногами, и ширина этого ровного пространства слишком долго оставалась неизменной, а это уже походило не на капризы природы, а на дело человеческих рук...

В конце концов он остановился, принялся старательно шаркать ногой, сметая башмаком мягкие заросли мха (за неимением лучшего определения он именовал неизвестные водоросли мхом). Взвилось облачко мути. Сварог трудился, как заведенный.

И убедился, что чутье его не подвело. Под ногами у него виднелась на расчищенном пространстве серая гладкая поверхность. Несомненно, какое-то дорожное покрытие искусственного происхождения. Прodelав те же исследовательские работы там, где предполагалась обочина, он натолкнулся на бордюр из каких-то темных, похожих на каменные, брусев.

Сомнений не осталось: это и в самом деле была автострада, судя по ширине, не менее чем шестирядная, разве что заросшая на всем протяжении губчатым мхом бледно-зеленого цвета. Открытие оказалось не таким уж ошеломляющим, он и раньше слышал, что во время шторма изменились очертания и моря, и суши, иные населенные земли ушли на дно, а иные участки дна стали твердью. Вот только среди книжников никогда не было согласия в том, что касалось количества и названий этих земель. Быть может, это и есть пресловутая Альдария. Или Рикобан. Или легендарная Пандичитта. Выбор обширен, но какой ему смысл, в его нынешнем положении, ломать голову? Совершенно неподходящее место и время для бесполезных умствований...

Он поступил просто — взял да и пошел дальше по автостраде, благо она тянулась примерно в том направлении, куда он стремился добраться, уходила к полуночи, порой извиваясь огромными дугами, обходя высокие скалы (которые, надо полагать, существовали и в те времена, когда дорогу прокладывали по земле).

За одной из таких скал он и увидел стоявшую на обочине автомашину — светлую, почти белую, низкую, плавных очертаний, должно быть, спортивную, казавшуюся совершенно неповрежденной.

Справедливости ради следует уточнить, что в первый миг он откровенно шарахнулся под защиту скалы, хватаясь за саблю, — не сразу сообразил, что именно видит. Ему простительно — на Земле он не бывал давненько, а здесь такие машины перестали делать много тысяч лет назад...

Он осторожно приблизился, подошел вплотную. Та же поразительная сохранность предметов материальной культуры давным-давно ушедшего прошлого, что он наблюдал в свое время в Хелльстаде, во флотском доме отдыха. Значит, не только там вещи из далекого прошлого сохраняются целехонькими, словно и не пронеслось над планетой загадочных катаклизмов, словно не было тысячелетий... Машина выглядела так, словно ее не далее как вчера бережно опустили на морское дно: ни единой царапинки, покрышки не спущены, даже мхом не обросла.

После некоторых колебаний он взялся за ручку дверцы. Повинуясь легкому нажиму руки, с тихим щелчком отворилась дверца со стороны водителя. Стянув через плечо перевязь с са-

блей, чтобы не мешала, Сварог устроился на месте водителя. Покрутил баранку вправо-влево, словно любопытный мальчишка. Осмотрелся. На соседнем сиденье лежала фуражка с синим верхом, черным околышем и козырьком, украшенным золотыми листьями. Кокарда абсолютно незнакомая, но, поскольку на ней присутствует золоченый якорь, легко догадаться, в каких именно войсках служил ее давным-давно сгинувший хозяин. На приборной панели красуется закатанная в пластик фотография красивой блондинки в розовой блузке, ключ зажигания с брелком в виде серебряной косатки торчит на своем месте.

Вспомнив исправно работавший в Хелльстаде древний телевизор, Сварог ощутил нешуточную тягу к экспериментированию — и повернул ключ в должное положение, потом еще и еще раз.

Нет, ничего не произошло, ни одна лампочка не вспыхнула на панели, ни одна стрелка не шелохнулась. Были свои пределы у загадочной сохранности, а жаль. Ехал бы сейчас по автострате, распугивая морских обитателей, опустив стекло и выставив локоть в окно...

Потом ему стало не по себе — нахлынула тревога, словно ветер обдал холодом. Показалось вдруг, что распахнутая дверца сейчас закроется с громким щелчком, замурав его надежно и насовсем, а на заднем сиденье послышится шевеление, и чьи-то невероятно холодные пальцы обхватят его шею, и раздастся торжествующий хохот, в котором нет ничего живого...

Ощущение было таким навязчивым и сильным, что он побыстрее выбрался из-за руля, закрыл дверцу энергичным толчком, накинул через плечо перевязь. Посмеялся над собой — в море хватало нечисти, но никто никогда не слышал, чтобы под водой появлялись призраки...

«Шагай дальше, исследователь, — сердито приказал он себе. — Стоит машина, и черт с ней, ничего для тебя интересного...»

И направился дальше по дороге — скорее всего, первый за многие тысячелетия странник, кто шагал ногами по прекрасно сохранившейся автостраде. Первопроходец...

Потом он увидел впереди шпиль, а там и все здание открылось взору. На сей раз Сварог не удивился и не испугался, а продолжал bravо шагать по дороге, отметив лишь, что пейзаж

вперед изменился, он как бы обрывался, словно Сварог приближался к самой кромке некоего откоса или обрыва.

Он подошел совсем близко. Здание, стоявшее слева от автострады, походило то ли на рыцарский замок, то ли на храм, было в нем что-то, заставлявшее думать, что это строение еще задолго до Шторма уже было древним, таким памятником архитектуры: стены из бугристого камня, стрельчатые высокие окна, затейливые башенки с кирпичными зубцами, всевозможные излишества в виде затейливых балкончиков, высеченных из камня зверей и птиц, прилепившихся к стенам строений, напоминавших уменьшенные копии древних замков, — Сварог читал о них где-то, но запомнил сейчас название — то ли машикули, то ли горгульи. Нет, горгульи — это те самые статуи...

Он не стал сворачивать, чтобы осмотреть замок, — к чему? Были более насущные дела, нежели тешить пустое любопытство. Преспокойно прошел мимо. И, как предполагал, оказался на краю высокого крутого откоса, уходящего вниз на сотню ярдов, не меньше. И там, внизу, в зеленоватом сумраке, смутно виднелись очертания неких геометрически правильных, раскинувшихся на большом пространстве объектов, протянувшихся и вправо, и влево.

Ничего сложного для человека, обладавшего «кошачьим глазом». Он пустил в ход заклинание — и оно исправно сработало на дне морском так же, как на суше.

Теперь Сварог видел далеко и широко. В те самые незапамятные времена древнее строение возвышалось на самой вершине крутой скалы — а скала поднималась над большим... городом?

Он присматривался, изучая раскинувшийся под ногами город. И постепенно пришел к выводу, что видит не просто город, а порт. Причем военный порт. Не зря по суше его со всех сторон окружает высокая решетчатая ограда, а внутри виднеется довольно мало строений, похожих на жилые дома. Гораздо больше складов, ангаров, пакгаузов, протянувшихся длинными рядами круглых емкостей с горючим, больших антенн, параболических и в виде решетчатых башен. Классический военный порт — и вдали, возле пирса, превосходно видел лежащий на боку корабль, довольно большой, вроде крейсера. Острый выгнутый нос, орудийные башни, антенны, ракетные установки на корме... Крейсер казался неповрежденным.

Так... Вон там определенно начинается большая глубина — и в те времена, когда порт находился на поверхности, там было глубоко, а уж теперь... Поневоле придется искать обходной путь. Пожалуй, следует обогнуть порт слева — если предположить, что Инбер Колбт и в самом деле представляет собою устье реки, впадавшей некогда в иной океан, то можно приблизительно восстановить в уме древние карты...

Он посмотрел влево. Там, под бывшей скалой, лежал на левом борту корабль, не имевший, сразу видно, никакого отношения к порту — несомненная галера с обломанными мачтами и прекрасно сохранившимся по правому борту двойным рядом длинных весел. Это уже позднее, конечно, уже после Шторма кому-то не повезло. Древность невероятная — галеры давным-давно вышли из употребления, о них на Таларе всегда упоминалось, как о реликтах далекого прошлого. Даже поговорка морская есть: «Давным-давно, как во времена галер».

«Карты!» — вдруг пришло ему в голову. В самом деле, если это морской порт, если предметы из далекого прошлого столь великолепно сохраняются, там, в порту, можно надеяться отыскать древние карты. Кое-какая польза от этого все же может выйти — зная, как выглядели глубины прежде, можно строить кое-какие умозаключения и ориентироваться с грехом пополам, делая поправку на изменения. Все лучше, чем шагать наугад...

Внезапно впереди, если прикинуть, примерно на полпути между древним замком на вершине скалы и портом, появилась пара морских змей. Они словно бы выстрелили откуда-то снизу, от дна, быстро поднимались вверх, почти вертикально, держась рядом...

Сварог проворно отступил к замку, встал за одной из прилепившихся к стенам здания причудливых башенок, чтобы его, не дай бог, не заметили эти твари. Кое-что о морских змеях он знал: создания эти лишены ядовитых зубов, но к зрелым годам вырастают до пяти-шести ярдов, питаются любой живностью, с которой в состоянии справиться, в том числе и людьми. Трудно было определить размеры этой парочки — нет поблизости ориентира, по которому можно прикинуть масштаб, но если это взрослые особи, то путника на морском дне будут расценивать исключительно в качестве пропитания. Сабелькой от двух сразу не отмахнешься. То, что Сварог знал змеиный язык, помочь не могло — подобные твари начисто лишены санти-

ментов и гуманизма, тот факт, что добыча способна с ними общаться на их языке, мало что, надо полагать, изменит...

В общем, он затаился, осторожно выглядывая из-за башенки и шаря взглядом в поисках надежного ориентира. Змеи его не заметили. Были всецело поглощены друг другом. То ли играли, то ли исполняли брачный танец, кто их там разберет: с невероятным проворством носились над дном, выполняя самые неожиданные па, грациозно выгибаясь, свиваясь в кольца, плывя рядом и обвиваясь вокруг друг друга. Было в этом танце что-то одновременно красивое и омерзительное, словно бы завораживающее — эпизод настолько иной жизни, иного разума, иных нравов и привычек, что пробирала непонятная оторопь.

Резвясь и играя, они понемногу удалялись в противоположную от Сварога сторону, смещаясь к порту...

И вдруг Сварога пробил ужас, какого он давненько не испытывал, потому что он наконец-то узрел точку отсчета, к которой можно было привязаться, и понял истинные размеры змей, и ошибки тут быть не могло...

Змеи прошли над портовыми строениями, одна из них мимоходом смахнула хвостом решетчатую чашу локатора — и все масштабы мгновенно стали истинными, пропорции и размеры способны были ужаснуть...

Длина каждой из змей составляла не менее лиги!..

Хелльстадские глорхи по сравнению с ними — дождевые черви. В океане не могло быть обычных морских змей такого размера. Зато в жутких рассказах упоминались два мифологических страшилища, дремлющих где-то в глубинах, — Ермундгад и Митгард. Митгард, как поведал в свое время брат Тивадар, шаганский монах, — не просто одно из многочисленных подручных врага рода человеческого, а одно из четырех воплощений Князя Тьмы. Воплощение Земли. Один из четырех якорей, удерживающих дьявола в этом мире, позволяющих посещать наш мир, когда заблагорассудится...

Он вновь увидел изуродованное страшным шрамом лицо брата Тивадара, услышал тихий глуховатый голос: «Воплощение Воды — Великий Кракен. Воплощение Огня — дракон Брелганд. Воплощение Земли — исполинская змея Митгард. Воплощение Воздуха неизвестно до сих пор. Великий Кракен спит где-то в пучине, и местоположение его, как и змеи Мит-

гард, неизвестно до сих пор. Дракон Брелганд около двух тысяч лет назад был сражен братом-рыцарем...»

Сварог не чувствовал в себе стремления совершить нечто героическое, ему попросту было страшно, не по-человечески страшно. Змея длиной в добрую лигу казалась не противником, а чем-то настолько превосходящим, несокрушимым, что следовало вообще не попадаться ей на глаза, не говоря уж о том, чтобы вступить в бой.

Захотелось прижаться ко дну, распластаться, как камбала. Он презирал себя за эти мысли, но не мог от них избавиться — настолько огромны, устрашающи были два чудовища, грациозно скользившие над крышами и локаторами давным-давно погрузившегося в море порта.

Он не знал, сколько это продолжалось. Стоял, прижавшись к холодной каменной кладке, не в силах оторвать взгляда от резвившихся чудовищ. Вспомнил, что совсем недавно слышал о сошедшем с ума матросе, видевшем в море одно из этих созданий, и не особенно поверил тогда. «Значит, вот так, — шептал он, содрогаясь от тоскливого уныния. — Значит, они и в самом деле проснулись, как будто без них мало было хлопот и тревог. И как я должен с этими тварями совладать?.. Все, с чем мне до сих пор приходилось биться — пустяки, детские игрушки...»

Казалось, это продолжалось бесконечно — дикие танцы исполинских змей над мертвым портом, смертное оцепенение, охватившее Сварога. Но наконец змеи, держась совсем близко друг к другу, ушли в сторону пучины, погружаясь быстро и целеустремленно, и скрылись из виду. Сварог почувствовал себя чуточку легче. Но уж никак не бодрее. Ему следовало спуститься в порт — но он все не мог себя заставить, стоял, прижавшись спиной к бугристым камням, чувствуя спиной каждую неровность, ощущая слабость в коленях, во всем теле.

Он принялся ругать себя последними словами. Когда это не особенно помогло, заставил вызвать в памяти иные лица — лица тех, кто сопровождал его в походах и погиб, не зная страха, не пытаясь повернуть назад, уклониться от драки, лица тех, кто был жив — и, несомненно, полез бы в преисподнюю вслед за Сварогом.

Ему в конце концов стало стыдно — за трясущиеся коленки, за минутное уныние, за то, что позволил себе испугаться, дрогнуть. Остервенело стиснул зубы — и заставил-таки себя

отодраться от стены древнего замка. Стал спускаться вниз по вившейся вдоль откоса мощеной тропинке.

Вернись сейчас змеи, у него не было бы ни малейшего шанса — уже не убежать, а скрыться нигде. Но он пересиливал себя. И, шагая вдоль решетки высотой в два человеческих роста, уже вполне расчетливо, трезво прикидывал, чем можно достать одного из исполинских змеев, а то и обоих сразу. Никогда прежде, куда бы его ни заносило и с кем бы ни беседовал, не слышал о средстве против этих чудовищ. Про Великого Кракена, по крайней мере, точно известно, что убить его способно Копье Морских Королей. Никто, правда, представления не имеет, что оно из себя представляет...

В конце концов он оказался у ворот в решетчатой ограде — ажурных металлических створок, украшенных тем же гербом, что он уже видел не раз на прежних военно-морских документах. Горизонтально, рукоятками к центру, — два меча, вертикально, проушинами к центру, — два якоря, образующие словно бы крест, посередине скрепленный змеей со странной головой, глотающей собственный хвост. Белый кубический домик караульного помещения с плоской крышей. Дверь самого прозаического вида. Небольшая синяя вывеска со знакомыми белыми буквами, складывающимися во вполне понятные слова:

«База „Стагар“ Полночного флота». И ниже еще две таблички, где черным по синему объявлялось, что следует немедленно предъявить пропуск, причем охрана имеет приказ стрелять без предупреждения во всех, кто попытается сюда проникнуть, не имея на то законного права. Ну что же, все знакомо. К этим угрозам сейчас следовало отнестись наплевательски — бдительные часовые давным-давно сгинули в Шторме...

Сварог взялся за ручку, и дверь караулки легко отворилась. Он вошел в обширное помещение, оказался перед высоким, по пояс, никелированным барьером, в котором обнаружился турникет. Сварог двинулся на ту сторону, повернув брюхом сверкающую перекладину.

Никто не выскочил, не стал в него стрелять во исполнение написанных угроз. Справа стоял аккуратный серый стол с придвинутым к нему стулом. На столе теснились мониторы с мертвыми, погасшими экранами, обширной клавиатурой, рядами лампочек. Ничего непонятного — оснащенный электроникой пост охраны. Рядом с одним из мониторов лежал журнал с яр-

кой, пестрой обложкой. Заголовок опять-таки читался легко, без малейшей заминки: «Кисочка».

Сварог перелистал журнал. Цветные фотографии красоток, то обремененных минимумом одежды, то ничуть не отягощенных таковой. Пикантные позы, завлекающие, отработанные улыбки, прелести незаурядного объема. Ну, понятно — именно такой журнальчик мог бы украдкой листать простяга-часовой на боевом посту, не философские же трактаты ему почитать...

Обнаружив висевший на никелированном крючке автомат чуточку непривычного вида, но, в принципе, почти такой же, с какими он имел дело на Земле, Сварог живенько снял его, лягнул затвором, отыскал предохранитель. Все детали были вроде бы в полной исправности, и он, направив ствол в окно, нажал на спуск.

Автомат исправно выплюнул короткую очередь, стекло разлетелось вдребезги, разве что осколки сыпались на пол медленнее, чем на суше. «Почему же находится все в такой сохранности? — подумал Сварог в который раз.

Он повесил автомат на плечо, дулом вниз, огляделся, но не высмотрел больше ничего, подходившего бы для одинокого путника: фуражки на вешалке, синий форменный плащ с золочеными пуговицами и шевронами, фонарик на полке...

Вышел через противоположную дверь — и оказался на территории базы. Та самая база, где служил штандарт-навигатор Горонеро, чьи пожитки так и лежали сейчас у Сварога в замке. Отсюда, значит, за ним и выслали вертолет, когда грянула Белая Тревога... но что-то далековато для вертолета, пожалуй. Отсюда до того места, где располагался санаторий, путь ой как неблизкий... А баз под названием «Стагар» вряд ли было две — это несомненно нашло бы отражение в нумерации. Снова какая-то древняя загадка, а? Ну и черт с ней...

Он шагал по то ли асфальтированным, то ли бетонированным улицам базы, заросшим морским мхом. Стены, впрочем, как и крыши, остались в полной неприкосновенности. Кое-где стояли машины чуточку непривычного вида, легковые и грузовые, однотипной светло-зеленой окраски, со знакомыми уже эмблемами. И — ни единого человеческого скелета, ни единой косточки. Техника и разнообразные бытовые предметы вплоть до мелочей сохранились полностью, а вот люди исчезли бесследно, словно здесь прошло что-то вроде дакаты... правда,

даката оставляла одежду, а здесь — ничего похожего, осталось только то, что моряки сами с себя сняли, вроде плащей и фуражек на вешалке...

Он вышел к пирсу, встал на его корме и долго рассматривал лежащий на боку корабль, который для удобства с самого начала поименовал крейсером. В самом деле, незаметно ни малейших повреждений на видимой стороне, словно некая могучая сила аккуратно положила корабль на дно, как ребенок — игрушку. Глубина — ярдов сорок. Подвести понтоны, накачать их воздухом — в принципе, задача выполняемая даже для таларской техники, похожие задачи флот с блеском выполняет... правда, до сих пор поднимали только свои корабли, обычные парусники или пароходы, не такие уж и большие. Но все равно, стоит попробовать...

Он напомнил себе, что рано загадывает. Сначала нужно еще добраться до места, откуда он сможет командовать своими бравами моряками, вообще добраться до суши...

Бросив последний взгляд на крейсер — чертовски хотелось вступить в обладание столь серьезной игрушкой, — он отвернулся, направился к зданию в самом центре базы, которое высмотрел уже давно, с верхушки скалы. По всей видимости, именно там должен был располагаться штаб, командование, руководство — такой уж был вид у этого трехэтажного дома с острой зеленой крышей, высокими окнами и изящным крыльцом с затейливыми перилами.

Все вокруг было настолько нетронутым и знакомым, что он забывал порой, где находится. Разве что «небосвод» над головой выглядел совершенно иначе, чем на суше, а в остальном — земная твердь, разве что сопротивление воды, когда шагаешь быстро, ощущается чуточку иначе, чем сопротивление воздуха, да башмаки при каждом шаге срывают скользкий мох...

У крыльца стояло с полдюжины легковых машин, судя по их роскошному виду, принадлежавших старшим офицерам. Вывески не имелось, зато по обе стороны высокой входной двери из какого-то резного дерева висели два флага. Один — с горизонтальными зелено-черными, другой — светло-синий со знакомой эмблемой, окруженной золотым венком из листьев неизвестного растения.

Сварог поднялся на крыльцо. В богато украшенном вестибюле справа стоял полированный стол с несколькими теле-

фонами и мониторами, но дежурного за ним, естественно, не было.

Сварог мимоходом полюбовался великолепной мозаикой, покрывавшей стену справа от пола до потолка — морское сражение меж парусными кораблями, гроздя белоснежных парусов, густые клубы пушечного дыма, желтое пламя, головы на волнах...

В вестибюле не было ни указателей, ни табличек с перечнем кабинетов или званий-должностей их обитателей, но это не так уж важно.

ОБИТАТЕЛИ ПОРТА

Старательно обойдя все три этажа здания, — повсюду чистота, порядок, явственная роскошь — Сварог в конце концов спустился обратно на второй. Именно там располагалось помещение, которое после детального осмотра следовало признать приемной перед кабинетом самого важного на базе лица.

Роскошная была приемная — целых три стола для адъютантов и порученцев, уставленные телефонами и прочими подручными приборами, вдоль одной из стен шеренга глубоких кожаных кресел, вторая стена украшена огромными картинами в золоченых рамах, изображавшими батальные сюжеты или идущие в открытом море корабли, парусные, паровые, а также не испускавшие дыма, наверняка более современные и особенно прославившиеся в истории военно-морского флота. Названия многих можно было без труда прочитать на борту — но они, разумеется, Сварогу ничего не говорили.

Он взялся за затейливую позолоченную ручку, и высокая дверь распахнулась удивительно легко. Сварог с первого взгляда убедился, что именно здесь некогда имел честь обитать Самый Важный. Огромный глобус в углу, многочисленные модели кораблей под стеклянными колпаками, большой стол с позолоченными углами и резными украшениями, лежащая на нем фуражка, блиставшая обилием золотых листьев, разлапи-

стостью кокарды, украшенной даже полудюжиной небольших бриллиантиков...

Многое здесь заслуживало внимания, но он в первую очередь направился в глубь кабинета, к огромной карте на стене, ощущая нешуточное волнение — впервые увидел, как выглядел Талар до Шторма, какими были моря, острова и суша...

Только Диори, ледяной остров, нисколько не изменился. Все остальное оказалось непривычным, другим. Сегур и Бран Луг исчезли, вместо них — обширная земля, причем Инбер Колбта, оказалось, и в самом деле представляет собой устье большой реки, впадающей в море... Ага! Нет никакого пролива, о котором он думал сначала. Идти нужно, и точно, на полночь, вдоль бывшего берега этой обширной земли, где глубины вряд ли большие.

Вместо Ферейских островов и Девайкира — по одному сплошному острову, как и на месте Бару. Зато Катайр Крофинд в прошлом, как выяснилось, был архипелагом из полудюжины островков. Темайра нет вообще, а Стагар раза в три больше. Харум — иных, совершенно незнакомых очертаний, если верить этой карте — а почему ей нельзя верить? — некогда добрая треть континента ушла под воду, а столь же большой кусок суши поднялся с морского дна. Присутствуют еще несколько участков суши, причем их не три, по количеству легендарных утонувших земель, а целых пять. Одним словом, очертания и морей, и суши настолько незнакомые, что холодок пробегаёт по спине, когда пытаешься представить масштабы Шторма. Тот еще катаклизм... Жуть пробирает...

Теперь он знал доподлинно, какой дорогой ему идти: забирая влево.

Можно было уходить, но любопытство пересилило — неизвестно еще, когда он сможет сюда вернуться. Старательно притворяясь перед самим собой, что им движут лишь сугубо исследовательские цели, сухие, скучные потребности отвлеченной науки, Сварог поставил в угол автомат, снял саблю и бесцеремонно уселся в роскошное кожаное кресло за столом адмирала — кем же еще быть командиру такой вот базы, как не адмиралом? Даже если звания тогда были другие, он все равно адмирал, и точка...

Он рассеянно потрогал бронзовые и хрустальные безделушки — их было множество на столе, должно быть адмиральское увлечение — наугад выдвинул ящик стола. Стопка чистой бу-

маги с вытисненной золотом эмблемой военно-морского флота и синей надписью: «Архонт-адмирал Крагонар Диртуэн, командующий базы «Стагар». Итак, все-таки адмирал...

Больше ничего интересного — авторучки, коробка скрепок абсолютно того же вида, к каким Сварог привык на Земле. В остальных ящиках и того нет. Судя по всему, покойный архонт-адмирал был большим аккуратистом, деловые документы держал в огромном сейфе, что красуется в углу комнаты, а посторонних предметов, не имеющих отношения к службе, в стол не складывал. Все неуставное ограничивалось безделушками на столе. Телефоны, какие-то никелированные ящички...

Поддавшись искушению, Сварог снял одну за другой три телефонных трубки — молчание, разумеется. Повозился с ящичками, что было не такой уж головоломной задачей: достаточно положить на них руку, чтобы, благодаря известному умению, тут же узнать, как с этими устройствами обращаться.

Первое оказалось чем-то вроде электронного ежедневника-будильника. Второе — телетайпом, связанным с Главным штабом, вот уже пять тысяч лет как прекратившим существование. Сварог все же нажал клавишу «Прием».

Над никелированным ящичком выдвинулся из задней стенки небольшой экран. На черном светились жирные желтые буквы: «БЕЛАЯ ТРЕВОГА! БЕЛАЯ ТРЕВОГА! БЕЛАЯ ТРЕВОГА!» Надо полагать, это самое последнее сообщение, полученное адмиралом от вышестоящих инстанций, а там и грянуло, начался Шторм... Они здесь еще успели отдать какие-то распоряжения, скажем, у оперативного дежурного хватило времени, чтобы отправить вертолет за штандарт-навигатором Горонеро, поднять еще кого-то по тревоге, а там — навалилось...

Интересно, а какие распоряжения успел отдать архонт-адмирал? Одно из устройств как раз для этой цели и служило.

Сварог нажал нужные клавиши. Из узкой щели выползла лента с черными строчками.

«База „Стагар“ Полночного флота — краг-адмиралу Делутеру. В 11.24 шифровкой морского министра объявлена Белая Тревога. С получением сего немедленно вывести Серебряную эскадру в открытое море, рассредоточить корабли, флаг удерживать на „Туруле“. Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами нанести удар по убежищу Великого Кракена. Соединению „Морские Короли“ обеспечить полное и окон-

чательное уничтожение. Потерь не считать. Архонт-адмирал Диртуэн».

Сварог долго сидел в задумчивости над последним приказом, какой успел отдать в своей жизни хозяин кабинета. Было над чем поразмыслить. Оказывается, уже в те времена существовали планы по уничтожению Великого Кракена — надо полагать, детально разработанные, подробные, если Диртуэн в своем приказе высказался столь лаконично. Его подчиненные сами должны были прекрасно знать, о каких планах идет речь, и как им следует действовать. Интересно. Очень интересно. Выходит, у них были некие средства, позволявшие обеспечить «полное и окончательное уничтожение»? Похоже на то. Кто же в подобной ситуации ставит перед подчиненными нереальные, заведомо утопические цели? Краткий и недвусмысленный приказ, предельно ясный и четкий... Морские короли, что любопытно... Многозначительная переключка через тысячелетия, а? Испоконы веков болтают, что Великого Кракена может уничтожить только Копье Морских Королей, а тут вдруг узнаешь, что именно так называлось некое соединение военно-морских сил, коему прямо предписывалось... Совпадение? Крохи информации, обернувшиеся с течением времени романтической легендой? Или что-то другое? Выходит, у них были средства... У них были средства... И, судя по тому, что Великий Кракен до сих пор обитает в пучине, эти средства то ли не возымели должного действия, то ли попросту их не успели пустить в ход, что гораздо более вероятно. О Шторме достоверно известно одно: что бы он собой ни представлял, он потрянул планету, чуть ли не мгновенно захватив всю целиком, катаклизм был всеобщий и грандиозный... Могли и не успеть... Хотя и намерения были, и заранее разработанные планы, и средства... Некое умозаключение так и вертится в голове, никак не складываясь в четкие формулировки, во внятные истины...

Сварог прошел к огромному сейфу, положил ладонь на блестящую поверхность повыше никелированного штурвальчика и через мгновение уже знал код. Прodelав нужные манипуляции, нажал стальные кнопки с цифрами и буквами, крутанул несколько раз штурвальчик в разные стороны, потянул полукруглую ручку.

И набросился на содержимое, на папки и скоросшиватели, как проникший в богатый дом взломщик, знающий, что времени у него почти нет. Потрошил папки, листал бумаги, от-

брасывая крайне интересные, но совершенно ненужные сейчас прямо на пол. Скоро набралась целая груда. На иные из них с радостными воплями вмиг набросились бы и ученые из Магистериума, и люди Гаудина, во главе с ним самим, да и сам он, Сварог, в другое время. Но сейчас не было времени тешить научное любопытство.

Он целеустремленно искал списки подчиненных архонт-адмиралу кораблей и в конце концов наткнулся на нужный лист. Серебряная эскадра, судя по документам, изначально была выделена в особую тактическую единицу, решавшую какие-то свои, строго определенные задачи. И в ее составе пребывало некогда соединение «Морские Короли», состоявшее из трех подводных лодок: «Белард», «Кораторн» и «Рагнаррок».

Последнее название ему уже попадалось где-то... ах да, на этом корабле служила некая Донайра, близкая знакомая и штандарт-навигатора, и его подруги. А впрочем, еще не факт. Одно и то же название, в принципе, могли носить и подводная лодка, и надводный корабль... почему бы и нет?

Знать бы еще, какая все-таки связь между существовавшими некогда реальными боевыми кораблями и нынешними морскими побасенками. Хм, любопытные параллели — Серебряная бригада и Серебряная эскадра... или это простое совпадение? Но очень уж многозначительное получается совпадение...

И по-прежнему что-то настойчиво вертится в голове, некая ассоциация...

Сейф опустел. Просмотрев каждую бумажку, Сварог так и не нашел ответа, каким же оружием располагали и Серебряная эскадра, и соединение подводных лодок с крайне многозначительным названием. Таких деталей в документах не нашлось — да и не могло там оказаться, логически рассуждая. Есть вещи, которые как бы сами собой подразумеваются, иные тактико-технические данные присутствуют только в справочниках, но никак не в бумагах, касающихся повседневной службы. Их и так знают облеченные властью и доверием командиры, к чему лишняя писанина? К подобному он привык за время своей службы в прошлой жизни: скажем, во всех бумагах указано, каким количеством автоматов вооружен батальон, и калибр указан, но никто не станет составлять особую бумагу, уточняя, что автомат — это огнестрельное оружие. Это и так всем известно. Точно так же, отдавая приказ батальону выдвинуться в некую точку и выполнить некую задачу, ни один генерал не станет де-

лать приписку: «Вооружить батальон автоматами». И так ясно, что на выполнение боевой задачи пойдут не с дубинами, а со штатным вооружением.

Он отошел от стола. Уставился на висевший рядом с картой полушарий портрет какого-то осанистого типа с седыми висками, пронизательным взглядом и небольшой красно-синей розеткой на отвороте серого, несомненно, штатского одеяния. Незнакомец смотрел соколом, выглядел крайне презентабельно и авантажно. Никаких других портретов в кабинете не имелось — значит, следуя нехитрой логике, этот изображает лидера государства, а уж никак не любимого дедушку или дядю архонт-адмирала. В подобных кабинетах изображения любимых дедушек держат не на стене, а в крайнем случае, на столе — вот, кстати, рядом с телефоном красуется снимок красивой женщины средних лет, в серебряной рамке...

Сварог задумчиво почесал в затылке. Ну конечно, это глава государства. Штатский. Значит, у них тут не было никакой хунты... а впрочем, ничего толком неизвестно, не стоит спешить. Могла оказаться и хунта, глава которой приличия ради велел запечатлевать себя на висящих в присутственных местах портретах исключительно в цивильном, мало ли как у них было принято...

Одно ясно: и этот глядевший соколом субъект с портрета, и хозяин кабинета знали нечто такое, что крайне пригодилось бы и Сварогу сейчас — но тайны свои, как и подобало опытным государственным мужам, унесли с собой в могилу, не подумав о далеких потомках...

«Может, задержаться в этом месте подольше?» — подумал он.

В самом деле, мысль толковая. Здесь найдется еще немало сейфов, которые не мешало бы изучить вдумчиво, с толком и расстановкой. Сейфы эти, конечно, рангом пониже, но все равно, стоит в них покопаться. Коли это была военная база, где-то совсем рядом лежат бумаги и штаба, и контрразведки. Когда еще выдастся такой случай? Спать можно прямо здесь, на роскошном кожаном диване, с едой и питьем все в порядке, а что касается...

Что-то на миг заслонило тусклый свет за окном, словно там пронеслось нечто огромное.

Сварог встрепенулся, бросив вороватый взгляд на выпотрошенный сейф и груды бумаг на полу, — в какой-то миг он

ощутил себя застигнутым с поличным шпионом из какого-то фильма. Потом, разумеется, вспомнил о реальном положении дел: некого стыдиться, не перед кем оправдываться, это давным-давно то ли выморочное имущество, то ли археологические раскопки...

Одно из высоких, во всю стену, окон, вновь потемнело — что-то огромное заслонило его. Сварогу пришло в голову, что он все же на морском дне, и следует почаще вспоминать о здоровой бдительности. Повернулся в ту сторону, где оставил оружие.

И тут же развернулся всем телом в сторону окна. Из темноты на него смотрел огромный зеленый глаз, круглый, немигающий, исполненный такой злобы, что холодок пробежал по спине.

Окно вылетело, неисчислимые осколки хлынули внутрь волной, и в комнату, разворачиваясь, прямо-таки выстрелили длинные щупальца, хлестнули по стенам, по огромному столу, определенно целя схватить человека.

Сварог рухнул на пол, перекатился, быстрым движением ноги подбил приклад стоящего у стены автомата так, что оружие само упало в протянутую руку. Другой рукой подхватил саблю за бронзовую оковку на конце ножен, пополз в дальний угол.

Щупальца шарили повсюду, хватая разнообразные предметы и тут же выпуская, расшвыривая. Подводная тварь целеустремленно искала Сварога.

Он приподнялся над столом и, пригибаясь, выпустил одной длинной очередью весь магазин, целясь главным образом в огромный немигающий глаз. Пули веером ушли в ту сторону, оставляя за собой пузырчатые трассы. Сварог видел попадания — но глаз, к сожалению, не задел. Никакого толку — особого вреда этому мешку со студнем пули все равно не причинят...

Судя по размерам щупалец — толщиной со взрослого человека и соответствующей длины — головоногий житель глубин был не из крохотных. Щупальце ударило по столу, пришлось по нему, сметая на пол все, что там было. Два других обогнули стол с двух сторон, упрямо на шаривая человека.

Приподнявшись на колени, Сварог что есть силы рубанул по ближайшему. К великому сожалению, в руках у него оказался на сей раз не Доран-ан-Тег. Отличная была сабля, до

бритвенной остроты наточенная покойным владельцем, но конец щупальца она все же не отрубила, лишь рассекла до половины, и в кабинете стало расплываться темно-синее облачко.

Увечное щупальце проворно отдернулось, исчезло с глаз, но на смену ему обрушились со всех сторон сразу четыре. Положение было аховое: стоя на корточках, не размахнешься как следует, любой удар выйдет слабым, а если подняться на ноги, эта тварь тут же увидит его...

Если попытаться прорваться к двери... Есть шанс укрыться на лестнице, добежать до подвала — на первом этаже он видел дверь, которая определенно служила входом в подвал... На приличной военной базе, тем более в резиденции командующего, просто обязаны были устроить надежное бомбоубежище, куда никаким щупальцам не пробраться...

Он приподнялся, озираясь. Щупальце обвило его ноги, второе тут же оплело поперек груди, пренебрегая тем, что острие сабли впивалось в скользкую буроватую кожу. Сварога выдернуло из-за стола, как морковку с грядки, понесло в сторону выбитого окна. Он ничего не мог поделать, спеленатый по рукам и ногам. Не было времени бояться, в голове лихорадочно пронеслось: у спрута есть клюв, когда начнет жрать, может, и удастся всадить туда клинок, прямо в поганую харю, чтобы засунуть добычу в пасть, ему волей-неволей придется изменить положение пленника, перехватить по-другому, и тогда будет шанс...

Он оказался на улице — головногое отплыло от дома, волоча за собой добычу. Ага, не спрут, а осьминог: округлое темное тело размером с деревенскую избу, клубок десятиярдовых щупалец, два злобных глаза немигающе вылупились...

Стремительные черно-белые тела пронеслись совсем рядом, опускаясь сверху с поразительной скоростью, и все мгновенно изменилось. Хватка ослабла; Сварог, почувствовав себя свободным, не стал терять времени и, полоснув мимоходом саблей по ближайшему щупальцу, поплыл в сторону и вниз, отчаянно загребая всеми конечностями.

Он опустился на мостовую и тут же отпрянул к стене. Осьминог, сжав щупальца в пучок, головой вперед рванулся прочь с поразительной скоростью — но на него со всех сторон налетели те самые стремительные, черно-белые обтекаемые силуэты, вцепились мертвой хваткой, сразу в десятке мест брызнули струйки темно-синей крови...

Прижавшись к стене, Сварог задрал голову. Сражение по-немногу перемещалось в сторону пирса — осьминог отмахивался щупальцами, бешено крутя ими в воде, выполняя нечто похожее на фигуры высшего пилотажа, а на него безостановочно налетали косатки, числом не менее двух десятков, мелькали черно-белыми молниями, рвали куски из щупалец и туши, отскакивали с невероятным проворством, вновь бросались в атаку... Осьминог ухитрился ухватить-таки одну из них, оплел щупальцем от носа до кончика хвоста, стиснул — и брызнули темные струйки...

Но остальные не ослабили напора, вцепились еще яростнее. Сверху обрушилась подмога, еще с десятков изящных, стремительных, черно-белых морских хищников. Осьминога прямо-таки рвали в клочья, на мостовой уже беспомощно извивались в последних конвульсиях сразу три откушенных щупальца, беззвучная битва посреди расплывшегося над домами темного облака продолжалась с прежним накалом, хотя уже не одно, а целых три изуродованных черно-белых тела упало на дно...

Сварог, прижимаясь к стене, медленно отступал вправо, за угол дома. Лезть в драку не стоило — хотя бы потому, что от него не было бы никакого толку в качестве боевой единицы. Не единица, а сплошное недоразумение...

Вот только что прикажете делать дальше? Бежать на своих двоих от косаток бесполезно — догонят в два счета. Кто их знает, что им придет в голову, вполне может оказаться, что их миролюбие преувеличено... Вернуться в дом и пересидеть там смутные времена? Пожалуй...

Он осторожно выглянул из-за угла. В вышине медленно расплывалось темное облако — а то, что осталось от гигантского осьминога, красовалось посреди широкой улицы: бесформенная, слабо содрогавшаяся куча, окруженная бьющимися кусками щупалец, исходящая темно-синими струйками...

И тут же черно-белые тела метнулись к Сварогу. Он остался стоять у стены, потому что ничего больше не мог предпринять, а перед ним повисло в воде три десятка косаток. Маленькие темные глазки, такие же немигающие, как у осьминога, разглядывали его с совершенно непонятным выражением. Чертовски трудно определить, что именно выражают глаза подобных созданий...

Раздались непонятные звуки — что-то вроде потрескивания, писка, звонкого похрустывания. Ага, это они беседуют,

мнениями обмениваются, намерениями, надо полагать, делятся... Может быть, большинством голосов решат употребить его в пищу...

Он стоял, стиснув рукоять бесполезной сабли, а косатки, судя по звукам, продолжали оживленную беседу. Глупо строить догадки, но Сварогу отчего-то почудилось в их пiske-хрусте-треске некоторое удивление. Вполне может оказаться, так и было. Вряд ли им приходилось видеть прежде, как сухопутный двуногий житель спокойно расхаживает по дну морскому, во все не собираясь задыхаться и тонуть. Плохо, что эти изящные рожи лишены всякой мимики...

Дискуссия продолжалась довольно долго, временами то одна косатка, то другая — всегда это была только одна — выдвигалась из строя, шевельнув плавниками, приближалась к Сварогу на длину вытянутой руки и всматривалась немигающе, пристально. Потом возвращалась на свое место. «Может, и не сожрут, — приободрившись, подумал Сварог. — К чему разводить долгие дискуссии, если собираешься сожрать? О чем они балабонят, знать бы...»

Прения завершились так внезапно, что Сварог вздрогнул от неожиданности, большая часть косаток прынула вверх и, держа безукоризненный строй, унеслась в неизвестном направлении. Осталось четыре. Они висели на прежнем месте, удерживаясь легкими движениями плавников, и уже не болтали. Все равно многовато для одинокого, вооруженного лишь саблей человека — каждая рыбка в три Свароговых роста, а уж зубы...

Он терпеливо ждал, потому что ничего другого не оставалось. Окажись это змеи, можно было попытаться с ними поговорить, но наречия этих созданий он не знал.

Одна из косаток вдруг шевельнулась, медленно подплыла к нему и, опустившись к самой мостовой, повернулась боком. Наклонила в сторону Сварога спинной плавник, напоминавший кривую саблю. Несколько раз качнула им так, что он ощутило похлопал Сварога по груди. Остальные не двигались.

Что-то это должно было означать. Сварог не пошевелился. Издав скрежещущий звук, косатка вновь шлепнула его плавником по груди. Нет сомнений, что от него что-то настойчиво требовали. Что ей надобно? Слопать вроде бы не собираются...

А что, если... Почему бы и нет? Он прекрасно помнил земные истории о дельфинах, упорно буксировавших одиноких пловцов к твердой земле, и здешние аналогичные рассказы о

косатках, спасавших потерпевших крушение моряков или рыбаков, оставшихся в открытом море без лодки.

Вторая косатка надвинулась на него сбоку, действуя рылом так, словно хотела осторожно отодвинуть от стены. Сварог решил. Засунул саблю за широкий кожаный пояс — перевязь с ножнами осталась в кабинете адмирала — неуклюже взобрался на округлую черную спину и обеими руками вцепился в плавник у самого основания.

Похоже, именно это от него и требовалось. Косатка моментально прынула вверх, по косой линии поднялась над домами и понеслась, энергично работая хвостом. Остальные мчались рядом. На спине морского хищника удержаться оказалось гораздо труднее, чем на лошади. Сварог отчаянно стискивал ногами крутые твердые бока, вцепился в плавник, с грехом пополам усидев. Косатка мчалась так, словно не понимала, как ему трудно на ней держаться.

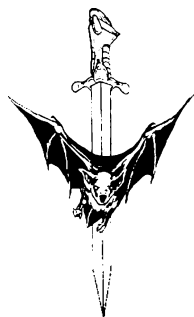
Вокруг становилось все светлее и светлее — и голова Сварога, прорвав макушкой некий неосязаемый занавес, вдруг оказалась на вольном воздухе. Море было все таким же спокойным, солнце кренилось к закату.

Косатка после длившегося буквально несколько секунд замешательства помчалась куда-то, вспенивая воду. «Уж не к ближайшей ли суше вы меня собираетесь доставить? — подумал Сварог. — В любом случае ясно, что есть не станете, спасибо и на том. Значит, проживем еще...»

Часть III

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА

Глава 1

СТРАННИКИ

Косатка неслась, словно торпедный катер. Сварог мало что мог рассмотреть вокруг за белопенными брызгами, хлеставшими в лицо так, словно его поливали из шланга, но все же рассмотрел впереди вереницу высоких парусов.

Правда, была в них какая-то непонятная пока то ли странность, то ли неправильность, но все же это были самые натуральные паруса. Паруса — это корабли. Корабли — это люди. Не исключено, что именно эта нехитрая логическая цепочка сложилась в мозгу несущейся по морской глади косатки — коли уж она озаботилась спасением Сварога.

Косатка заметно сбавила скорость, повернула. Теперь она двигалась параллельно... нет, не кораблям, плотам. Длинная вереница огромных плотов, на каждом — единственная мачта и косой парус, а также несколько плетеных хижин с острыми крышами. По бокам закреплены горизонтально длинные весла, бездействующие сейчас, видно, что у невысоких бортов толпятся люди.

Сварогу уже доводилось слышать об этой морской достопримечательности, хотя вживую прежде не сталкивался. Зовутся они Морскими Бродягами — это здешние цыгане, вечные странники, с незапамятных времен бороздящие океан на своих плотах. Давным-давно Шторм привел их в такой ужас, что они дали клятву никогда в жизни не ступать на твердую

землю — и, что характерно, клятву эту свято держали их потомки бог ведает в каком поколении.

Никто не помнил, когда именно они пустились в бесконечное плавание — быть может, не сразу после Шторма, но уж, несомненно, вскоре после Вьюги. Так и странствовали, причаливая порой по своим надобностям к иным островам или Харуму, но никогда не ступая на землю. Было их, согласно приблизительным подсчетам восьмого департамента, тысяч пять. Никакого подданства у них, понятное дело, не имелось, на них с тех же самых незапамятных времен попросту махнули рукой как таларские, так и небесные власти, поскольку, по большому счету, от Морских Бродяг не было ни вреда, ни пользы. Давным-давно иные оптимистично настроенные короли пытались посадить их на сушу, но ничего из этого не вышло, предпочитали покончить с собой, но на тверди не жить.

Насколько помнил Сварог, эти вечные странники все же не могли выжить, не поддерживая с сушей хотя бы редких контактов. Они регулярно причаливали в нескольких портах, главным образом на островах, вели меновую торговлю, предлагая либо жемчуг, либо разнообразные морские редкости вроде кораллов, тюленьих шкур или особо ценимой гурманами рыбы. Временами в тех же портах раздобывали себе невест ради притока свежей крови — самым легальным образом, заранее объявляя о намерениях и платя неплохой калым. Самое интересное, что охотников пристроить таким образом дочек всегда хватало — среди народа из низших классов, прозябавшего в такой бедности, что это им представлялось наилучшим выходом. Хватало и откровенных авантюристок — испокон веков ходили слухи, что Морские Бродяги, отличные пловцы и ныряльщики, добыли немало сокровищ с затонувших на доступной им глубине кораблей. По той же причине на них порой нападали и пираты, что было не самым легким предприятием: драться морские странники умели. Правда, и капитан Зо, и Интагар как-то рассказывали Сварогу, что в жизни не слыхивали о счастливых случаях, которые завладели бы кладами Морских Бродяг, да и реальность кладов вызывала сомнения...

Порой эти люди нанимались на купеческие корабли, где их ценили несказанно — прирожденные мореходы, знавшие о ветрах, течениях, вообще об океане столько, что самые опытные таларские капитаны им и в подметки не годились. Понятно, и

на службе Бродяги свято придерживались того же извечного жизненного принципа — не ступать на сушу.

Одним словом, по всем отзывам — народ безобидный, вовсе не склонный употреблять в пищу случайных путников и вообще причинять им вред. Потерпевшие кораблекрушение иногда находили у них приют и помощь, о чем имелось немало достоверных сведений. Так что Сварог, разглядывая плоты, воспрянул духом: все вроде бы складывалось неплохо. Придется срочно выдумать правдоподобную легенду... что будет не самым трудным делом, так как Морские Бродяги мало осведомлены о жизни на суше и легко проглотят любую неуклюжую ложь, какую обычные мореходы раскусили бы сразу...

Косатка шла параллельным курсом, так близко к плоту, что Сварог уже хорошо различал лица людей, тарашившихся на него с вполне понятным жадным любопытством: самые обыкновенные лица, не отмеченные ни уродствами, ни какими-либо пороками. Пожилые и молодые, мужчины и женщины (иные девушки — весьма ничего...) Одеты, правда, непривычно — рубахи, штаны и платья из какого-то непонятого материала. И у мужчин, и у женщин на шее ожерелья из ракушек и непонятно чьих зубов. Некоторые мужчины держат наготове внушительные луки (стрелы, по той же достоверной информации, частенько бывают смочены рыбьим ядом, так что порой опаснее пуль...)

Косатка вдруг взметнула туловищем, словно норовистый скакун, и Сварог взлетел в воздух, шумно плюхнулся в воду ярдах в пяти от плота. Глянув вокруг, он уже не увидел своих немых спасителей — черно-белые изящные животные моментально ушли на глубину. Они, надо полагать, излишней сентиментальностью не страдают: доставили спасенного к соплеменникам — и тут же уплыли. Сварог не представлял, каким образом смог бы их поблагодарить на понятном им языке... Спасибо, и все тут...

Не колеблясь, он поплыл к плоту. Лучники в него не целились, стрел не было на тетиве, оставались в колчанах. В плетеном из каких-то прутьев борту открылось нечто вроде калитки, прямо напротив Сварога, и он, расценив это как приглашение, подплыл к тому месту и, ухватившись за плетень обеими руками, вскарабкался на плот.

Опустился на аккуратный настил, прислонившись спиной к плетню, поглядывая на полукругом стоявших неподалеку мор-

ских бродяг. Те, в свою очередь, разглядывали его во все глаза — особенно пролезшие меж взрослыми в первый ряд ребяташки. Разглядывали с любопытством, но спокойно, без тени суеверного страха. Живут первобытным строем, но мышление вряд ли первобытное, это следует учесть и не держать их за совершеннейших глупцов...

Сварог, говоря по совести, предпочел бы встретить классических дикарей: зажег огонь на кончике пальца, закурил — повалились они ниц, приняв тебя за бога-громовержца, готовые смиренно выслушать любой приказ и поверить всему на свете... С этими так не получится. По физиономиям видно, имеют кое-какое понятие о собственном достоинстве и уж безусловно не простачки. Ну, постараемся не попасть впросак, и не таких вокруг пальца обводили...

В свою очередь, он во все глаза разглядывал людей, к которым так неожиданно прибился. В самом деле, не заметно никакого примитива: одежда хорошо скроена и мастерски сшита. Из хорошо выделанной рыбьей кожи — она и на суше порой бывала в моде, главным образом, у дворян. Ожерелья нанизаны не как попало, раковины со вкусом подобраны по размерам, цветам и даже оттенкам. Волосы у всех тщательно причесаны — значит, расчески у них в обиходе. Все, правда, босиком, но это и понятно: зачем им ходить в обуви здесь, на плоту, где грязи никогда не бывает?

Его первые впечатления оказались верными: все эти люди, даже малые дети, разглядывали его со спокойным достоинством, чуть ли не величаво. Никто не хихикал, не гримасничал, не подталкивал друг друга локтями, как это можно сплошь и рядом наблюдать у крестьян на суше. Эдакие благородные дикари Фенимора Купера, почитающие себя солью земли... то есть, делая поправки на здешнюю специфику, солью воды.

Морские Бродяги постепенно расступились. Вперед вышел человек средних лет, его одежда была оторочена мехом серого тюленя, а на груди вместо ракушек красовалось ожерелье из пары дюжин тяжелых золотых монет. «Ишь ты, — насмешливо подумал Сварог, — кое-какие традиции суши здесь вовсе не отвергают: начальство, как ему повсюду и положено, украшает себя золотишком». А в том, что этот тип представляет собой какое-то местное начальство, сомневаться не приходится — у него одного на шее золото, у него одного пояс не из кожи морского зверя, а из резных костяных пластин, у него одного висит

на пояс скрамасакс с дорогой рукоятью. Да и окружающие, несмотря на свою гордую статью, к нему относятся с несомненным почтением.

Следовало бы встать, но Сварог и в самом деле здорово устал. Будем надеяться, что здесь нет каких-нибудь специфических табу, повелевающих немедленно рубить на части всех, кто осмелится сидеть в присутствии вождя племени...

Стоя над ним и не выказывая лицом никаких эмоций, ознанченный вождь спокойно сказал:

— Я — Гор Олувет Корунан, старшина жангады.

Столь же спокойно Сварог спросил:

— Жангада — это вот этот плот? — и обвел руками вокруг.

Старшина поправил невозмутимо:

— Вся эта флотилия. Семнадцать плотов. Это не род, не племя... Жангада. У вас на суше вроде бы нет похожего.

— Это точно, — сказал Сварог. — Но я уже понял, что вы здесь — самый главный... Меня зовут Паколет Карах, я купец из Готара... но вы, наверное, не знаете, где это?

— Мы плохо знаем географию суши, — кивнул старшина. — Это на островах или на Харуме?

«Слово «география», по крайней мере, знает, — подумал Сварог. — Что подразумевает хотя бы беглое знакомство с научными терминами. Будем иметь в виду».

— На Харуме, — сказал он. — Я плыл с товарами на Катайр Крофинд, и неподалеку отсюда...

Он замаялся на миг. Не стоило уверять, будто корабль затонул из-за шторма или бури — кто их ведает, превеликих знатоков моря, вдруг, благодаря своему опыту, знают совершенно точно, что никаких атмосферных пертурбаций не наблюдалось на много лиг вокруг? Не стоит с момента знакомства выказывать себя лжецом...

— Неподалеку отсюда на нас напали пираты, — продолжал он. — Был бой, наш корабль потонул, я держался на плаву, уцепившись за какую-то доску... Пираты ушли, меня не заметили. Потом появились косатки... и принесли меня к вам.

— Случается, — кивнул старшина. — Если ты не возражаешь, пройдем ко мне? Саблю лучше оставить здесь. Такой порядок. Оружие во время спокойного плавания есть только у часовых и у меня.

Протестовать было бессмысленно. Сварог осторожно вытащил из-за пояса саблю и положил ее у борта. Люди расступились.

лись перед старшиной, и Сварог пошел следом за ним в одну из хижин.

Неизвестно, как были меблированы остальные, но в этой не было ничего лишнего. Пол устлан циновками, в углу — низкая, в две ладони вышиной постель, покрытая самым обыкновенным одеялом, которое здесь соткать никак не могли, только выменять на суше. Никаких признаков, свидетельствовавших бы, что здесь обитает облеченное немалой властью лицо.

— Ну что же, — сказал старшина, когда они уселись друг против друга на жестковатые циновки. — Ничего удивительного, иногда случается. Косатки всегда спасают тонущих, ты должен быть им благодарен...

— Могу заверить, что я благодарен, — сказал Сварог. — От всей души.

Точно, не бывать морским богом...

— С тобой, купец, следует как-то поступить... — задумчиво сказал старшина. — Найти тебе какое-то место в жизни... Ты, случаем, не хочешь к нам присоединиться? Это несложно. Здоровый, нестарый мужчина, не связанный кровным родством ни с кем из нас, всегда может к нам присоединиться...

Осторожно, взвешивая каждое слово, Сварог произнес:

— Благодарю вас за столь великодушное предложение, старшина, но принять его не могу, уж не посетуйте. Я привык жить на суше, такая уж у нас в семье традиция...

Старшина не походил на оскорбленного отказом. Он кивнул, словно бы даже с некоторой скукой:

— Ну да, разумеется. Вы, твердяки, сплошь и рядом отказываетесь... Чего же ты, в таком случае, от нас ждешь?

— Чтобы вы высадили меня на берег на первом же клочке суши, куда пристанете, — сказал Сварог. — Полагаю, в таком желании нет ничего дерзкого или невыполнимого?

— Конечно, нет, — сказал старшина. — Опять-таки — случается... Есть законы, старые, как сам океан. Попавшему в беду посреди волн следует помочь, чем возможно. Первым клочком суши, как ты выразился, будет Темайр. Туда мы и держим путь. Устраивает?

— Ну конечно, — сказал Сварог.

Его это и в самом деле устраивало, как нельзя лучше. Темайром напрямую управляют лары, там, кроме чиновников Канцелярии земных дел, есть резидентура восьмого департамента... Просто великолепно!

— Ты и в самом деле искренне рад... — сказал зорко наблюдавший за ним старшина.

— Я вел дела с тамошними купцами, у меня там много знакомых, — сказал Сварог.

— Вот и прекрасно. Итак... Ты — Спасенный. В качестве такового можешь пользоваться до Темайра нашим гостеприимством. Если будет плохая погода и понадобится помочь с парусами... или в чем-нибудь еще, ты ведь не откажешься?

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Только скажите, что нужно делать, а уж я отслужу...

Вообще-то, услышав эти просьбы о помощи, следовало держать ухо востро. В прошлом году Сварог почитывал как-то на сон грядущий мемуары знаменитого пирата Тавана-Везунчика, пенившего моря лет двести назад и однажды после кораблекрушения угодившего к Морским Бродягам. Его тоже поименовали Спасенным, посулили доставить на ближайшую землю, а пока что попросили помочь в неотложных делах.

И началось. Когда к нему в хижину привели первую девушку, которой гость должен был, называя вещи своими именами, помочь зачать ребенка, пират поначалу решил, что ему крепко повезло, и царящие среди морских странников обычаи гостеприимства заслуживают самого горячего одобрения. Однако вскоре появилась вторая девушка с тем же техническим заданием, а там и третья — а потом с ближайших плотов стали переправлять все новых и новых. Приятное для всякого мужика приключение превратилось в нешуточную каторгу, бедолагу Тавана принялись эксплуатировать на всю катушку — и, судя по некоторым намекам, собирались использовать в этом качестве неизвестно сколько времени. Ему все же удалось оправдать свое прозвище — поблизости появился корабль, и Таван, не теряя времени, сиганул в воду, поплыл в ту сторону, стал орать благим матом, умоляя о спасении, и был взят на борт. Всю сознательную жизнь гордый джентльмен удачи помалкивал о печальном приключении, и только в глубокой старости, давным-давно отойдя от дел и сочиняя мемуары в своем поместье, раскрыл кое-какие тайны былых времен. Иные ему не верили, но Сварогу пришло сейчас в голову, что эта история крайне похожа на правду: морские бродяги должны всеми силами сопротивляться вырождению, а поскольку такового, судя по их цветущему виду, до сих пор не произошло, они, несомненно, не особенно разборчивы в средствах. Самый простой способ

вливать в их жилы изрядно свежей крови — заставить ударно потрудиться случайного спасенного, которого наверняка никто не станет искать, полагая погибшим. Человеческая натура, увы, несовершенна, а житейский практицизм в сочетании с полной безнаказанностью может далеко завести. Так что следует держать ушки на макушке и продумать кое-какие жесткие планы на тот случай, если с ним вздумают повторить тот же фокус...

— Пойдем, — встал старшина.

Сварог вышел следом за ним на палубу, где уже не наблюдалось недавнего многолюдства — должно быть, люди ушли в хижины, которых на плоту длиной не менее чем в шестьдесят ярдов стояло десятка полтора. Только на корме у рулевого весла стоял один из странников, да еще двое с луками прохаживались в носовой части. Солнце уже скрылось за горизонтом, и плот полным ходом шел в том направлении, где еще слабо золотились на волнах последние отблески дневного светила, было прохладно и свежо, стояла уютная тишина.

Сварог полагал, что его немедленно отведут в одну из хижин, но морские бродяги, оказалось, придавали гигиене гораздо большее значение, чем можно было подумать. Для начала старшина послал его принять ванну — то есть отправил в огромную корзину, намертво прикрепленную к плоту по правому борту. И выдал какой-то серый скользкий ком, как оказалось, ничем не уступающий мылу. Как следует поплескавшись, Сварог вылез, получил взамен своих пришедших в плачевное состояние шмоток штаны и рубашку из рыбьей кожи — и только после этого был препровожден в крайнюю хижину.

Там стояла совершеннейшая темнота, но старшина уверенно направился в угол, судя по звукам, налил во что-то вроде чашки немного воды — и там, в углу, вдруг разгорелось тускло-ватое, но все же дававшее достаточно света сияние.

Сварог подошел и заглянул в чашку. Там лежал ком мокрых корешков — или чего-то вроде корешков — размером с кулак, дававший света не меньше, чем шандал с полудюжиной свечей. Ни огня, ни дыма, корни светились, словно гнилушка, но гораздо ярче.

— В море есть много полезного, — сказал старшина чуть-чуть покровительственно. — Удивлен?

— Не особенно, — сказал Сварог, вспомнив о своей роли. — Подумал вот, что на этой штуке можно неплохо заработать на суше.

— Дай вам, твердякам, волю, вы все из моря вычерпаете... — с непонятной интонацией произнес старшина. — Отдыхай. Пока мы не дойдем до Темайра, тут будет твой дом. Сейчас тебе принесут поесть. Всего наилучшего, купец Паколет Карах.

Он едва заметно кивнул и степенно вышел. Сварог растянулся на циновке — довольно жесткой, но выбирать все равно было не из чего.

Колыхнулся полог, сплетенный из каких-то непонятных нитей, — явно морского происхождения. Появилась девушка в платье из рыбьей кожи, довольно коротком и облегавшем точеную фигурку так, что сразу становилось ясно: при всей скудости в выборе материала женщины остаются женщинами.

Светловолосая и синеглазая девушка походила на заезженную тяжким трудом простолюдинку. На шее у нее в окружении обычных раковин поблескивали три золотых монетки, что по здешним меркам, надо полагать, свидетельствовало о довольно высоком социальном статусе. Почему же в таком случае ей поручили миссию, с которой справилась бы любая служанка? Или таковы тут традиции гостеприимства?

Она поставила перед Сварогом поднос, села поодаль, привычно опустившись на колени на циновке, упираясь в пол тонкими обнаженными руками. Улыбнулась:

— Добрый вечер, купец Паколет Карах.

— Невероятно, — сказал Сварог. — Я уже настолько известен здесь, что мое имя достигло ушей первой красавицы жангады?

— А ты что, успел каким-то чудом увидеть всех девушек жангады, что так уверенно говоришь? Может, первая красавица — вовсе и не я, откуда тебе знать?

«Эге-ге, — легкомысленно присвистнул про себя Сварог. — Похоже, кое в чем здешняя жизнь ничем от сухопутной не отличается. По крайней мере, кокетливые улыбки здешних красоток уж точно ничем не уступают канонам сухопутного флирта...»

— А мне и знать не нужно, — сказал Сварог. — Я просто чувствую, что первой красавицей жангады можешь быть только ты, и никто другой.

— А ведь ты наверняка женат, купец Паколет Карах...

— Злобный навет, — сказал Сварог. — Гнусный поклеп. Плюнь в глаза тому, кто тебе рассказал обо мне этукую ложь...

— Вы, мужчины, — обманщики и совратители, — сказала девушка с напускной серьезностью. — Думаешь, на такой простушке из морских бродяг можно с успехом пробовать ваши твердящие штучки? Меня зовут Латейя, купец, я — родная и законная дочь почтенного старшины Корунана, а у нас, если ты не знаешь, есть строгий закон — твердяка, посмевшего оскорблять уши благородной девицы гнусными приставаниями, выбрасывают в море с подрезанными поджилками. Незамедлительно. — Она звонко рассмеялась. — Ну ладно, ладно, я пошутила, а ты уже и обмер...

— Да ничего подобного, — сказал Сварог торопливо.

— Обмер, обмер, я же вижу...

— А кто вас знает? — резонно сказал он. — Мало ли что в голову взбредет...

— Успокойся, поешь лучше. Ничего, если я буду смотреть? Мне нравится, как сильный мужчина ест, долго и много, или, может, тебя это оскорбит? Что я смотрю? У вас, твердяков, такие странные обычаи, я слышала краем уха...

— Брешут, — кратко сообщил Сварог и, не теряя времени, снял с нескольких мисок — фаянсовых, определенно сделанных на суше, — деревянные крышки. Пахло недурственно.

— Во всей жангаде такие миски только у нас, — сказала Латейя, не отводя от него глаз. — У нас очень знатная семья, мои предки в течение бесчисленных поколений были старшинами и даже Кормчими...

— Впечатляет, — с набитым ртом пробормотал Сварог.

Жареная рыба с какими-то специями, ракушки, запеченные в своих круглых домиках, кусок темного мяса, так и оставшийся непонятым, какая-то желтая сладкая масса вроде творога... Он и не заметил, как уплел все, что нашлось на подносе. Выпил половину кувшина непонятной сладко-кислой жидкости, безалкогольной, но приятной на вкус.

Когда он закончил и сполоснул руки в поданной Латейей чашке, она небрежным движением выставила поднос за порог, пояснила:

— Найдется кому убрать... Ты доволен?

— Весьма, — сказал Сварог, поглаживая живот.

Он с удовольствием закурил бы, но о сигаретах, увы, снова придется на какое-то время забыть — кто знает, как отнеслись бы Морские Бродяги к его милой привычке извлекать из воз-

духа табачные изделия и прикуривать от огонька на кончике пальца..

Латейя наблюдала за ним, склонив голову к плечу, вовсе не собираясь уходить. Чтобы поддержать светскую беседу — как-никак здешняя аристократка, потомственная — Сварог спросил:

— Тебе здесь не скучно?

Она пожала круглыми плечами с искренним удивлением:

— Как это мне может быть здесь скучно? Там, где мои предки жили много тысяч лет? Ну ты и скажешь, купец... Только здесь живут настоящие люди... и только здесь они выживут, когда вас, твердяков, снова сожрет какая-нибудь всеобщая напасть... А этого, между прочим, не так уж долго ждать. Есть масса неопровержимых признаков того, что дело снова движется к Великой Катастрофе... Вас всех сметет, а мы выживем. На твоём месте я не спешила бы в Темайр, а устраивала свою жизнь иначе.

— Это как?

— Оставшись там, где только и живут настоящие люди... которые к тому же станут единственными спасшимися.

— Благодарствуйте, красавица, — сказал Сварог. — Не тянет что-то. На суше гораздо интереснее.

— Глупости.

— Ты же там никогда не была.

— Ну и что? — вновь пожала она плечами с нешуточным упрямством в нежном голоске. — Когда за спиной многотысячелетний опыт...

Сварог промолчал. Ну да, разумеется — запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись... Ты ее не переубедишь, и пытаться нечего. Традиции, браток, понимать надо, многотысячелетний опыт — вещь внушительная.

— Я прекрасно знаю, что у вас там масса интересного, — протянула Латейя с непонятной интонацией. — Мы не такие уж дикари, как ты, должно быть, думаешь. У нас, между прочим, достаточно книг. Ты о иных и не слыхивал, если вообще умеешь читать...

— Умею, хотя тебя это, быть может, и удивит, — сказал Сварог. — Купец обычно умеет и читать, и писать, и даже арифметические действия производить в уме, если ты понимаешь, о чем я...

— Понимаю. И тоже умею. Так вот, книги у нас есть. И, кроме этого, мы ведь часто общаемся с твердыками. Они столько рассказывают... Ты прав, у вас и в самом деле масса интересного. Я даже слышала, что у вас там во множестве водятся такие мужчины, которые друг другу в зад вставляют то, что, по моему глубокому убеждению, следует исключительно девушке между ног вставлять...

Сварог внимательно посмотрел на нее. Она слегка улыбалась с совершенно безмятежным и невинным видом.

— Тебе не кажется, что подобные повороты разговора...

Она преспокойно сказала:

— Я просто хочу знать: ты, случаем, не из таких, про кого я только что говорила?

— Вот уж ничего подобного! — чуть ли не рявкнул Сварог.

— Это просто великолепно, купец Паколет Карах, — протянула Латея и одним гибким движением, с тихим шуршанием стянула через голову платье, под которым ничего более не имелось. — Я очень рада, что не пришлось в тебе разочароваться... Ну, что ты сидишь? Неужели тебе надо объяснять, что мужчина должен вытворять с девушкой, которая перед ним решительно разделась?

Она преспокойно вытянулась на циновке, положила руку под голову и улыбнулась Сварогу с таким видом, словно они стояли в большом зале королевского дворца, ведя светскую беседу.

«Ловушка? — лихорадочно промелькнуло у него в голове. — Или именно так у них полагается?»

— А твой батюшка не оторвет мне голову? — спросил он невозмутимо.

— И не подумает. У нас свои обычаи. Слишком долго тебе объяснять, может быть, обойдемся без этого? Могу тебя заверить, я уже знакома с этой штукой, что сейчас буравит тебе портки... Сам убедишься.

— Черт знает что... — сказал он искренне, пребывая в тягостном раздумье.

— Не «черт знает что», а девушка, которая хочет, чтобы ее разложили со всем усердием, — с ангельским выражением лица поправила очаровательная аристократка. — Мне здесь, конечно, не скучно, однако, скажу тебе по секрету, купец Паколет Карах, иногда надоедает видеть одни и те же лица, слышать одни и те же слова. Есть в нашей жизни этот маленький не-

дочет... а впрочем, и его при некоторой настойчивости можно преодолеть, как-никак, кроме нас, на Таларе пока что живут и другие... Ну, сбрасывай быстренько одежду, пока у тебя штаны не лопнули. Говорят, вы, твердяки, такие выдумщики... Постарайся со мной проделать что-нибудь такое, до чего у нас не додумались. Хотя я и на знакомое согласна, лишь бы с должным прилежанием... Ну?

Глава 2

ГЛАВНЫЙ ПЕРСОНАЖ ЦЕРЕМОНИИ

Стоя у плетеного борта, Сварог наблюдал за странными передвижениями, которые выполняли все до единого плоты: искусно маневрируя, они старались образовать круг, с полдюжины уже выстроили дугу, носом к корме, перебрасывали друг другу веревки, соединяя свои немудрящие суда в единое целое.

А впрочем, гораздо интереснее было то, что виднелось вдали, слева, примерно на полудном восходе: там что-то темнело у горизонта, и очертания эти ничуть не изменились за все долгое время, что Сварог проторчал у борта. Темная полоска, словно бы окрашенная сверху зеленым, весьма походила на желанную сушу.

Воровато покосившись на старшину, Сварог притворился, будто вовсе туда и не смотрит, а всецело поглощен маневрами жангады. В душе у него присутствовала некая неловкость — как и подобает хоть самую капельку совестливому мужику, стоящему рядом с дружески расположенным к нему папашей, с чьей доченькой этот мужик провел три ночи подряд... То, что инициатором всякий раз выступала сама доченька, мало что меняет. Все равно чуточку неудобно. Папаня как-никак — и, что характерно, ни в коем случае не будущий тесть...

В общем и целом, Сварог был вполне доволен своей здешней жизнью. Относились к нему с подчеркнутым радушием, работать не заставляли, кормили и поили по высшему разряду, да вдобавок каждый вечер, едва солнце спустится в море, заявлялась очаровательная Латея и отдавалась ему со всем пылом. Сварог откровенно наслаждался неожиданным отдыхом.

Все происходившее, однако, навевало на него некоторую грусть. С первой ночи стало ясно, что красавица доченька добивается дитяти — каковой задачи, вполне возможно, уже и достигла. Однако Сварогу было чуточку не по себе при мысли о том, что его дитя проведет всю сознательную жизнь на этом зыбком плоту, болтаясь по морям в компании этих реликтов. Но что поделать? Приходилось подчиняться.

Скверно было еще, что Латея, что ни ночь, заводила разговор на извечную женскую тему — мол, неплохо было бы в самом скором времени честным пирком да за свадебку... То назойливо страшила грядущей в самом скором времени катастрофой планетарного масштаба, после которой уцелеют одни Морские Бродяги, то недвусмысленно пыталась прельстить прозрачными намеками о нешуточных кладах, которые накопили ее предки и приумножил папенька. К первому Сварог относился не очень серьезно, а второму вполне верил — но в любом случае не собирался гробить свою молодую жизнь так, как от него требовали. Пустил в ход все свое дипломатическое искусство, отговаривался некими традициями своего рода, настойчиво требовавшими жить и умирать исключительно на суше, а в море выходить лишь при неотложной надобности.

До сих пор как-то обходилось, серьезной ссоры ни разу не произошло, всегда оставалась граница, которую Латея не переступала. Выслушав очередную порцию Свароговых отговорок, скорбно вздыхала и недвусмысленно прилаживалась под бочок.

— Инбер Колбт, — сказал вдруг старшина.

— Что? — встрепнулся Сварог.

— Вон там, — старшина показал на темно-зеленую полосу суши. — Полуночная оконечность.

— Мы туда будем заходить?

— Нет необходимости. Я же говорил, что мы идем прямо к Темайру.

— А вот это все что означает? — Сварог обвел рукой горизонт.

Почти все плоты уже стояли по окружности, лишь два последних завершали маневр. Послышались шаги — это из хижин повалили обитатели плотов, прямо-таки увешанные ожерельями из ракушек и разноцветных кораллов, браслетами, бляхами из покрытой резьбой кости, меховая оторочка на сей раз присутствовала на всех без исключения нарядах, и мужских, и женских, и детских. Походило на то, что близится какой-то серьезный праздник, заставивший всех поголовно наряжаться, насколько возможно.

— Церемония, — сказал старшина. — Древняя церемония, которая тут регулярно происходит с незапамятных времен... Но у нас еще есть время, чтобы серьезно поговорить, купец Паколет Карах. Не так уж много времени, но достаточно, чтобы внести полную ясность. Моя дочь тебе нравится? Допрос, конечно, бессмысленный, у меня есть уши, и я каждую ночь убеждаюсь, что вы отлично поладили... ну, а все же?

— Очаровательная девушка, — сказал Сварог, неуклюже глядя в сторону. — Выше всяких похвал.

— Как женщина она тебе годится, или все же желаешь найти что-то получше?

— Ну, в общем... не вижу смысла что-то еще искать, — осторожно сказал Сварог.

— Она тобой тоже вполне удовлетворена. Кое-какие ваши сухопутные ухватки ей весьма понравились.

— Рад слышать, — сказал Сварог еще осторожнее.

— Ну, так что же ты решишь? Она должна была подробно тебе все изложить — что хочет за тебя замуж, что мы невероятно богаты, что только мы спасемся, когда все погибнут в самом скором времени... У тебя было достаточно времени для раздумий, ты взрослый и неглупый человек, наверняка успел все взвесить... Итак?

Сварог незаметно огляделся. При старшине не было оружия, даже обычного скрамасакса на сей раз не имелось на поясе. Стоящие вокруг разряженные морские бродяги тоже были безоружны. В конце концов, что ему мешает при малейшей опасности прыгнуть за борт и пешком добраться до чернеющего на горизонте острова? Как бы ни обжились бродяги в море, вряд ли умеют дышать под водой так, как он. Не догонят, нет...

Тщательнейшим образом взвешивая слова, будто покупающий алмазы купец, стремящийся не ошибиться ни на грош, Сварог сказал:

— Любезный старшина, я безмерно благодарен вам за спасение и гостеприимство, но у нас тоже есть традиции, которые я не могу нарушать, как бы ни была красива твоя дочь и как бы нам ни было хорошо. Уж ты-то должен понимать, какую силу имеют в жизни людей вековые традиции...

— Нужно понимать так, что ты отказываешься?

— С величайшим сожалением.

— И это твое последнее слово?

От плетеного борта его отделял какой-то шаг. Вокруг все стояли неподвижно, не делая попыток напасть, и в глазах не было враждебности.

— Последнее, — сказал Сварог.

И в следующий же миг на Сварога навалилась нешуточная тяжесть, его сбили с ног во мгновение ока, так что он не успел ничего предпринять, повалили на палубу, лицом вниз, заламывая руки, по запястьям скользнула шершавая, жесткая веревка... Он и опомниться не успел, как лежал теперь уже лицом вверх, связанный с величайшим тщанием. Как ни дергался, ослабить веревки не удалось.

Потом он почувствовал, как поднимается вверх. Оказалось, его успели бросить на широкую доску, прикрепленную шарниром к борту напротив выреза в плетне. Сразу несколько рук придерживали его, чтобы не свалился в воду.

Хватило беглого взгляда по сторонам, чтобы увидеть, на всех плотках поднялись подобные доски со связанными людьми — кое-кто из них ожесточенно извивался, другие пребывали в неподвижности, кое у кого рты заткнуты чем-то вроде кляпов. Над морем повисла тишина.

— Церемония, знаешь ли, — легонько пожав плечами, сказал старшина так непринужденно и буднично, словно они беседовали о пустяках в самой что ни на есть мирной обстановке. — С незапамятных времен в этом месте приносят жертвы, чтобы зло подольше оставалось спящим в глубинах. Только-то и всего. У тебя был выбор, и ты его сделал. О чем теперь толковать?

У него были прозрачные, неподвижные глаза фанатика, выполняющего привычную работу без тени эмоции, но с величайшей убежденностью в собственной правоте. Все ругатель-

ства застряли у Сварога в глотке — не стоит терять лицо, их ничем не прошибешь...

— Откровенно говоря, мне будет тебя не доставать, купец Паколет Карах, — сказала объявившаяся с другой стороны доски очаровательная Латейя, увешанная раковинами и монетами, как новогодняя елка игрушками. — Кое-какие твои штучки были очень приятными и познавательными. Спасибо за ребенка, — она с мечтательной улыбкой погладила себя по животу. — Отец совершенно прав — у тебя был выбор, все от тебя зависело... Прощай.

— Эй, — сказал Сварог. — А если я...

Старшина усмехнулся чуточку брезгливо:

— Оставь. Ты уже не делаешь выбор по собственной воле, а в страхе пытаешься спасти свою шкуру... Недостойный.

Он поднял правую руку, и на плоту засвистали флейты, затянули длинную, тоскливую мелодию.

Сварог видел, как на противоположном плоту доска поднялась вертикально, и связанное тело, отчаянно корчась, соскользнуло с нее, рухнуло в воду, подняв фонтан брызг, тут же исчезло с поверхности. Не все так скверно, подумал он зло, людей швыряют в воду живыми и невредимыми, так что шансов предостаточно. Лишь бы там, на дне, не оказалось...

— Старшина, — сказал Сварог.

— Ну, чего? — самым будничным тоном спросил наклонившийся к нему несостоявшийся тесть.

— Я еще вернусь, попомни мои слова, — сказал Сварог. — И ты о многом пожалеешь...

— Вздор, — сказал старшина без улыбки. — Утопленники никогда не возвращаются. Судя по тому, что ты не мог обойтись без нашей помощи, ты ничего такого не умеешь... Попроси там от нашего имени, чтобы зло подольше дремало в пучине...

Доска поднялась — и Сварог полетел в воду, шумно ударившись о нее брюхом, стал погружаться лицом вниз. Видел краем глаза, что неподалеку, обгоняя его, идет ко дну еще один связанный, корчась, как рыбка на сковородке. А вон еще один, и еще... Пузырьки воздуха тянулись вверх сверкающими цепочками — и вскоре обрывались.

Глубина оказалась небольшой, и он прекрасно рассмотрел дно, заросли морских кустов, брызнувшие в стороны стайки рыб, какую-то огромную, темную массу слева, скелеты меж камней...

Отчаянно барахтаясь, сумел перевернуться на спину — и в полном соответствии с иными присущими ларам свойствами опустился на дно медленно, плавно, лицом вверх. Правда, вся тяжесть тела давила на связанные руки.

Из предосторожности — кто их там знает? — он лежал совершенно неподвижно, преодолевая боль в связанных руках. Еще какое-то время сверху швыряли жертв, вряд ли все они поголовно были подобными Сварогу случайными гостями, скорее всего, сюда попадали и свои за какие-то прегрешения, а то и вовсе без оных...

Чтобы отвлечься от жгучего неудобства в связанных конечностях, он какое-то время прорабатывал мысленно во всех деталях, как пошлет парочку эскадр с приказом отловить именно эту жангаду, а то и все остальные, если окажется, что человеческие жертвоприношения пользуют и они. Никакой крови и виселиц на нок-реях. Будем гуманистами, переселим их на сушу, а там пусть разбивают себе головы о деревья и камни, если охота. Не хватало еще возведенных в стойкую традицию человеческих жертвоприношений, как будто на Таларе и без того мало проблем. Любая религия, если не считать черных культов, с такими штучками борется беспощадно, так что душа будет спокойна. А если эта девчонка и в самом деле окажется беременной, нужно принять меры, чтобы ребенок вырос в надлежащих условиях, совершенно не зная маменьки... Воспитателей хватит — поручить хотя бы Маре, уж она-то не вырастит слюнтяя или растяпу...

Стайка пестрых рыбешек повисла над ним, осторожно приглядываясь. Со всех сторон сползались крабы. Глянув вверх, Сварог с радостью увидел, что круг распался, прямоугольники плотов перестраиваются, вытягиваясь в три цепочки — и они уплывают прочь. Вот уже ни одного не осталось в поле зрения... пора на свободу.

Он принялся извиваться всем телом, действуя руками и ногами так, как учил когда-то Шедарис. Освободиться от веревок — настоящее искусство, не уступающее умению фехтовать или драться на кулачках, всякий Вольный Топор им прекрасно владеет, потому что мало ли что в жизни случается...

Это продолжалось довольно долго, морские бродяги навязали искусных узлов — но, во-первых, они не рассчитывали, что связанная жертва останется в живых надолго и примется

выпутываться, а во-вторых, веревки понемногу намокли и разбухли, что облегчало задачу.

Сначала он освободил ноги. Кое-как поднялся и заковывал к ближайшему камню с острыми гранями, повернувшись спиной, принялся разлохмачивать о них набрякшую веревку. В конце концов освободил и руки. Прочно встал на дне, разминая затекшие мышцы. Рыбы моментально рассыпались, а особенно назойливого краба Сварог почествовал таким пинком, что тот кубарем улетел в расщелину и там исчез.

Итак, он вернулся к исходным условиям. Как в детских играх с кубиком и фишками: «Если выпала единица, вам следует вернуться на старт». Почти что исходные условия: при нем на сей раз нет ни сабли, ни другого оружия, и на дне он оказался босиком, в наряде из рыбьей кожи. Зато совершенно точно известно, в каком направлении ближайшая суша и как она именуется (вряд ли старшина обманывал его) полуночная оконечность Инбер Колбты... лучше бы полуденная, конечно, более обжитая приличными людьми, ну да что поделывать. Главное, до острова всего-то парочка лиг, или немногим больше. Пустяки...

Он посмотрел в сторону. Сузил глаза, покачал головой.

Там лежал на дне, высоко вздымаясь над небольшими камнями, большой военный корабль — внушительный, солидный, нечто вроде крейсера: орудийные башни, решетчатые мачты, локаторы, ракетные установки, высокие надстройки... Лежал, лишь самую малость накренившись на левый офорт и с этого расстояния казался неповрежденным.

Сварог пошел туда, осторожно переступая босыми ногами, чтобы не наткнуться на камень или на краба. Крейсер навис над ним, словно крепостная стена. На правой скуле виднелись большие накладные буквы: Т У Р У Л. Неужели тот самый? Вот так встреча. Турул, насколько Сварог помнил, — какая-то мифологическая птица не из мирных. Значит, известна она была еще до Шторма...

Видимый справа корабль смотрелся совершенно целехонким, ни единой пробоины в подводной части, непонятно, что же отправило его на дно. Сварог обошел его с кормы, и в удивлении остановился.

По левому борту протянулось полдюжины огромных, круглых, геометрически правильных отверстий — аккуратной цепочкой, с равными между ними расстояниями. Диаметр

примерно в десяток ярдов. Нигде не видно вырезанных кусков, зато в дыры можно прекрасно рассмотреть совершенно неповрежденное нутро корабля — исполинские механизмы, железные лестницы, переходы и каюты, крюйт-камеры с аккуратными штабелями снарядов и ракет на решетчатых стеллажах. Что же за невиданное оружие или природный феномен оставил такие вот следы?

Поразмыслив, он направился к одной из дыр. Оттолкнувшись от дна, в несколько гребков оказался внутри, на металлическом лестничном марше. Осмотрелся, прикинул, что к чему — и пошел по лестнице вверх, туда, где, по его предварительным расчетам располагался капитанский мостик.

Туда и взобрался через несколько минут. Целехонькие стекла, наклоненные наружу под углом в сорок пять градусов, пульта с экранами и без, моментально опознанный машинный телеграф... И ни единого скелета.

Заложив руки за спину, он прошелся вдоль пультов, читая редкие надписи — все на понятном ему языке, а то, что непонятно, являет собою, скорее всего, сугубо технические или морские термины, которые Сварог попросту не знал.

Он взял стоявшую в углу саблю в никелированных ножнах, покрытых золочеными узорами. Великолепной работы чеканная рукоятка, увенчанная драконьей головой, золотые накладки эфеса, перламутр и бугристая кожа то ли акулы, то ли ската, травленое лезвие... вот только тупая, парадная. Но все же это было лучше, чем ничего. Сварог, не раздумывая, надел через голову металлическую золоченую перевязь из бляшек с отчеканенными якорями и геральдическими рыбами.

Затем подошел к столу с картами. Часть их валялась на полу. Сварог поднял их все, по-хозяйски уселся в привинченное к полу вращающееся кресло — скорее всего, на место давным-давно сгинувшего самым неведомым, но, несомненно, жутким образом краг-адмирала Делутера, державшего на «Туруле» свой флаг, и принялся вдумчиво изучать карты.

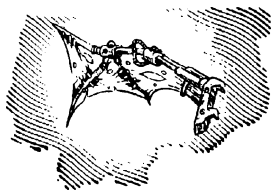
От некоторых не было никакого толку: он попросту не мог в них разобраться. Понимал лишь, что это, судя по окрашенным во все цвета и оттенки синего и голубого извилистым линиям, — карты глубин. Понимать понимал, а вот сориентироваться не мог — ни единой понятной надписи, которую можно привязать к известным ему местностям...

Зато другие не таили особенных загадок — на них Сварог увидел почти то же самое, что и на карте в кабинете начальника базы: очертания прежней суши, бесповоротно изменившейся. Сбросив обратно на пол ненужные карты, он прилежно просматривал те, в которых мог разобраться.

И на одной из них увидел жирную черную точку, отмеченную черной же печатной надписью: «Точка Великого Кракена». Если кое-как привязать ее к нынешнему глобусу, точка должна располагаться где-то в Море Мрака, которого на древних картах и вовсе не обозначено. Значит и Море Мрака своим появлением на свет обязано Шторму...

Вот это уже была настоящая добыча. Ценнее ценного. Неважно, что ни одна живая душа не знала, где покоится Копье Морских Королей и сохранилось ли оно вообще. Главное, он знал место, а это уже немало. Посмотрим, что можно сделать, с народом посоветуемся...

Глава 3

ВОЛНА И БЕРЕГ

Тщательно сложив карту, Сварог спрятал ее за пазуху и поднялся. Здесь было как-то неуютно. Не то чтобы он боялся призраков и тихо плетущихся по коридорам распухших утопленников — просто все вокруг казалось настолько странным, что засиживаться не хотелось. Окажись вокруг явное запустение, полуразрушенные остатки кают и кубриков, было бы, пожалуй, легче. А то уж очень хорошо все сохранилось тысячелетия спустя...

Он вышел на металлическую палубу, осмотрелся и, не увидев ни вдали, ни вблизи никаких морских чудовищ, воспрянул духом. Мысли упорно возвращались к невероятно важному для него вопросу: если далекие предки всерьез собирались воевать с Великим Кракеном, значит, у них было оружие, позволявшее им надеяться на победу?

И это странное ощущение — словно перед глазами пляшут осколки головоломки, которые вполне можно соединить в единое целое, чтобы «загадочная картинка» утратила всякую загадочность, но не хватает одного-единственного движения, и никак не возьмешь в толк, какого именно... Что-то назойливо крутится в голове — ассоциация, намек, аллюзия, аналогия... И не ухватишь, что обидно!

Он пошел напрямик к тому месту, где ровной шеренгой висели на таях белоснежные, зашпиленные брезен-

том шлюпки с аккуратными номерами на бортах. Постучал пальцами по выпуклому борту ближайшей. Судя по звуку, по тому, что не видно отдельных досок, шлюпки изготовлены из какого-то пластика, а значит...

Сварог вынул адмиральский клинок и, действуя им, как рычагом, в нескольких местах порвал шнуровку. Откинул брезент, заглянул внутрь. Ну да, вот и весла аккуратно прикреплены к бортам, вот и компас в белом круглом гнезде, явно отлитом заодно со шлюпкой еще на заводе. Обозначения сторон света и промежуточных румбов, правда, какие-то другие, незнакомые, вполне возможно, что этот компас окажется совершенно бесполезным на нынешнем Таларе, но шлюпка сама по себе вещь нужная...

Он перешел к соседней, долго приглядывался, тянул за тали, трогал блоки, соображая, что тут к чему. В конце концов нашел нужные узлы и не без труда их распутал. Побыстрее ухватился за шнуровку — лодка рванулась вверх, словно воздушный шарик. Свободной рукой распустил последний узел.

Шлюпка, беспорядочно кружась, понеслась к поверхности, увлекая за собой Сварога, и его голова оказалась над волнами. Плавая рядом, он распустил шнуровку, перевалялся в шлюпку, расположился на свободном месте на носу и впервые за несколько дней с наслаждением вдохнул табачный дым.

Лишь выкурив две сигареты подряд, сел на белую пластиковую скамейку — как-то она на морском жаргоне иначе именуется, ну да сейчас не до таких тонкостей — и огляделся. Высвободил из-за белых зажимов парочку весел, после неловкой возни вставил их в уключины и принялся грести в сторону берега.

Как у всякого новичка, получалось у него не ахти — весла то погружались излишне глубоко в воду, то черкали по ней, вздымая брызги. Однако море было спокойным, и Сварог, оглядываясь через плечо, с радостью констатировал, что все же помаленьку приближается к неизвестному острову, так неуклюже, правда, что привел бы в ярость любого боцмана.

Когда до берега оставалось ярдов двести, он бросил весла и старательно присмотрелся. В незнакомом месте никогда не знаешь, с какими прохвостами сведет тебя судьба, так что следует заранее готовиться к худшему...

Однако берег был пуст. Покрытая идилическим желтым песочком узкая полоса, за которой поднимается невысокий скальный откос, а на его вершине — густой лес, сплошное переплетение веток, чего-то вроде лиан, и ни малейших следов человеческого присутствия. Ни корабля, ни шлюпки, ни хижины, ни дымка над кронами.

Сварог вновь взялся за весла — и вот уже шлюпка заскрипела носом по песку. Он моментально выскочил, ухватился за борт и вытащил суденышко на берег, благо оно было весьма легким. Прислушался, сжимая эфес своего почти бесполезного, но единственного оружия.

Тишина, только порой доносится беззаботный птичий щебет. А вот крупных хищников тут определенно нет, они на маленьких островках не водятся.

Задумчиво поглядев на корявое мертвое дерево с голыми сучьями, косо склонившееся над песчаным берегом, Сварог подумал, что житейский опыт, равно как и классические приключенческие романы, диктуют одно, единственно верное решение: нужно найти самую высокую точку острова, вскарабкаться туда и прилежно осмотреться, чтобы внести в свое положение полную ясность. Остров, особенно никому не принадлежащий, — место специфическое. Здесь, в бухточке, тишина и безлюдье, а на противоположном конце, быть может, угольная станция или зашедший для кненгования пиратский корабль. Или какие-нибудь охотники на тюленей.

Он залез в шлюпку и, самую малость пово-звившись, справился с защелками крышки большого белого ящика.

В прошлой жизни он, как классический сухопутчик (ибо воздушный десант к морьям никак не отнесешь при всем старании) испытывал к флотским традиционную неприязнь, идущую с незапамятных времен и существовавшую под всеми широтами, в том числе и здесь. Однако сейчас следовало, по совести, встать в позицию и троекратно провозгласить здравицу военно-морскому флоту сгинувшей пять тысяч лет назад державы, а также провозгласить ему виват...

Из нищего он моментально превратился в обладателя нешуточных сокровищ. Еда, все эти консервные банки, пачки галет и толстые, в два пальца, плитки твердого шоколада, мало его воодушевила — он умел создавать яства и получ-

ше. Но там, кроме неприкосновенного запаса провизии и аптечки, отыскался еще морской бинокль, внушительный револьвер с коробкой патронов, солидных размеров тесак, коробка с рыболовными крючками и леской, пачка аварийных ракет и портативная рация. А также приятно побулькивающая объемистая фляга, в которой, судя по знакомому до слез запаху, содержался он — чистейший спирт. Вот это и называется: не было ни гроша, да вдруг алтын...

Этот клад открывал кое-какие новые, весьма даже неплохие перспективы. Во-первых, он теперь был вооружен не в пример лучше — Сварог для проверки выстрелил в ствол того самого корявого мертвого дерева и убедился, что флотская пушка в полной исправности, пуля глубоко ушла под высохшую кору. Во-вторых, рация. Следует ожидать, что и она в исправности. Судя по результатам беглого осмотра, оснащена и микрофоном, и ключом для здешнего аналога азбуки Морзе. Достаточно выйти в эфир и подольше вести передачу — после известных событий, то бишь обнаружения токеретов, восьмой департамент, да и собственное детище Сварога, девятый стол, круглосуточно прослушивают все диапазоны. Этим, правда, занимается не живой человек, а хитрая электроника, но все равно, дежурного она немедленно известит, поймав сигналы...

Он достал рацию, в два счета убедился, что она исправна, и, благодаря кое-каким своим способностям он знает теперь, как с ней обращаться.

Сварог бережно поставил рацию в сторонке, нажал на кнопку, убрав внутрь корпуса длинный кольчатый прут антенны. Взял футляр с биноклем и развернулся к морю. Выхватил бинокль, небрежно уронив футляр на влажный песок, покрутил колесико...

Не так далеко от острова в море виднелись паруса, принадлежащие не такому уж и маленькому кораблю. Четко различаются три мачты...

Он растерянно покрутил головой. Положеньице, а... То ни единого варианта в запасе, то столько, что выбор будет не таким уж легким...

Так, сразу, и не сообразишь, что выбрать. Вариант с рацией вроде бы безотказный и самый надежный, но потребует времени. А корабль — пусть и неизвестно кому принадлежащий — вот он, на расстоянии лиги с небольшим...

Выпустить ракету? Преподнести спасителям наспех сочиненную легенду про то, как потерпевший кораблекрушение купец, болтаясь по воле волн на обломке мачты, оказался на острове, где и обнаружил этот вот клад древних? Такое случается. Кое-какие из найденных предметов могут послужить неплохой платой за проезд, способной заинтересовать даже капитана большого корабля — бинокль, например... А вот револьвер следует припрятать.

Что же выбрать?

Пока он стоял в нерешительности, глядя, как паруса по-немногу приближаются к острову — судно идет не прямо к нему, но, очень похоже, собирается пройти довольно близко, — что-то изменилось в море, моментально и недобро.

Слева, на горизонте, как-то очень уж быстро вздулось темно-синее, почти черное облако, с невероятной быстротой разбухая, распространяясь. На солнце набежала тень, свистнул в кронах ветер — пронзительно, по-разбойничьи, как-то странно, словно это не природа буйствовала, а испустил оглушительную трель легендарный великан или Свистающий Дракон из страшных сказок Каталанского хребта...

Облако встало над горизонтом и помчалось мимо острова. Везде, где оно пролетало, вода словно вскипала, бурлила, покрывалась хаотическим мельканием волн, из этого бурления вдруг появилось нечто, имевшее чересчур правильные для явления природы очертания, вот уже можно различить крупную чешую, разинутую пасть, змеиные извивы тела...

Сварог в жизни не видывал чудища, промчавшегося в бурлении волн, под грозовым облаком, накрывшим его, словно зонтом. Ни в жизни не видел, ни на картинках. Нечто совершенно незнакомое — чешуйчатое змеиное тело, три пары черных плавников, плоская голова, нимало не похожая на змеиную, окалившаяся загнутыми белоснежными клыками. Белая полоса вдоль хребта, оглушительный клекочущий свист... Оно несло, почти целиком выступая из воды, не двигая плавниками, в свисте и штормовом ветре, в ореоле неведомо откуда бьющих порывов ливня. Такого не могло быть, но Сварог это видел собственными глазами.

Чудище промчалось меж ним и кораблем, оставив широкую полосу медленно успокаивавшейся воды. И скрылось за горизонтом — и оно само, и летевшее над ним черное облако.

Показалась Белая Волна.

Она поднялась на невероятную высоту — белоснежная настолько, что резала глаз, похожая скорее на исполинский кусок сверкающего стекла. Она неслась по морю со скоростью поезда, не меняя очертаний и формы, на ее верхушке трепетали, разлетались огромные клочья столь же белоснежной пены, то ли от нее в самом деле на лиги вокруг распространялся с поразительной быстротой ледяной холод, то ли так показалось...

Вот это уже было явление, знакомое по рассказам моряков, в том числе и заслуживающих доверия. Припомнив свойства, какими ее наделяли иные рассказчики, Сварог метался по берегу, лихорадочно прикидывая, что следует спасать в первую очередь, и как это вообще сделать...

Почти повторяя путь чудовища, Белая Волна все же летела другим курсом — теперь уже не было сомнений, что ее край заденет остров, навалится...

Так и произошло. Сварог ничего не успел предпринять. Его окутало непроглядное облако ледяще холодного тумана, на миг показалось, что мороз проник под кожу, стелется струями по венам и костям, фонтаном врывается под череп, холодя глаза...

И тут же вновь стало светло, как и полагается при ясном солнце на безоблачном небосклоне. Однако изменения оказались поразительными и неприятными...

Сварог не увидел более сухого корявого дерева — исчезло, словно растаяло. Точно так же улетучились и валявшиеся прежде по берегу топляки, и лодка, и все остальное, и даже его собственная одежда, так что он стоял у кромки воды совершенно голым. Лес над головой все так же жизнерадостно зеленел — но в нем появились бреши, наверняка на том месте, где стояли столь же сухие, отжившие свое деревья.

Выходит, из всех, кто в разное время рассказывал ему о Белой Волне, прав оказался тот пузатенький шкипер из равенского кабака, встреченный Сварогом в те времена, когда он с друзьями искал загадочно исчезнувшую из дворца принцессу Делию. Именно он, а все другие — беззастенчивые брехуны...

Все обернулось согласно рассказу шкипера: Белая Волна оставляла в полной неприкосновенности живое, не причиняя ему ни малейшего вреда. Неважно, был это цветущий

куст или корабельная крыса, муха или человек. Исчезали только мертвые вещи. Как с корабликом шкипера на полдень от Дике однажды и произошло — после того, как промчалась Белая Волна, все члены экипажа, совершенно голые, оказались в воде, а вокруг барахтались крысы, жалобно орал, утопая, корабельный кот и, вовсе уж в насмешку, плавали вокруг целехонькие кустики герани, которые держал в каюте капитан, а вот глиняные горшки, понятно, пропали напрочь. Шкиперу тогда несказанно повезло, как и его спутникам — неподалеку проходило другое судно, не задетое Белой Волной, там увидели в подзорную трубу, что стряслось, и немедленно пошли на помощь, спасли всех до одного, даже корабельного кота успел сграбастать за шкуру голый боцман. Вот только крыс, как легко догадаться, никто не стал спасать — парочка особо жизнелюбивых, правда, уцепилась за волосы шкипера, вместе с ним оказалась на палубе корабля-спасителя и моментально юркнула куда-то с глаз долой...

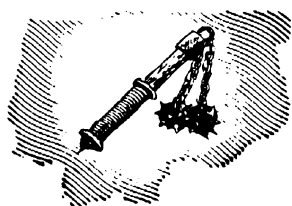
Сварог стоял, растерянно уронив руки. Все произошло так внезапно, Белая Волна ограбила столь качественно, что в первые минуты не было злости — одна растерянность. Только что он был великолепно экипирован, всерьез рассчитывал на скорое спасение — и вдруг оказался лишенным абсолютно всего, перед лицом сплошной неизвестности. Следовало признать, что в свое время он показал изрядное легкомыслие — запасся создающими еду, питье и табачок заклинаниями, но пренебрег теми, что касались одежды. Подсознательно решил, что никогда не окажется на Таларе голым, босым и безоружным. Голодным и мучимым жаждой — вполне возможно. А вот голым, босым и безоружным... Вот до чего доводит человека излишняя самонадеянность...

Он обнаружил вдруг, что держит в руках зажженную сигарету — чисто машинально создал ее и прикурил. Ну, что же делать — затянулся глубоко, выпустил дым, все еще не злой, а растерянный, ошеломленный столь молниеносными жизненными переменами.

И заметил краем глаза некое движение в море. Развернулся в ту сторону, всмотрелся. В голове стоял полный сумбур, он не знал, радоваться ему или пока не поздно припу-

стить в заросли, где его при удаче могут и не отыскать, разве что на ощупь, нюхом...

Давешний трехмачтовый корабль на всех парусах шел к берегу. И за кормой у него развевался хорошо видимый отсюда горротский штандарт — белое полотнище с черным солнцем, пресловутая «клякса».

Глава 4

О ПОЛЬЗЕ ДОБРЫХ ДЕЛ

Кабелотах в трех от линии прибоя корабль повернулся бушпритом так, что протянувшаяся оттуда воображаемая линия почти касалась Сварога. Прекрасно видно было, как на мачтах снуют матросы. Убирали все паруса, с левого борта на воду опустили шлюпку, и она тут же направилась к берегу, опять-таки правя на то место, где стоял Сварог.

Все это могло свидетельствовать об одном — его заметили и твердо решили принять на борт. То ли неизвестные ценители морей настолько гуманны, что без доброго дела и дня прожить не могут, то ли у них имеются другие побуждения — в любом случае, намерения у них твердые.

Но что же делать? Спрятаться в чашобу? А вдруг их доброта — или иные мотивы — настолько уж тверды, что они не успокоятся, пока не обшарят остров? Их на таком корабле — изрядное количество, как ни отводи глаза, а риск быть в конце концов обнаруженным остается.

Похоже, от судьбы не уйдешь. Нужно дожидаться спасителей, положившись на прежнее везение. При всем своем невежестве в той или иной морской специфике Сварог кое в чем все же разбирался — и по долгу короля, и по опыту совершившего несколько плаваний путешественника. Он не представлял, какой именно перед ним корабль — бригантина, шхуна или фрегат, — но, пока судно поворачивало,

успел рассмотреть, что у него две пушечных палубы, а это уже серьезно. Или военные, или рыцари удачи — флаг той или иной державы на солидно вооруженном корабле еще не означает автоматически, что оный украшает собою реестры военно-морского флота.

Собственно, отчего его так пугает «клякса»? В том, что корабль принадлежит Горроту, есть не только минусы, но и плюсы. Где-где, а уж в Горроте по причине враждебных с ним отношений немногие знают Сварога в лицо. Уж там-то нет ни одного его портрета, бюста или иного изображения, тех горротцев, что видели его достаточно долгое время на достаточно близком расстоянии, можно, пожалуй, пересчитать по пальцам. Так что рано паниковать и предаваться унынию, смотришь, и обойдется...

Названия корабля он еще не успел рассмотреть, но это уже были несущественные детали... Глядя, как приближается шестивесельная шлюпка, Сварог постарался придать себе самый независимый и равнодушный вид, на какой только способен абсолютно голый человек, стоящий на морском берегу. Разве что крестик... Белая Волна его не тронула, а теперь снимать уже поздно, ну да никто тут не поймет, что это означает...

Шлюпка закрипела носом по мокрому песку. Гребцы бросили весла, и на землю прыгнул здоровенный субъект в высоких сапогах, черных штанах и синем распахнутом камзоле, напыленном прямо на голое тело, на могучей груди у него красовалась роскошная и искусная татуировка: два осьминога, зеленый и красный, азартно резались в кости, а в сторонке — синяя русалка со столь жеманно-блудливым видом, что сразу становилось ясно, какие тут ставки на кону. За поясом у верзилы торчала абордажная сабля и целый набор пистолетов.

Сварог моментально отметил, что гребцы одеты примерно так же — как кому в голову взбрело, ничего похожего на форму, у некоторых серьги в ушах, у одного на шее массивное золотое ожерелье, явно женское, а браслеты другого, ругаться можно, сделаны из варварски разломанного дворянского золотого пояса, да вдобавок на голове у одного вместо шляпы — берет Сословия Совы с упомянутой серебряной птицей, символом ученой мудрости (хотя при взгляде на

рожу обладателя берета возникали серьезные сомнения, умеет ли он вообще читать хотя бы по-печатному).

Сварог моментально приободрился. Дело оборачивалось не самой скверной стороной, это не военный корабль, голову можно прозакладывать. Ни один капитан военно-морского флота, о какой бы державе ни шла речь, не потерпит на борту скопище таких разбойников, одетых и вооруженных вопреки веем строгим регламентам. Точно, пираты на горротской службе... или попросту пираты, вывесившие флаг, на который не имеют никакого права. Широко распространенная привычка, как с ней ни борются законные обладатели того или иного штандарта. Правда, Сварог еще не слышал, чтобы какой-нибудь нахал осмелился самочинно вывесить за кормой хелльстадский флаг, но и это, надо полагать, не за горами...

Вразвалочку подойдя к нему и остановившись в двух шагах, верзила по имени Бунак жизнерадостно расхохотался:

— Здорово вас, дяденька, ободрала беляночка... Видок такой, что хоть в «скамейку» играй... — и прищурился испытующе.

Это было пока что не прямое оскорбление — просто-напросто незатейливая проверка на предмет того, знаком ли неизвестный с нравами и жаргоном «теневого стороны» жизни.

После нескольких дней, проведенных в обществе Бангала и его приближенных, Сварог знал иные тонкости не хуже заправского каторжанина или посевшего на службе сыскаря.

— С полным нашим удовольствием, — сказал он, — но только ежели первым столяром со своим рубанком...

Достойный был ответ, означавший, что в «тарабарской музыке» Сварог не новичок, и вообще, где на него сядешь, там и слезешь. Судя по глазам верзилы, он эти нюансы оценил соответствующим образом, но зацокал языком:

— Извиняюсь, дяденька, обознатушки... Сами столярами, без подмоги моем ноги... А только уж, не взыщите, белаху вас и в самом деле чистехонько ободрала... Обхождение знаете, а вот росписи нет ни единой... из «тертых болтаев» будете, а?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Купец я, уважаемый, из Пограничья. Мы в жизни всякого навидались и нахватались, чего уж там...

— Понятно. А чего тут в одиночку делаете?

— Плыл на корабле с товарами, — сказал Сварог. — Корабль был не мой, я еще на свой не заработал. Шторм. Шлюпка. Выбросило сюда. Дней десять болтался, доел все, что было, хотел за сапоги приниматься, так теперь и сапог нету...

— Ну, придумаем чего-нибудь, — сказал верзила. — Спасибо скажите, что мы вас заметили еще до того, как прошла белуха, а еще допрежь нее просквозил Морской Бегун, чтоб ему утонуть в неглубоком месте, твари бессмысленной... Не годится же бросать живую душу в столь печальном положении, вдруг вы нам да и пригодитесь, мы ребята незатейливые, плаваем себе, куда ветер несет, собираем грошик к грошику... Меня, например, зовут Бунак, я на нашей посудине палубным мастером... Растолковать?

— Не нужно, — сказал Сварог, глядя на него с некоторым уважением.

«Палубным мастером» на пиратском — пираты, никаких сомнений! — корабле именуется начальник abordажной команды. Отнюдь не самая спокойная и безопасная должность, трусам, недотепам и тугодумам на ней делать нечего...

Бунак повернулся к одному из своих, щелкнул пальцами:

— Одолжи-ка попавшему в беду свою шмотку, вы с ним вроде одного сложения... — перебросил Сварогу зеленый кафтан с потускневшими серебряными позументами. — Прикройтесь уж, а то у нас баба на борту, чтоб ее...

«Баба на борту?!» — не на шутку удивился Сварог. Вещь для вооруженного корабля неслыханная. Бывают, конечно, пленницы, захваченные выкупа ради или более легкомысленных целей, но отчего же физиономия у палубного мастера на миг стала такой, словно он одним махом разжевал ядреный лимон? Положительно, что-то за этим крылось...

— Ага, вот именно, — грустно сказал Бунак, заметив его удивление.

— Получилось так... А кафтанчик-то на вас и впрямь хорошо сидит, даже по шву нигде не треснул... Совсем другой облик внешнего вида. Разрешите поинтересоваться вашим честным имечком?

Решив не напрягать мозги, Сварог преспокойно бухнул:

— Робинзон Пузо.

— Имена у вас, в Пограничье... — хмыкнул Бунак совершенно спокойно, как и подобает человеку, не знакомому с литературной сокровищницей планеты Земля. — Ну да мы ж их не сами выбираем, родители подсуропливают, иногда вовсе даже не подумавши... Пузо — это, стало быть, не прозвище, а фамилия такое?

— Ага, — сказал Сварог. — Прапрапрадедушка мой, по семейным легендам, славился необъятным чревом, вот незаметно у его потомков это в фамилию и превратилось, так во все бумаги и внесена...

— Ну, что делать. Бывают примерчики и похуже... Садитесь, дражайший Робинзон, пожалуйста в гости, мы ребята незлобивые, а помогать человеку в вашем положении — дело святое... Эгей, навались!

Гребцы приналегли на весла, и шлюпка понеслась к кораблю, на котором начинали распускать паруса. Стоя рядом с Бунаком на носу, Сварог напряженно ждал, когда покажется название — как будто это что-то решало в его положении и хоть что-то могло изменить...

«Клякса», подхваченная ветерком, развевалась во всей красе. Это зрелище не прибавило Сварогу хорошего настроения. Этому флагу он с превеликим удовольствием отыскал бы иное, более непотребное применение, нежели гордо развеваться на свежем ветерке. Шлюпка обогнула корабль с правого борта...

Побуждаемый здоровой подозрительностью, он произнес заклинание, чтобы знать, с чем имеет дело — мало ли какие сюрпризы возможны, мало ли какие морские гнусности могут появиться не только ночью или в рассветных сумерках, но и белым днем...

Корабль остался прежним, это был не мираж, не видение, не иллюзия, созданная легендарной Серой Каракатицей, еще одним крайне отрицательным персонажем фольклора, якобы создававшей детальнейшие образы кораблей с моряками на борту, а потом лопавшей неосторожных жертв кораблекрушения, усевшихся ей на спину в твердой убежденности, что пребывают на борту спасшего их судна...

Корабль был самым обычным — а вот остальное... Действительность превосходила худшие ожидания. Вокруг трехмачтового парусника с двумя пушечными палубами высоко поднимался черный ореол. Самые разнообразные формы и

очертания — словно полосы черного полярного сияния переливаются всеми оттенками вокруг верхушек мачт, словно исполинские, причудливые, черные снежинки висят, касаясь нок-реев, словно фестончатые, замысловатые карнавальные гирлянды протянулись меж мачтами (только все они чернее ночи), а палуба укутана облаком серой мглы... Сварог выглядел нечто подобное — но не в таких масштабах. Зла и черной магии было хоть отбавляй, хоть ковшом черпай, корабль им прямо-таки пропитан. Его спутники, сидевшие в шлюпке, правда, оказались самыми обычными людьми, никакого отношения не имевшими к мраку. Но сам корабль... Куда это его занесло?

Он торопливо напялил панцирь, это он уже умел. Теперь любой, кому вздумалось бы его прощупать посредством методов, не имеющих никакого отношения к обычным пяти человеческим чувствам, видел бы перед собой среднего жителя Талара, ничем особенным не отличавшегося, никакими магическими способностями не владевшего, недалеким и говорившим чистую правду без малейшей примеси лжи.

Потом он увидел начищенные медные буквы, прикрепленные под утлегарем. И с неслышимым миру вздохом понял, что его положение становится совершенно непонятным, все запутано так, что даже не стоит строить какие-то догадки.

Он хорошо знал это название: «Призрак удачи». Корабль знаменитого Джагеддина, аристократа среди рыцарей удачи, принадлежавшего к первой дюжине. И даже более того — он сам лично спас в свое время Джагеддина в Готаре, когда тамошний барон собирался спалить того на костре в компании какой-то молодой красотки. Помнится, Джагеддин считал себя в неоплатном долгу перед Сварогом, но с тех пор много воды утекло, о Джагеддине кружили самые нехорошие слухи, начиная с горротской кляксы, под которой капитан «Призрака удачи» с некоторых пор плавал, и кончая иными знакомствами Джагеддина, при одном упоминании о коих плевались самые небрезгливые.

Что хуже всего, Джагеддин прекрасно знал имя спасителя — лорд Сварог, граф Гэйр. И наверняка знал, не мог не знать, кем стал в последний год означенный милорд и граф, сколько корон собрал на геральдический королевский скипетр.

Узнает или не узнает? Менять лицо теперь невозможно — эти, в шлюпке, видели его в натуральном обличье, что они скажут и сделают, когда спасенный у них на глазах приобретет совершенно иную внешность? То-то. Что называется, попала собака в колесо — пищи, да беги...

Старательно сохраняя на лице не просто безмятежность, а неприкрытую радость — спасен, спасен добрыми самаритянами! — Сварог проворно взобрался вслед за Бунаком на борт. Следом шустро карабкались остальные. В какой-то миг Сварогом владело неутолимое желание начать все сначала — разжать руки, прыгнуть в море и камнем пойти ко дну. Даже если начнут вылавливать, ничего у них не получится — вряд ли у них есть сети, а если и отыщется парочка неводов, он к тому времени уже окажется далеко. Лучше уж болтаться по дну морскому голым и босым, чем плыть на этом корабле...

Но после краткого размышления он отбросил эту идею. Корабль, если не смотреть на него особым взглядом, выглядел вполне уютно в качестве временного пристанища. Черный ореол зла — это, конечно, плохо, но, в конце концов, здесь обитают не легендарные титаны, а, если можно так выразиться, среднестатистические черные маги. Сварог сталкивался кое с чем похуже и бывал в местах поопаснее. За борт прыгнуть никогда не поздно...

Человек двадцать, одетые столь же живописно, как экипаж шлюпки, с любопытством пялились на Сварога. Кое-кто хихикал при виде столь экстравагантно одетого спасенного, но лица у них были не такие уж веселые, словно бы сумрачные.

Они поспешно расступились перед человеком, которого Сварог узнал мгновенно. Высокий, темноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой, в синем кафтане, богато вышитом золотом. Сварог помнил и этот меч в роскошной оправе, и ожерелье с синими самоцветами.

Он ничего не успел сказать — палубный мастер шагнул вперед и торопливо сообщил:

— Извольте жаловать, капитан, — торговый человек по имени Робинзон Пузо, из Пограничья. Рад-радешенек, по лицу видно...

Сварог неловко поклонился, видя, как Джагеддин слегка приподнял бровь. Судя по этому жесту, по взгляду, капитан

его тоже узнал, так что не стоило выставлять себя на посмешище, вслух представляясь вымышленным именем.

— Я вам несказанно благодарен, капитан, — сказал Сварог, старательно избегая встречаться взглядом с Джагеддином. — Положение мое было самое унылое, и, если бы не вы...

— Ну что вы, не стоит благодарностей, — сказал Джагеддин с самым непроницаемым видом. — Святое дело. Сначала ты делаешь кому-то добро, потом твое доброе дело к тебе же возвращается... — Он чуть повернул голову: — Половник!

Вперед протолкался лысый коротышка с голым брюхом, настолько пропитанный шибавшими на добрый ярд вкусными кухонными ароматами, что просто обязан был оказаться корабельным кухарем. Вон у него и пояс, увешанный ножами, длинными разнокалиберными вилками и прочими инструментами производства...

— Проводи гостя в каюту, — распорядился Джагеддин. — Принеси поесть-попить, одежду подбери... Отдохните, любезный Робинзон, от всех треволнений, почувствуйте себя, как дома...

Кухарь отступил, сделав рукой приглашающий жест. Сварог, еще раз поклонившись капитану, направился за ним.

И почувствовал, как его виски словно бы гладят невидимые метелочки из перьев, вызывая не просто щекотку, а еще и неприятное, давящее ощущение. Стараясь делать это незаметно, попытался высмотреть источник неприятностей, взглянуть, кто это его изучает по всем колдовским правилам.

Долго стараться не пришлось, достаточно было взглянуть искоса на капитанский мостик. Там, небрежно и грациозно опершись на перила балюстрады, стояла молодая женщина в мужской одежде, с распущенными волосами, с абордажной саблей на поясе. Неизвестно, узнала ли она Сварога (по крайней мере, его защиту не преодолела), зато Сварог ее сразу узнал — та самая красotka в домотканом платье, которую он спас в Готаре заодно с Джагеддином. Тогда он еще не был обучен некоторым полезным премудростям, но вот теперь моментально определил, с кем имеет дело.

Ведьма. Самая натуральная, патентованная, если можно так выразиться. Знать бы раньше...

Он уже прекрасно знал, чем отличается колдовство от ведьмачества — спасибо старухе Грельфи, просветила в два

счета с помощью драгунских словесных оборотов и насквозь вульгарных, но удивительно метких и образных сравнений...

Между колдуном и ведьмой такая же разница, как между развратником и извращенцем. Развратник вовсе не обязательно плох, зато растлитель малолетних или насильник исполнен скверны по сути своей и сути своих поступков. Примерно так говорила старуха. Колдунья вовсе не обязательно служит злу (хотя порой, что греха таить, ходит в опасной близости и может запачкаться), но вот ведьма изначально получает все свои способности от сил зла и служит исключительно им. Что же, это и есть разгадка черного ореола вокруг «Призрака удачи»? Или все гораздо сложнее и хуже? Кто бы знал... Кто бы знал тогда! Вероятнее всего, эта красотка с самого начала была ведьмой, а не стала ею за то время, что они со Сварогом не виделись. Получается, что покойный барон Готар однажды едва не совершил все же доброе и богоугодное дело, пытаясь сжечь ведьму, быть может, единственное доброе и богоугодное дело в своей неприглядной жизни — и помешал ему не кто иной, как Сварог, совершенно не разбиравшийся в таларских сложностях...

Узнала или нет? Непонятно... Нет, но каково: баба на корабле невозбранно разгуливает по капитанскому мостику... Небывалое зрелище, нарушающее все традиции. Как же должен был размякнуть Джагеддин, чтобы... Спеленала, а? Опутала? То-то лица моряков вовсе не лучатся безмятежным весельем. У многих должны блуждать в голове самые унылые мысли: вряд ли у ведьмы хватит умения подчинить себе всех, силенки не те...

Кухарь провел его в небольшую, но опрятную каюту на корме — и с ходу развил бурную деятельность. Убежал и вскоре вернулся с охапкой разнообразной одежды, чистой и новой. Тут было и дворянское платье, и одежда, подходящая для Сословий, и морские камзолы. По своей врожденной деликатности Сварог не стал уточнять, откуда на корабле это великолепие, подходившее бы скорее богатой лавке. Выбрал себе наряд, по его мнению, вполне подходивший не особенно богатому купцу из Пограничья. Этот маскарад, учитывая, что Джагеддин его сразу узнал, выглядел чуточку наивно, но лучше уж придерживаться однажды выбранной линии... Унеся то, что не пригодилось, кухарь прибежал с подносом, ломившимся от горшков, тарелок и накрытых крышками

мисок, — снова самых разнокалиберных, от простецких оловянных до серебряных украшенных искусной чеканкой, а то и самоцветами. Опустил его на стол, ловко подsunул столовый прибор, салфетки и деликатно исчез на то время, что потребовалось гостю, чтобы справиться со всем этим великолепием.

Когда он унес пустую посуду — и уже не вернулся — Сварог стал прикидывать, можно ли раздобыть здесь хоть какое-то оружие, но не придумал ничего толкового.

А потом в дверь постучали, и вошел Джагеддин. Скрестив руки на груди, постоял у порога, глядя на Сварога внимательно и загадочно, тщательно прикрыл за собой дверь, опустился на стул, привинченный к полу, как всякая корабельная мебель. Опустил глаза словно бы в задумчивости. И решительно сказал:

— Я очень рад вас видеть, лорд Сварог... или к вам теперь следует обращаться непременно «король»?

— К чему эти церемонии между старыми знакомыми? — усмехнулся Сварог чутью напряженно. — Вы меня узнали сразу, я понял...

Джагеддин блеснул великолепными зубами:

— Как же я мог не узнать человека, спасшего мне жизнь? Я ведь говорил тогда, что в неоплатном долгу перед вами... Конечно, я представления не имел, кого спасаю, но теперь... Знаете, лорд Сварог, мне отчего-то представляется, что вы ждете подвоха, сразу видно, как скованно вы держитесь... Не обижайте меня, право. Добро я помню... как и зло. Вы здесь — мой гость и друг, вы в полнейшей безопасности. Быть может, вас насторожил флаг за кормой? Скорее всего...

— Не буду отрицать, — сказал Сварог.

Капитан горделиво выпрямился:

— Я не слуга, друг мой. Никогда не был ничьим слугой — и не собираюсь изменять своим привычкам. То, что я вступил в определенные отношения с горротцами, еще не значит, что я обязан жить их нуждами и разделять какие бы то ни было их взгляды и убеждения. Ваши с ними отношения — это дело исключительно их и ваше, я в это вмешиваться не намерен. Здесь вы, повторяю, — мой гость и друг. Ни единого горротца на борту нет, так что вы можете отбросить всякие тревоги. Я на вас не обижаюсь за минутное недоверие, просквозившее в вашем взоре, — что поделать, вы

уже давненько ходите в королях, а у королей свои правила мышления, коих простым смертным не понять и не разделить... Мне просто-напросто хотелось бы, чтобы вы чувствовали себя в полной безопасности, среди друзей, чтобы были гостем человека, обязанного вам жизнью... и весь горротский флот не заставит меня поступить как-то иначе.

Сварог видел, что капитан говорит совершеннейшую правду. Но в то же время присутствовало что-то еще, чего Сварог не мог был понять и определить, с чем же все-таки имеет дело. В каюте прямо-таки физически присутствовало это непонятное нечто. словно бы Джагеддин в чем-то был иным, не прежним. словно в нем поселилось что-то, чего прежде не было.

Не стоило долго ломать голову над сущностью перемен — Сварог так и не определил, с чем столкнулся, но не сомневался, откуда это взялось. Ему приходилось слышать от иных своих соратников, знающих в этом толк, про людей, подмятых ведьмами. Так далеко вроде бы не зашло, но это был уже не прежний Джагеддин. Сварог подумал сердито и тоскливо: я же собственными руками резал на ней веревки, руку подавал, помогая сойти с пленницы... Но кто же знал тогда?

— Вам, конечно же, следует отдохнуть, — сказал Джагеддин. — Я не спрашиваю, куда выплыли, и как получилось, что вы оказались в столь печальном положении. Если захотите, сами расскажете потом. Отдыхайте, а вечером я устрою ужин. Марута тоже наверняка захочет вас поблагодарить... Вы ее видели?

— Да.

— И узнали?

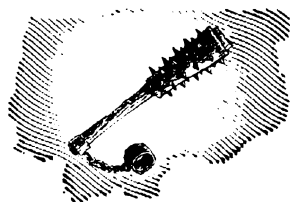
Сварог кивнул, притворяясь адски усталым. Лицо Джагеддина озарилось ясной улыбкой:

— Получается так, что я должен поблагодарить вас дважды. И за спасение жизни, и за то, что вашими трудами я обрел совершенно потрясающую спутницу жизни. Я не мальчишка, многое повидал, но Марута... Если бы вы знали, как я вам благодарен, лорд Сварог. Но вы совсем спите, я вижу? — он поднялся. — Отдыхайте, вы среди друзей...

«Вот именно, моими трудами, — уныло подумал Сварог, глядя на закрывшуюся дверь. — И ведь она, без сомнения, тоже знает, кто я такой... а если забыла, узнает через пару минут от капитана».

И что ей придет в голову – покрыто мраком неизвестности. Вообще-то ведьмы, по слухам, тоже способны испытывать искреннюю благодарность за нешуточные услуги, но если вспомнить, что она и Сварог идут по жизни под разными знаменами, прочно заняли места во враждующих лагерях... Если вспомнить черный ореол, стоящий вокруг корабля и вряд ли обязанный своим существованием одной лишь ведьме из захолустья... Холодок пробирает.

И никакого оружия под рукой, что печально...

Глава 5

ГОРОД БЕЗ ТЕНЕЙ

Понемногу он и в самом деле задремал под размеренный скрип рангоута, покачивание корабля на спокойной воде и заунывную матросскую песенку, долетавшую с палубы. Трудно сказать, что ему снилось, — так, смутные образы, лишенные тревоги или угрозы и потому спокойно проплывавшие, словно белые облака, нисколько не задерживаясь в сознании.

Потом что-то изменилось, и он осторожно открыл глаза, вмиг привязал себя к реальности! Разве что чисто машинально пошарил рукой вокруг в поисках оружия, но тут же сообразил, где он и в каком окружении, отлетели последние сонные наваждения.

В каюте стоял полумрак, должно быть, солнце уже село. Сварог быстро понял, что его разбудило, так бывает в поезде — сколько лет он уже не ездил в нормальном поезде? — когда уютно разоспавшийся под перестук колес человек вдруг подхватывается из-за того, что поезд стоит.

Так, судя по всему, обстояло и сейчас. Корабль, сдается, не лег в дрейф, а стоял на якоре неизвестно где. Прошлепав босыми ногами к окну, Сварог не разглядел ничего, способного внести ясность: вечернее море укутано туманом, уже в нескольких шагах от борта вставшим непроницаемой пеленой, но все же можно рассмотреть, что серые спокойные волны плещут в обшивку так, словно, касаются совершенно неподвижного

предмета. Ни следа поднятой форштевнем пенной борозды. И не видно берега — то ли корабль встал на якорь достаточно далеко от суши, то ли обращен к ней другим бортом, не тем, на который выходило окно каюты Сварога.

На корабле стояла тишина — следовательно, все вокруг спокойно. Воровато оглянувшись на дверь, Сварог уже привычно, имея некоторый опыт, откинул оба крепивших створку бараashка и поднял окно вверх. В каюту потянулась прохладная сырость. Он закурил, с наслаждением затянулся и выпустил дым наружу, по-прежнему косясь на дверь, словно второгодник в школьном туалете. Знать бы, что за место, где корабль бросил якорь, — честное слово, не боясь показаться трусом, преспокойно вылез бы в окно, прыгнув в воду и уплыл к берегу: если только здесь и в самом деле какой-то остров, это никак не горотские владения, до них «Призрак удачи» просто не успел бы доплыть за эти несколько часов. Инбер Колбта? Скорее всего. Что ж, подождем, когда появится ясность — а потом, чем черт не шутит, при благоприятном раскладе и в самом деле стоит уйти по-английски...

В дверь легонько постучали, скорее поцарапались, и, прежде чем Сварог успел отозваться, она распахнулась, кто-то уверенно нажал на ручку. Показалось пятно яркого света — большая карбамильская лампа, озарившая очаровательное женское лицо, казавшееся, как водится, загадочным и таинственным. Так всегда бывает при подобном освещении. Даже дурнушка предстает гораздо более симпатичной, чем при дневном свете. А уж Сварогова «крестница», спасенная им, по недомыслию, от костра...

Она уже тогда, в Готаре, была красива, но за те годы, что они не виделись, здорово изменилась к лучшему. В Готаре была смазливенькая перепутанная девчонка в домотканом, простушка, чуть ли не с пресловутыми клоками соломы в волосах, а сейчас перед ним стояла расцветшая, уверенная в себе молодая женщина, знавшая толк в последних достижениях здешней косметики. Остается ломать голову: кто на пиратском корабле мог соорудить ей искусную прическу с падавшими на плечи завитыми темными локонами? На ведьмовское искусство такое не спишешь, что-то он не слыхивал ни о ведьмах, ни о колдуньях, умевших самостоятельно, силой чар или заклинаний сделать себе подобное чудо парикмахерского искусства. Тогда, на палубе, он слишком устал и вымотался, чтобы задумываться

над такими деталями — а сейчас был отдохнувшим и свежим, моментально подмечал те детали окружающего, что вызывали вопросы или недоуменные раздумья...

Она непринужденно вошла в каюту, поставила лампу на стол и опустилась на привинченный к полу стул. Положила ногу на ногу, покачивая носком сапога. Сварог выжидательно на нее поглядывал. Наряжена, словно паж в классической пьесе: черные бархатные штаны в обтяжку, мужская рубашка с пышными рукавами, сапоги из тончайшей кожи, кинжал на поясе. Тогда, на палубе, она выглядела гораздо более буднично — и портки так не обтягивали, и рубашка была поглубже, разве что на шее висело то же самое ожерелье, богатое, бесценное, сушая россыпь алмазов и сапфиров. Оно тоже никак не могло оказаться плодом ведьмовского умения — либо иллюзия, на это ведьмы как раз мастерицы, либо подарок капитана, что вероятнее, к чему любовнице предводителя пиратов украшать себя иллюзиями, когда есть возможность прибарахлиться натуральными драгоценностями?

— Вы меня узнаете? — спросила она, улыбаясь самым что ни на есть завлекательным образом.

— Иногда люди не любят, когда им напоминают, что видели их в крайне стесненных жизненных обстоятельствах... — сказал Сварог дипломатично.

— Не тот случай, — сказала она решительно. — Я-то прекрасно помню, как вы меня спасли от костра...

— Я тоже, — кивнул Сварог. — Правда, вы с тех пор настолько похорошели, что узнать мудрено...

Ее смех звучал, как серебристый колокольчик. Банальный штамп, затасканный поэтами оборот, но что поделать, если именно такое ощущение осталось?

— Вы чересчур снисходительны к простой девчонке из захолустья, ваше королевское величество...

«Ну вот, началось, — подумал Сварог. — Джагеддин проболтался, или она сама достаточно умна, чтобы следить за перипетиями таларской политики?»

— А вы меня, часом, ни с кем не путаете? — спросил он с беззаботной улыбкой, позволявшей обратить все в шутку или в легкий флирт.

— Ну что вы! Разве можно с кем-то перепутать столь прославленного короля?

— Помилуйте, какое там, — сказал он. — Так, шумные пересуды записных сплетников вокруг моей скромной особы, и не более того... Я вижу, у вас-то все в порядке? Выглядите веселой, благополучной и довольной жизнью?

— Вашими трудами. Если бы вы меня тогда не освободили...

«То жил бы припеваючи, — мысленно продолжил Сварог. — Не ломал бы сейчас голову, чего от нее ждать, и как эта встреча может обернуться... тьфу ты, самое время...»

Он мысленно произнес несколько слов. Хотел посмотреть на обратную сторону этой непринужденной беседы.

Таковая имелась, а как же. Каюта была заполнена завитками серого дыма, свивавшимися в самые причудливые фигуры, и эти невесомые струи колыхались не просто так, а словно бы подчиняясь некой управляющей силе. Сплетались вокруг Сварога, неощутимо его касаясь, целеустремленно обвивали, будто щупальца, сливались в причудливые фигуры, гораздо более стойкие, чем клубы простого дыма... поймав себя на том, что повернул голову, следя за перемещениями парочки особо заковыристых орнаментов, Сварог спохватился и отключил соответствующее умение. Не стоит показывать противнику, что видишь его приемчики. Она явно пыталась на него что-то напустить — знать бы еще в точности, что именно. Увы, настолько его скудные способности не простирались, да и не способности это, строго говоря — так, подручный набор примитивных инструментов «мелкое небесное шуткарство», как выражалась однажды Грельфи, весьма даже критически относившаяся к тому, что за облаками пышно именовали магией...

— Мне показалось вдруг, вы меня боитесь... — нежнейшим голоском произнесла «крестница».

— Вот еще, с чего вы взяли? — пожал плечами Сварог.

— Просто показалось... Бросьте! Вам, должно быть, кто-то уже насплетничал кое-что обо мне? Эти неотесанные мореходы... Или вы что-то такое и сами видите?

— О чем вы? — спросил он спокойно.

— Ну, если не хотите поднимать эту тему, извольте... Ваши желания для меня — закон. Я ведь перед вами в неоплатном долгу, если вы соизволили забыть по благородству своему и великодушию...

«Что она вытворяет? — подумал Сварог. — Жаль, не определить. Ну и пусть себе старается, не действует на меня черная

магия, хоть ты тресни, не причинишь мне вреда... Хоть до рассвета упекай свои дымы, словно бы пронизанные черными искрами...»

— Вы, наверное, никогда не знали моего имени? — спросила красавица, улыбаясь загадочно, без тени пресловутого ведьминово коварства. — Меня зовут Марута, ваше величество. Отчего-то показалось вдруг, что вам одиноко и скучно, и я пришла вас развлечь. Джагеддин отправился на берег и будет нескоро...

— Что это за место? Инбер Колбта?

— Почти, — сказала Марута небрежно. — Почти что Инбер Колбта...

Сварог лихорадочно прислушивался к себе — нет, никаких новых, неприятных, необычных ощущений... разве что чуть странная расслабленность, умиротворенность, ему по всем правилам полагается сейчас напрячься в недоверии и тревоге, а он словно бы переполнен блаженством...

— А я могу сойти на берег? — спросил он, борясь с этой совершенно ненужной сейчас расслабленностью, насколько получалось.

— А зачем? — молодая женщина подняла брови в ленивом изумлении. — Что вам там делать, на этом скучном острове? Дел у вас там не может оказаться никаких, а тамошние развлечения, как во всех захолустных портах, примитивны и недостойны короля...

Сварогу показалось, что он не видит ее глаз, что вместо них — бездонные туманные пропасти. Все происходящее ему крайне не нравилось, но он сидел на прежнем месте, не в силах придумать, что же ему следует сделать решительного.

Она продолжала медленно, напевно, с таинственной улыбкой:

— Можете быть уверены, ваше величество, — вам и самому не захочется никуда идти за примитивными развлечениями, вам ведь уже не хочется...

«Взять ее без церемоний за шкурку и выкинуть из каюты, — сердито подумал Сварог, барахтаясь неподвижно в этом непонятном блаженстве, отдохновении тела и души. — Вот взять и выкинуть...»

Он не двинулся с места. Он не мог пошевелиться, но это отчего-то нисколько не пугало. Помимо его собственных усилий те самые дымные струи, пронизанные словно бы мерцани-

ем черных искорок, на несколько мгновений явственно проступили в каюте, окутав его неспешным скольжением сплетенных из тумана узоров. «Плохо дело», — отметила некая частичка ясного сознания — и все осталось по-прежнему, он никак не мог освободиться от наваждения, потому что не умел.

— К чему болтовня? — сказала Марута, улыбаясь каким-то своим мыслям. — Я вас хочу запоздало отблагодарить, вот и все...

Она поднялась со стула, одним движением сбросила сапоги и, гипнотизируя Сварога невиннейшей, чистой улыбкой, принялась расстегивать немногочисленные пуговицы рубашки. В два счета освободилась и от остального и двинулась к нему. Сварог и сам не заметил, как встал, сообразил, что наступил провал в памяти, только тогда, когда обнаружил, что сбрасывает с себя последнюю одежду. Изю всех сил попытался собрать волю, как-то сопротивляться, но ничего у него не вышло, тело не слушалось, а воли словно бы и не было. Обнаженная девушка, сияя улыбкой и колючими искорками множества самоцветов, плавно подняла руку, коснулась его лба кончиком пальца, и Сварог, будто получив некий приказ, стал спиной отступать к узкой корабельной постели, ни разу не споткнувшись. Плюхнулся на нее, испытал некое облегчение, а в следующий миг над ним нависла голая ведьма, очаровательная, вовсе не страшная, отнюдь не склонная превращаться во что-то жуткое, и ее глаза уже не походили на бездонные дыры мрака, и пахло от нее не разлагающимся трупом, а молодым здоровым телом и тонкими духами. Страх и саднящее ощущение неправильности пульсировали где-то в глубине сознания, он не мог сопротивляться. В ее улыбке было торжество, тонкие пальцы заскользили по его телу с игривой бесцеремонностью, ведьма склонилась и прильнула к его губам, медленными долгими поцелуями гася последнюю непокорность, пусть чисто мысленную, отпрянула, закидывая голову, шурясь, резким движением навязав себя с достойным восхищения искусством.

Сварог уже не пытался сопротивляться, лежал под ней, окутанный серым маревом с россыпями черных искр, порой щеко-тавших кожу случайными прикосновениями так, словно это были не искры, а невесомый тополиный пух. Ведьма получала свое самозабвенно и неторопливо, прогибаясь над ним, сладко жмурясь, то вдавливая в жесткую постель, то освобождая от тяжести, порой открывая глаза и впиваясь в него хищным взгля-

дом победительницы — все время оставаясь не жутким созданием с неведомой стороны, а расpalенной и умелой молодой красавицей...

Почувствовав приближение финала, она прижалась к Сварогу так крепко, что это причинило боль, по ее телу прошла тягучая судорога, она надолго замерла, оседлав порабошeнного. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она опустилась на него и долго лежала, то жарко дыша в ухо, то преbольно стискивая зубами кожу на плече. Сварогу показалось даже, что она тихо мурлыкнула, как огромная хищная кошка, но он преbывал сейчас в столь странном состоянии, что ни за что не мог ручаться. Все мысли и ощущения выглядели перепутанными, как клубок корабельного каната, над которым потрудился неопытный юнга, отчего-то полагававший, что умеет распутывать морские узлы...

Потом Марута отделилась от него решительным движением, встала с постели и постояла над ним, глядя с непонятной улыбкой, стискивая его предплечье. Быстрым движением наклонилась, поцеловала в губы — скорее, защемила на миг его губы зубами, едва не прокусив — выпрямилась, подошла к своей разбросанной одежде, уже не оборачиваясь к Сварогу, словно его не существовало. Поразительно быстро и сноровисто оделась, приведя себя в совершеннейший порядок и вышла, опять-таки ни разу на него не взглянув. Дверь затворилась бесшумно, яркая лампа осталась гореть на столе, и не было ни следа странных дымных завитков и черных искр...

Вместе с Марутой улетучились и всевозможные наваждения — он вновь обрел способность двигаться и думать рассудительно, знал, что ничего ему не привиделось, что все происходило на самом деле. Что эта стерва, называя вещи своими именами, его бесцеремонно и старательно поимела, как хваткий драгун деревенскую девчонку на сеновале.

Это было не то чтобы унижительно, в конце концов, не мужик, а красивая жаркая девка, но предельно странно. Он давно уже полагал себя надежно защищенным от всех видов магического воздействия... а впрочем, случался уже печальный прецедент...

Дверь вдруг дернулась, приоткрылась, и в образовавшуюся щель с оглядкой проник палубный мастер. Точнее было бы выразиться, просочился. Он ничем не напоминал призрака, оставаясь существом из плоти и крови, но двигался так бесшумно

и осторожно, что, право же, походил на ночное видение. Точнее, сумрачное — за окном стоял все тот же сероватый сумрак, ни светлее, ни темнее не стало с того момента, как Сварог проснулся.

Осознав себя голым на распотрошенной постели, Сварог вскочил и принялся натягивать одежду. Глядя на него грустно и, такое впечатление, затравленно, Бунак покачал головой:

— Понятно, понятно... Вот я и говорю...

— Что? — мрачно спросил Сварог, окончательно приведя себя в порядок.

— Что дела — сквернее некуда... — палубный мастер на цыпочках подкрался поближе и зашептал в ухо: — Ваше величество, нам бы поговорить в безопасном месте...

— Какое еще «величество»? — спросил Сварог недовольно.

— Да ладно вам, вы ж среди своих, никто вам тут зла не желает. Слух прошел моментально, а чего ж вы хотели? Когда человек в такие знаменитости выходит, того и гляди, опознают в два счета...

Взяв его за широкий лацкан кафтана, Сварог задумчиво спросил:

— А вот ежели, к примеру, прикинуть, пройдет ли в это окошечко мертвый труп удушенного человека? По моим первым прикидкам, вполне, только булькнет...

— Ваше величество, благородный король Сварог! — воскликнул пират укоризненно. — Можно подумать, вы среди лютых врагов! Говорю же, никто вам зла не желает, наоборот. Я с вами хочу посоветоваться о некоторых сложностях жизни, прямо и недвусмысленно помощи попросить, вдруг да и получится... Шлюпка уже спущена на воду, никто нас не заложит, не проболтается, что мы были на берегу...

— А почему бы здесь не поговорить?

— Здесь? — печально усмехнулся Бунак. — Там, где эта ведьма шастает? Не буди лиха, пока оно тихо... У вас вон и каюта ее духами провоняла так, что жутко делается... Пойдемте. На берегу есть приличный кабачок, с хозяином мы старые кореша, он нам выберет укромное местечко. Честью вам клянусь, у меня и в мыслях ничего против вас нет, позарез нужно попросить совета, зная ваш жизненный опыт, познания и свершения...

«Он не врет, — определил Сварог, — он говорит именно то, что думает — а впрочем, теперь ни в чем нельзя быть уверен-

ным. Хотя не стоит уподобляться той самой пуганой вороне. Если бы здесь над ним все же хотели учинить злодейство в отсутствие капитана, кто им мешал бы полоснуть ножом по горлу и выкинуть в окно? Ищи потом труп хоть до конца времен...»

Очень уж жалкое у палубного мастера было сейчас лицо, никак не вязавшееся с его местом в жизни. Это убеждало...

— Ладно, — сказал Сварог, подумав. — Пойдемте. Вот кстати, а не раздобудете мне какое-нибудь оружие? Прескверно я себя чувствую, оказывается, когда на поясе ничего нет. Как-то незаметно привык уже вооруженным ходить...

— В два счета вам подыщем что-нибудь, когда вернемся. Тут этого добра — что грязи... А на берегу вам оружие пока что не нужно, поверьте на слово...

Они вышли в коридор. Там, прижавшись к переборке у выхода на палубу, бдил высокий худой моряк столь же печально-го облика. Сначала выглянул наружу, и только потом кивнул им, что путь свободен и безопасен. Еще один ждал на палубе. Пошел на цыпочках впереди, озираясь и положив руку на кривую рукоять пистолета. С высоты своего королевского опыта Сварог моментально определил, что имеет дело с самым настоящим заговором.

Обойдя бизань-мачту, они спустились в шлюпку, палубный мастер уселся у руля, гребцы тихонько оттолкнулись веслами от борта, налегли. Шлюпка быстро пошла к берегу.

Сварог смотрел вокруг во все глаза. Странноватое было зрелище — серый туман стоял над водой, выгибаясь огромной дугой, такой непроницаемой для взора стеной — а по другую сторону корабля море было от него свободным, и впереди, кабелотах в трех, виднелся обширный остров, и над его темным берегом неровной зубчатой полосой поднимались башни и острые крыши неизвестного города. Сумерки выглядели как-то странно — небо вроде бы не затянуто облаками, но напоминает сплошной сероватый колпак. И не светло, и не темно, и не хватает чего-то очень привычного, знакомого, того, что обязано быть всегда... Как ни ломал себе голову Сварог, не смог определить время дня. Ни утро таким не бывает, ни вечер, и, уж конечно, не ночь...

«Тени!» — вдруг пришло ему в голову.

И точно, в этом мире не хватало теней. Ничто не отбрасывало тени — ни корабль, ни шлюпка и сидящие в ней, ни быстро приближавшиеся строения на берегу. Все, как обычно, кроме

теней. Как ни шарил он глазами по небу, нигде не увидел солнца — хотя бы в виде тусклого, размытого пятна. Не было ни солнца, ни теней. Куда на сей раз занесло?

— Что это за место? — тихо спросил он Бунака.

— Охо-хо... Место как место. Бывают на свете места и похуже, вот что я вам скажу...

Прямо перед ними виднелся каменный пирс с ведущими наверх лесенками — самое подходящее место, чтобы причалить. Там, кстати, уже стояла одна шлюпка, и на корме, закутавшись в плащ, клевал носом подремывающий человек. Но Бунак решительно повернул румпель, шлюпка пошла вдоль берега, мимо узких высоких домов с темными окнами, мимо приземистых лабазов, мимо круглой башни. Нигде не горело ни единого огонька, нигде не видно людей.

Палубный мастер толкнул в плечо сидящего прямо перед ним гребца и о чем-то вполголоса распорядился. Шлюпка захрустела носом по крупной гальке, причалив на пустынном берегу, лишенном всяких следов благоустройства.

Пройдя меж гребцами, Сварог спрыгнул вслед за путником на усыпанный галькой каменистый берег, и Бунак, не оборачиваясь, уверенно зашагал в гору меж высоких валунов, держась с уверенностью человека, знающего тут все тропинки. Вскоре они оказались на тихой, безлюдной улочке этого непонятного, вымершего города, зашагали меж темных домов. Ни один человек не попался им на улице, ни одна собака не брехнула, ни одна крыса не перебежала дорогу. Сварог невольно озирался: что ни шаг, вязкая тишина давила...

Бунак поднялся на крыльцо ничем не примечательного домика, над которым висела вывеска, изрядно потемневшая от времени, но буквы можно было разобрать, если присмотреться. Заведение называлось «Веселая русалка», но веселости в нем не усматривалось ни на ломаный грош. Большой зал, уставленный столами с грубыми скамейками, был совершенно пуст. Столы выглядели так, словно за последнюю сотню лет никто тут не садился — ни единой бутылки, стакана, обглоданной кости... Пыли, правда, что-то незаметно, как при тщательной ежедневной уборке.

Подойдя к стойке — полки за ней плотно уставлены нетронутыми бутылками, ни единого пустого места, — Бунак громко позвал:

— Хозяин!

Низенькая задняя дверь тут же распахнулась, показался хозяин — на первый взгляд ничуть не обрадованный тем, что в его безлюдное заведение все же нагрянули посетители с приятно позванивающими карманами. Невысокий, лысый, весь какой-то пришибленный, он таращился на вошедших со столь равнодушной покорностью судьбе, что Сварога явственно передернуло. Он подумал, что это странное место можно охарактеризовать одним-единственным словом — «равнодушие». Место, где всем все равно, что происходит вокруг, потому что ни одно новое лицо, ни одно событие, ни один разговор не способны принести ни радости, ни печали... Понурые места. Тоска.

Шлепнув ладонью по стойке, палубный мастер разжал пальцы. Тускло блеснул золотой кругляшок. Хозяин прибрал его опять-таки без тени алчности или хотя бы радости, кивнул и, не задав ни единого вопроса, показал на дверь в глубине зала.

За ней оказалась небольшая комнатка с одним-единственным столом посередине, вокруг которого стояли не грубые лавки из кое-как оструганного дерева, а относительно приличные стулья — впрочем, отнюдь не шедевр мебельного мастерства. В углу — широкая кровать без матраца. Классическая задняя комнатка для людей со средствами, не склонных предаваться примитивным развлечениям на публике. У нее тоже был такой вид, словно последнее столетие денежные клиенты обходили ее стороной.

Хозяин принес подсвечник с тремя толстыми свечами, зажег их, чиркнув толстой неуклюжей спичкой о дощечку с бугристой намазкой. «Примитивные технологии, — отметил Сварог. Повсюду давным-давно в ходу более удобные, совершенные запалки...»

Вслед за тем хозяин, ненадолго улетучившись, принес пузатую бутылку и два оловянных стакана. Ловко выдернул пробку огромным штопором и, повинуясь небрежному кивку палубного мастера, исчез уже окончательно.

Бунак наклонил бутылку над стаканом Сварога. Учитывая некую унылую заброшенность этого непонятного места, Сварог ничуть не удивился бы, заструив в стакан сухая пыль с дохлыми пауками и еще каким-нибудь сором. Однако в стакане плескался ром, и неплохой, судя по аромату. Подавая пример, Бунак поднес свою чарку к губам:

— Будьте премного здоровы!

И осушил до дна — жадно, нервно. Выглядел он при этом, как заправский алкоголик, но тут было что-то другое, пожалуй... Отпив немного, Сварог спросил без особого дружелюбия:

— Ну, так куда вы меня притащили?

— Ничего особенного, — сказал Бунак, ерзая взглядом и мрачно улыбаясь так, что опять-таки нисколько не напоминал в этот момент лихого начальника над отчаянной абордажной командой. — Это, да будет вам известно, Винета... Слышали про такое место? Про него чего только не наплели, а в жизни оно вот такое — тихо, скучно, безлюдье и тоска...

Сварогу на миг стало не по себе. Слишком много жутких рассказней кружило о Винете среди морского народа — хотя самые честные признавались, что никто ничего не знает точно. То ли давным-давно еще до Шторма проклятый за грехи его жителей город, выброшенный из нашего мира на некие непонятные задворки бытия, и не тот свет, и не этот, промежуточное что-то... То ли отделенное от нашего мира чародейским туманом обиталище всевозможной нечисти, нежити, межеумочных созданий, если и не вредящих прямо роду человеческому, то и не благорасположенных, точно... То ли притон морских дьяволов, куда попадают завлеченные и погубленные ими мореходы и грешники, не заработавшие себе преисподнюю, но все же безусловно недостойные потустороннего обитания под дланью господней... Да мало ли что плели! Иные книжники твердили, что Винета — не более чем обыкновенная Заводь неизвестного рода и вида, иные монахи уверяли, что она — чулан Великого Кракена, где, подобно пыльным метлам и битым горшкам, обречены пребывать те, кто был настолько неосторожен и безрассуден, что в своих странствиях сунулся не туда.

Но никто ничего не знал точно, даже Грельфи, некогда на глазах Сварога вызвавшая в магическом шаре одного из здешних обитателей.

— А вы хорошо держитесь, ваше величество, король Сварог, — сказал Бунак с искренним уважением. — Про здешние места столько кружит страшилок...

Сварог усмехнулся:

— Видывали мы лилипутов и покрупнее... А уж страшилок наслушались, более того, навидались столько... Вы что, господин палубный мастер, хотите меня попутать?

— Делать мне больше нечего! — обиделся Бунак. — Я не мальчишка, да и вы не сопляк... Говорю же, хочу с вами посоветоваться насчет некоторых поганных сложностей.

— Почему именно здесь?

— Здесь, самое смешное, гораздо безопаснее, чем на корабле.

— А что это вообще такое? — Сварог спокойно сделал рукой широкий жест.

— Вы имеете в виду Винету вообще?

— Ну, конечно.

Палубный мастер натянуто улыбнулся:

— Самое забавное... если только тут есть что-то забавное... в общем, настоящая Винета не похожа ни на одну из неисчислимых баек. Все проще и прозаичнее. Это всего-навсего задняя комната. Понимаете? Такие бывают даже в самых приличных тавернах и гостиницах. Мало ли какая нужда возникнет у приличного владельца — встретиться с субъектами, которых через парадный ход на впускают, чтобы ущерба репутации не нанести... Порученьице дать скользкое... купить такое краденое, от которого даже приличный человек иногда не в силах отказаться. Еще что-нибудь неприглядное обговорить или обделать. Вот и Винета — что-то вроде задней комнаты, через которую в наш мир, подняв воротник, прослизывают... всякие-разные, не склонные к огласке субъекты, вы ведь понимаете, о чем я? Вот и прекрасно, здесь иных словечек лучше вслух и не произносить, а то накличешь, чего доброго, потом волком взвоешь... Что вы хмуритесь?

Сварог спросил мрачно:

— По-вашему, здесь безопаснее, чем на корабле? Странные у вас, признаться, понятия о безопасности...

— Так то-то и оно! — воскликнул Бунак. — Как бы вам объяснить... Именно потому, что Винета — «задняя комната», здесь ничего такого и не происходит и опасаться тут особо нечего. Врубаются? Это в некоторых смыслах совершенно нейтральная территория, что давным-давно известно. Через это место исключительно проходят, беседы тут ведут разные, встречи устраивают...

— Ну, вам виднее, — сказал Сварог, ничуть не обрадованный всеми этими открытиями. — По мне, что совы об пень, что пнем по сове... Ладно, поверю на слово, потому что вы тут, сразу видно, освоились, все ходы и выходы знаете...

— Да нужна мне эта Винета! — с чувством сказал Бунак. — Глаза бы ее не видели, нога не ступала... Но куда денешься? Приходится терпеть...

— И что за дело у вас ко мне?

Бунак наклонился к нему через стол, печально кривя губы:

— Вы же сами видите, что творится на корабле. И я видел, что она с вами проделала... то есть, видел, как она вышла из вашей каюты, а уж остальное домыслить было нетрудно, глядя на ваш вид... Ваше величество, помогли бы вы нам, а? Смотреть больно, во что превратился корабль... и капитан.

— А поподробнее? — спросил Сварог хладнокровно.

— Извольте... Если смотреть в самый корень, эта паршивая ведьма его обморочила, как говорят у нас в Каталани, — я, извольте знать, родом оттуда, из княжества Чирент... А если довести до полной откровенности, то признаюсь вам по совести, что началось это гораздо раньше. Капитан Джагеддин всегда был чересчур любопытным. Жить не мог без того, чтобы не разгадать какие-нибудь тайны, и чем древнее, чем известнее, тем лучше. Улавливаете мою мысль? Старые рукописи, древние легенды, заклятые клады, тайны земли, моря и неба... Многие этим грешат, взять хотя бы Бугаса с «Невесты ветра». Но вы, наверное, о таком и не слышали?

— Отчего же? — сказал Сварог. — Я с ним даже плавал однажды.

— А, ну тогда прекрасно должны понимать, о чем я. Вот только есть одно существенное отличие. Капитан Бугас всегда в иных делах был чертовски осторожен и с самого начала себе установил некие рубежи, которые в жизни не переступит, как бы любопытство ни подмывало, какой бы прельстительной тайна ни казалась. А вот нашему Джагеддину на такие тонкости всегда было плевать, очень уж он у нас горячий и упрямый. За ним и раньше замечались иные... неосторожности. Совал нос в рукописи, которые лучше бы сжечь, не читая, водил компанию с субъектами, которых лучше бы десятой дорогой обходить. Совался в такие места, куда и Бугас ни за что не полезет при всей его заядлости к тайнам... Ему уже некоторые намекали по-доброму, да он не слушал. А когда подцепил где-то в Готаре эту Маруту, все пошло наперекосяк так, что не заметит только слепой. Ну, предположим, в последнее время иные наплевали на старое поверье насчет того, что баба на корабле — к несчастью, вполне солидные и уважающие традиции рыцари

удачи держат при себе красоток, на это уже смотрят не так жестко, как лет пятьдесят назад, когда таких по приговору команды кидали за борт с камнем на ногах...

— Красоток или капитанов? — усмехнулся Сварог.

— Когда как, — серьезно уточнил палубный мастер. — Иногда только красоток, а иногда и капитанов, чтобы не ломали обычаи... В общем, сначала мы подумали, что ничего страшного в этом нет, дело, как говорится, молодое и житейское. Капитаном он всегда был отменным, и, если ему никак не обойтись без девки под боком, то так уж тому и быть. Только потом мы к ней присмотрелись... У нас тут нет, по большому счету, ни колдунов, ни, сохрани Творец, ведьмаков, но кое-кто из наших ребят, особенно те, что из местечек поглуше, где сохранилось кое-какое умение, способен, если не сам что-то делать, то, по крайней мере, такие вещи просекать и определять. Был у нас боцман, стагарец родом, он понимал толк в узнавании. То ли дед, то ли дядя у него был настоящим знатоком... Боцман первым и сыграл тревогу. Объяснил, что это за пташка. Сначала его, признаться, плохо слушали, но потом и сами присмотрелись... Только к тому времени боцман ухитрился как-то так неудачно свалиться за борт, что камнем пошел ко дну, и тела не нашли... И не он первый, между прочим, плохо кончил. С другими, кто пытался открыть на нее капитану глаза, тоже случались скверные истории. И пошла у нас жизнь, совершенно непохожая на прежнюю, беспечальную...

— А поконкретнее? — жестко спросил Сварог.

— Он изменился, — сказал палубный мастер. — Джагеддин, я имею в виду. Вот, например, Винета. Мы ведь не впервые в Винете — мы сюда приходим четвертый раз. И всякий раз Джагеддин берет отсюда на борт каких-то типов — в плаще с капюшоном, лица никогда не видно, если только у таких есть нормальное лицо. То ли это один и тот же, то ли разные... скорее все-таки разные, потому что назад мы их никогда не привозили, они каждый раз куда-то незаметно девались. И всегда после этого Джагеддин вытворял нечто такое, чего никогда прежде не делал, полагая низостью. Вот кому бы в голову пришло, что «Призрак удачи» способен садить картечью по шляпкам с потопленного корабля? А ведь было, не далее как месяц тому. И еще кое-что было... А хуже всего, когда ничего не происходило. Как бы вам это объяснить... Были случаи, когда мы вроде бы ничего и не делали — просто-напросто перевоз-

или грузы или каких-то закутанных субъектов — но опять-таки этикие места, куда человек богобоязненный ни за что не сунется. — Его явственно передернуло. — Вспомнишь иные грузы, иные места — жуть пробирает до костей. Одним словом, был у нас обычный пиратский корабль, знаменитый и славный, был капитан, благородный рыцарь удачи, а теперь превратились мы в законченных шестерок на подхвате у кого-то, о ком подумать противно, не то что вслух называть... — он налил себе полстакана и хлобыстнул единым духом. — С «Призрака удачи» палят по косаткам, представляете? Заикнись при нормальных честных мореходах — не то что из кабака вышибут, а немедленно башку проломают, чтобы не пакостили. Человек с дюжину уже сбежали в разных портах — а на их место капитан принимает такую гнусь, с которой рядом стоять противно, не то что драться бок о бок... Мы уже в добыче не берем серебра, между прочим. Потому что от серебра начинает руки жечь...

— Скверно, — искренне сказал Сварог.

— Куда сквернее. Словно пожарная тревога... На «Призраке», знаете ли, пленных вешали и топили, подрезав поджилки — дело прежде небывалое. И раскладывали табуну малолетних девочек посимпатичнее. В конце концов, встали мы под горлотскую «кляксу», начали опять-таки плавать черт-те куда с теми же непонятными поручениями и грузами... Долго рассказывать, да и ни к чему. Если кратко, превращаемся в законченное отребье, вот-вот души погубим окончательно и бесповоротно. Опять вот в Винету приперлись, значит, жди очередных пакостей...

— Настолько плохо с капитаном?

— Я же вам говорю — обмороченный. Кораблем уже не он командует, а эта стерва.

— Ну, а вы что же? — спросил Сварог. — Видавшие виды волки морские?

Палубный мастер взглянул на него, словно шилом кольнул:

— Позвольте поинтересоваться, ваше величество, вы долго барахтались, когда она вас разложила? А ведь разложила, не отпирайтесь, чего уж там... Вот вам и ответ. Был у нас штурман... он и сейчас остался на борту, только... Парень был лихой, видывал виды, он всерьез собирался, когда начало перехлестывать через край, чикнуть ее ножом по горлу, не мудрствуя, да сбросить потихоньку за борт. Только она обернулась раньше. Отымела его, как вас давеча, и ходит он теперь, как кукла на ко-

ромысле у комедианта, в рот ей смотрит, первым бросается выполнять приказ... Не он единственный. Она многих через себя пропустила — и парни потеряли всякую волю, куклами стали. Ведьма... Меня она не трахала — не бог весть какое сокровище, чего уж там, — но я на собственном опыте убедился, что она может. Вот этой самой рукой я ей наводил пистоль в спину когда подвернулся удобный случай. Никого на палубе, ищи ее потом по морскому дну... Не смог, понимаете? Она даже не оборачивалась. Чем-то таким от нее шибануло, что рука опустилась сама собой, и поднять я ее больше не смог, словно пистоль весил целый ласт. Конец кораблю...

— Ну, а чем я вам могу помочь, как по-вашему? — спросил Сварог угрюмо.

— Может, еще не поздно? Я о Джагеддине. Может, его еще можно, как бы это говоря, вылечить? Я слышал, если пристукнуть ведьму, обмороченных еще можно вернуть в прежнее состояние...

— И вы, конечно, на меня хотите возложить эту почетную обязанность? — спросил Сварог. — Честно вам признаюсь, меня жизнь давно отучила от чистоплостства... но если и у меня не выйдет? Скажу вам по секрету, я — человек абсолютно невосприимчивый к черной магии, она на меня не действует, так уж обстоит... Но ведь смогла же она и меня завалить в койку, лишив всякой воли...

Бунак надолго задумался, вертя пустой стакан. Сварог терпеливо ждал. Стояла ватная тишина, словно они оказались одни в целом мире. От нечего делать Сварог тем временем проверил окружающее — и должен был признать, что палубный мастер верно обрисовал положение дел. Вокруг не было ни следа черной магии — просто-напросто какая-то затхлость. Только так и можно было передать словами человеческой речи это ощущение.

— Есть, конечно, риск, — сказал наконец палубный мастер. — Но вот какие у меня соображения... Вы, как-никак, человек непростой, знаменитый герой. Пусть даже, как это обычно водится, половина рассказней про вас выдумана начисто, но все равно, вы в этом мире столько наворотили... Вдруг да вам она руку с пистолетом не отведет? И ваш ножик от глотки убрать не сможет? И потом, знатоки говорят, что ведьма не может держать толпу. У них здорово получается обрабатывать людей поодиночке, подчинять и обморачивать — а вот против

решительного многолюдства у нее кишка тонка. Сколько было случаев, когда ведьм одолевали громадем — вязали, сжигали к чертовой матери, просто убивали. Исстари повелось так, что ведьма бессильна против многих...

«Что-то в этом есть, — подумал Сварог. — Смогли же ее как-то одолеть в Готаре, скрутили, на костер поставили, хотя она и тогда уже, никаких сомнений, была тем, что есть. И сожгли бы за милую душу, не появившись плохо разбиравшийся в реалиях этого мира благородный избавитель...»

— Мы сделаем так, — сказал Бунак. — Среди ребят — тех, кому решительно не по нраву все это похабство — давно уже ходят шепотки насчет мятежа и бунта. Но для удачного мятежа нужен толковый главарь, а вот с этим как раз напряженка. Я не гожусь, честно вам признаюсь. Я уже не прежний. Она меня подрубила, зараза, я ее начал не на шутку бояться, и, прислушиваясь к себе, чую, что может не хватить духу... Вы — другое дело. Ну как же, сам король Сварог, овеванный грозной славой... Короче, я поговорю кое с кем из надежных. Раздую угольки. И, когда настанет подходящий момент, вывалим всем скопом с вами во главе...

— Если она раньше не прознает, — сказал Сварог серьезно. — И не примет свои меры.

— А у вас есть выбор, государь мой король? — поморщился Бунак. — Вы с нами в одной лодочке, не забываете. Заперты на «Призраке», как в тюрьме. Джагеддин, конечно, твердит, что обязан вам жизнью и добро помнит крепко — но ведь весь фокус в том, что капитан наш наш уже не прежний. Кто его знает, что может случиться, что там она ершит на ваш счет... Я ведь вас не запугиваю, сами понимаете, всего лишь излагаю положение дел. Как ступили вы на борт, так и оказались повязаны одной веревочкой... Может, скажете, что я не прав?

— Да нет, — сказал Сварог задумчиво. — Вы совершенно правы, любезный мой палубный мастер, не могу этого не признать...

— Значит, можно на вас рассчитывать?

— Конечно, — сказал Сварог. — И, чтобы не тянуть кота за хвост, с ходу предлагаю план действий. Мы с вами сейчас возвращаемся на корабль, там вы втихомолку собираете полдюжины ребят, которым можете всецело доверять даже в нынешних условиях... Столько-то наберется? Отлично. Мы все вместе идем в каюту к этой стерве и поступаем с ней... решительно.

Вполне может оказаться, что правы старики, когда уверяют, что ведьма не способна обморочить толпу...

— Вы серьезно?

— Совершенно, — сказал Сварог. — Мне не особенно хочется, но могу взять главное на себя — я давно уже тружусь королем, а это ремесло очень быстро выбивает из человека излишнюю чувствительность... Ну, а Джагеддина мы поставим перед фактом. Вы сами говорили, со смертью ведьмы обмороченный возвращается в ясное сознание... Что приуныли?

— Да не приуныли вовсе, — досадливо сказал палубный мастер. — Загвоздка в другом... Я до сих пор не знаю, как «Призрак» всякий раз попадает в Винету. И никто не знает, кроме Джагеддина, а у него ведь не спросишь... Хорошо, если это он умеет проводить сюда корабль, а если это ее труды? И если мы ее прикончим, чего доброго, застрянем здесь, вот я чего в первую голову опасаясь. Вряд ли местные власти — а тут должны быть какие-то местные власти, что бы под этим словом ни понимать — нас после всего этого милостиво отошлют в наш мир...

— Резонно, — сказал Сварог. — Я об этой стороне дела не подумал. Ну хорошо, пусть будет мятеж, когда мы вернемся в более приглядные места... Пойдемте? Мне здесь, честно вам скажу, не нравится.

— Это с непривычки, — угрюмо сообщил палубный мастер. — Жили б вы на «Призраке» последний годик, вам бы эти места показались как раз уютным уголком, безопасной пристанью. Верно вам говорю. На борту давненько уж не жизнь, а расстройство — по ночам какие-то мохнатые, вроде кошки, на вантах раскачиваются, свищут и хохочут так, что у ночной вахты волосы седеют, вдоль бортов порой промелькнет что-то непонятное, но определенно поганое, звуки разные, огни вроде «болотных манков»... А у Джагеддина в каюте и того почище — отрезанная голова.

— Ну, это еще скромно, — сказал Сварог, припомнив капитанскую каюту «Божьего любимчика» и иные ее украшения. — Знавал я одного капитана — он и сейчас здравствует — так у него голов висело на стене с полдюжины...

— И поди смиренхонько висели? Глазами не лупали и не болтали?

— Ну да, — сказал Сварог. — Не припомню за ними что-то подобной посмертной живости...

— Ну, это другое... Голова у Джагеддина в каюте — живая. Ясно вам? Пришпандорена на чем-то вроде блюда, лупает глазами, а по ночам, слуга клянется, с Джагеддином разговаривает почти нормальным голосом. Есть такое подозрение, раздобыл он ее как раз здесь — возвращался однажды с большущим узлом...

Сварог усмехнулся:

— Далеколько у вас зашло, я вижу... Ладно, рук у вашей головы наверняка нет, а это уже кое-что... Пойдемте?

Бросив тоскливый взгляд на бутылку, где оставалось еще немало, Бунак все же побрел за Сварогом. Появился хозяин, с поклоном принял у палубного мастера еще один золотой, но веселее от этого не стал ни на йоту. Почтительно проводил к выходу, бормоча что-то про то, как он будет рад видеть почтенных гостей и в следующий раз — оптимист хренов...

На улице ничего не изменилось, по-прежнему стоял серый сумрак, ни единой тени, ни от домов, каменных тумб и фонарных столбов без огней, ни от двух шагавших людей. Как ни удивительно было вокруг, Сварога отчего-то больше всего поразили эти фонари — четырехугольные, с целехонькими стеклами, и ни один не горел.

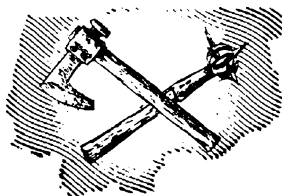
— С прежних времен, надо думать, — сказал Бунак, перехватив его взгляд. — Говорят, будто Винета раньше была совершенно нормальным городом, а потом с ней все и произошло — то ли жители нагрешили сверх меры, то ли еще что. Вот и сидят теперь за ставнями... Ага, сидят. А вы что же думали, тут, кроме того кабатчика, и не живет никто? Да вы что, их в городе полно. Забились по домам и сидят себе — а почему, зачем и для чего, не спрашивайте, я и сам не знаю, как-то не было большой охоты выяснять и набиваться в гости...

Они стояли уже меж валунами, откуда к серому морю спустилась извилистая тропинка. Сварог задержался, глядя на спокойную воду, напоминавшую застывающее расплавленное стекло. Из тумана появился корабль и медленно приближался к пирсу. Корабль был странный, непохожий ни на что знакомое — очертания прямо-таки яйцевидные, право слово, разрезанное вдоль исполинское яйцо величиной с обычный корвет, на палубе виднеются длинные надстройки со странными крышами, а мачта всего одна, на корме, без единого паруса, и на ее верхушке крутится нечто вроде тускло светящегося колеса, не-

спешно, равномерно. Ни парусов не видно, ни шума машины не слышно — однако корабль быстро идет к берегу.

— Не ломайте вы голову, — равнодушно бросил Бунак. — Я тут и не такого насмотрелся, попадались посудины и диковиннее. Говорю вам, тут задняя комната на большой дороге. Порой объявится такое, что и на корабль не похоже, и по улицам болтаются такие, что... Глаза бы не смотрели... Ага, шлюпка на месте — а то я, признаться, тревожился, мало ли как могло обернуться...

Глава 6

ПРАВИЛА ИГРЫ НА ВИОЛОНЕ ПОСРЕДИ МОРЯ

Пузатый кухарь по кличке «Половник» старательно расставлял на столе тарелки, судки и графины — чересчур уж старательно, держась все время так, чтобы не поворачиваться к Сварогу лицом. Проверки ради Сварог принялся якобы скучающе расхаживать по каюте, но кухарь с невероятным для такого пузана проворством — и, кроме того, весьма искусно притворяясь, что делает это невзначай — все время ухитрялся повернуться так, что взору представала лишь его спина в кожаном жилете. Закончив, он пробормотал что-то, долженствующее означать пожелание приятного аппетита и решительно засеменил к двери, но Сварог вовремя сделал шаг в сторону, преграждая дорогу в последний момент. Тут только толстяк поднял на него затравленный взгляд, пробурчал:

— Дела у меня...

— Вот как? — спросил Сварог безжалостно. — А мне отчего-то показалось, что вы меня боитесь... или морду воротите так, словно я выродок человечества и рядом со мной стоять невозможно...

— Померещилось вам, — буркнул кухарь и сделал попытку прорваться в дверь, но Сварог уже недвусмысленно

протянул руку и сграбастал его за жилет. У него мелькнула новая мысль, и он, приблизив лицо, со зловещей гримасой протянул яростным шепотом: — Ты что мне в жратву подсыпал, труженик поварешки? Только врать не вздумай, я такие вещи просекаю с лету...

— Ваш-ше вели... — пискнул кухарь так, что Сварог уже ни в чем не сомневался. — Не я это...

Сварог от удивления поднял брови до мыслимых пределов, позволенных природой. Он никак не ожидал, что пришедшая в голову незатейливая шутка окажется святой правдой. Вот до чего дошло... Поистине, люди меняются... Или...

— Так, — сказал он зловеще, медленно, с расстановкой, прижимая кухаря спиной к стене и сводя пальцы у него на глотке. — Так, значит? Это и называется морским гостеприимством? Не думал, что я такие вещи просекаю, а? Ты вообще знаешь, кто я такой, чумакая твоя рожа?

— К-король Сварог... — прошептал кухарь совершенно потерянным тоном. — Слух уже пошел, ребята втихомолку, промеж себя говорили...

— Приятно, что мое скромное имечко пользуется некоторой известностью, — сказал Сварог. — А все ли вы обо мне знаете, мой пузатый друг? Например, на что я способен, когда мне в лапы попадет мерзавец, собиравшийся меня отравить?

Кухарь тихонько постанывал от ужаса. Сварог то сжимал пальцы на его глотке, то, гуманизма ради, ослаблял хватку. Безжалостно продолжал:

— Ты знаешь, веник кухонный, на что похоже настоящее хелльстадское чародейство? Сначала у тебя гляделки вылезут...

— Помилуйте, ваше величество! — прохрипел кухарь в совершеннейшей панике. — Чем хотите клянусь, я бы сам ни за что... При моей-то к вам любви и уважении, при том, что вы спасли жизнь капитану... Это она все...

— Марута?

— А кому ж еще? Когда я вам, стало быть, нес поднос из камбуза, она меня перехватила в коридоре, велела занести все к ней в каюту, а самому ждать за дверью. Я долго там торчал... Что она с едой делала, понятия не имею, может, и ничего плохого...

— Ага, — сказал Сварог. — Просто любопытствовать хотела, что же мне нынче подают на обед. В жизни не видела рыбы в соусе и жареной баранины, деревенщина этакая, вот и решила полюбоваться.

— Я вам собирался знак подать, чтоб не ели...

— Долго же ты собирался, — сказал Сварог. — Не ухвати я тебя за глотку, так бы и улетучился...

Кухарь вскинул на него глаза, в коих светилось нечто, слабо напоминавшее мимолетный приступ решимости:

— А что прикажете делать, когда делать нечего? Попала мышка меж котом и мышеловкой... С одной стороны, вы, с другой — эта стерва... Не по мне такие сложности, вот что! Думаешь только об одном — как бы шкуру спасти посреди жизненных хитросплетений... Ваше величество, пощадите, а? Не своей же волей, мы люди маленькие, жить хочется...

Мокрый от страха, он был жалок, и Сварог брезгливо разжал пальцы. Кивнул:

— Исчезни отсюда, да язык держи за зубами, а то рассержусь по-настоящему... Брысь!

Проводив философским взглядом исчезнувшего в мгновение ока толстяка, подошел к столу, вдохнул невыразимо пряные ароматы, струившиеся от искусно приготовленных яств, всмотрелся и покачал головой. Над столом вздымался черный ореол причудливых очертаний, по замысловатости и фантазийности превосходящий тот, что видящий мог наблюдать над «Призарком удачи». Ну, разумеется, это не примитивный яд — нечто гораздо более изощренное и опасное. Жаль, не определить, что именно. Следовало бы, появясь перед ведьмой, держаться именно так, как и следует человеку, слопавшему обмороченный обед, — но как следует держаться? Поди угадай...

Он задумчиво закурил, уже совершенно не заботясь о конспирации, — какое это теперь имело значение... Итак, ведьма взялась за него вплотную. Когда увидит, что обед должного эффекта не оказал, придумает что-нибудь еще, и тут уж держись...

Вот и расплата за спокойную ночь и первую половину дня, в течение которых ничего с ним не случилось. Они с палубным мастером благополучно вернулись на корабль, а утречком, когда Сварог с самым беззаботным видом появился на шканцах, притворяясь, что в прекрасном расположе-

нии духа вышел подышать свежим морским воздухом, Бунак тихонько подошел, отвел его в укромное местечко за нижним парусом и шепотом сообщил, что, по рапорту одного из его сторонников, стоявшего на вахте, в капитанской шлюпке, когда она вернулась с берега, было на одного человека больше. Уплыло семеро, а вернулись восемь. Восьмым был некто в плаще с опущенным капюшоном, проследовавший с капитаном в его каюту — так бесшумно, словно и не ступал по палубе вовсе нормальными человеческими ногами, а являл собою прикрытый плащом сгусток тумана. В точности как в прошлые разы, говорил Бунак с бледным и отчаянным лицом — фигура в нахлобученном капюшоне, от которой шибало холодом и еще чем-то, не имевшим отношения к роду человеческому. Вы как хотите, говорил Бунак, а я самое позднее к обеду начну помаленьку подымать всех, на кого можно положиться, потому что, чувствует мое сердце, снова придется делать что-то такое, после чего дороги назад, глядишь, и не будет погубленной душе.

Сварог его ободрил, насколько мог, еще раз обещал, что примкнет незамедлительно и отступать не намерен. И вернулся к себе в каюту. Просидел там до обеда, ну, а потом пришел прятавший глаза Половник...

Прислушался, обернувшись к двери. На корабле явно что-то происходило, пока что не имевшее ничего общего с мятежом. Деловито посвистывала боцманская дудка, выпевавшая незнакомые Сварогу сигналы, и моряки, переключаясь, топотали по палубе. Судя по звукам, все протекало слаженно и деловито, ничем не напоминая бунт, выражающийся прежде всего в хаосе, беспорядке...

Он понимал уже, что выбора нет. Либо в самом скором времени разразится бунт, к которому и в самом деле следует немедленно при-мкнуть, либо, если что-то не сладится, ведьма, как только обнаружит, что обед не пошел Сварогу во вред, измыслит что-то еще. Если мятежа не случится, следует, плюнув на возможные неудобства странствий в одиночестве по морскому дну, без затей выпрыгнуть в окно, раздобыв предварительно оружие...

«Пароход», — подумал он. Как-никак он был в состоянии сотворить из ничего речной пароход, на котором они тогда с Делией и Странной Компанией плыли по Ителу. Раньше он не стал этого делать, потому что не справился бы с судном в

одиначку — но теперь, поразмыслив, пришел к выводу, что варианты все же имеются. Управлять пароходом в одиночку он не сможет — но кто сказал, что следует непременно управлять? Развести пары в машине, закрепить штурвал — и пусть себе пароход чешет по прямой. Как ни велик океан, рано или поздно попадется на пути какая-нибудь суша... Или, не мудрствуя, предложить Бунаку отправиться вместе? Нет, не получится, это Сварог может отойти пешочком от корабля по дну, а палубного мастера заметят, когда он поплывет саженками, еще пристукнут, чего доброго... Значит, в одиночку?

Дверь распахнулась. Сварог отпрянул и принял подходящую к случаю боевую стойку — как-никак рукопашные искусства остались при нем...

Влетел палубный мастер с каким-то длинным свертком в руке, не теряя времени, принялся разматывать. Быстренько смекнув, что к чему, Сварог извлек оттуда abordажную саблю в ножнах, едва показался эфес. Швырнув парусину на пол, Бунак протянул ему пару пистолетов. Сунув их за пояс и перекинув перевязь через плечо, Сварог почувствовал себя гораздо увереннее.

Лицо у палубного мастера было вовсе уж перекошенное, губы так и прыгали.

— Пошло оно все к лешему! — выдохнул Бунак. — Пора свистать всех наверх, плохо дело...

— Что стряслось? — тихонько поинтересовался Сварог, проверяя со знанием дела, легко ли сабля выходит из ножен.

— Похоже, он окончательно с ума соскользнул, — сказал Бунак.

— Джагеддин?

— Кому же еще? «Призрак» меняет курс, мы идем на руп-руп-нор... Только что была команда зарядить все пушки картечью, мне велено строить abordажную команду, ей тоже выдают мушкетоны с картечными зарядами, все шлюпки готовят к спуску...

— И что? — искренне не мог сообразить Сварог.

— Вы ни черта не понимаете, — с тихим отчаянием сказал палубный мастер. — Ни черта вы не понимаете, сушняк вы этакий... Ближайшая суша на руп-руп-нор — Тюленьи острова. Там черные тюлени, ясно? Места, которые всякий нормальный моряк обходит стороной испокон веков. Осо-

бенно сейчас, когда началась рожалка. Матки мечут приплод, весь остров, главное лежбище, в новорожденных... Осталась парочка морских лиг, не более...

— Бросьте, — сказал Сварог, оцепенев лицом, — не может же быть...

— Может, — сказал Бунак. — Ох как может... Все шлюпки к спуску. Абордажная команда с мушкетонами. Пушки заряжены картечью. Что это еще может означать? Мать моя женщина, садить картечью по черным тюленям... Это... Это... — в глазах у него стоял не рассуждающий ужас. — Это полная погибель души, вот что, любого моряка спросите, это даже не по косаткам палить... Думаете, я один оказался такой сообразительный? Ребята тоже смекнули что к чему, и тут уж в сторонке не отсидишься... Сейчас начнется, верно вам говорю!

— Где капитан?

— На мостике его пока что нет, все приказы шли через штурмана. Первый помощник куда-то запропастился — ох, неспроста... Все же соображают, не дети малые... Ага!!!

Теперь и Сварог слышал звуки, которые при всем незнании с морской жизнью и бытом плывущего в открытом океане корабля никак нельзя было посчитать эпизодом рабочих будней — топотали бегущие, повсюду звучали злые вопли, бряцало оружие, словно бы отзвуки ожесточенной перебранки донеслись, и кто-то отчаянно заорал так, словно его сбили с ног и промчались по нему человек с дюжину...

Он выскочил на палубу следом за палубным мастером, с ожесточенным лицом махавшим обнаженной саблей. Хватило одного взгляда, чтобы понять: все правда, на корабле и в самом деле началось производственное совещание по вопросу о том, как работать дальше — с учетом специфики места и трудового коллектива...

Потом Сварог опытным взглядом понаторевшего в подобных заварушках человека выделил три группы, примерно равные по численности. Одни в несколько рядов стояли перед капитанским мостиком, держа оружие наготове, злооскаленно таращась на однокорабельчан, обуреваемых совершенно противоположными стремлениями: они, потрясая разномастным оружием, орали что-то неразборчивое в сторону стоявшего на мостике Джагеддина. Были и третьи — эти, скорее, выполняли роль зрителей, гуртуясь в сторонке с

холодняком в ножнах и пистолетами за поясами. Вид у них был растерянный, ошарашенный. Не то чтобы они трусили — попросту оказались не в силах пока принять какое-то конкретное решение, выбрать, к какой стороне примкнуть и стоит ли примыкать вообще. Смешно, но самыми опасными, с высоты своего королевского опыта здраво рассудил Сварог, были именно они. Потому что предсказать что-то решительно невозможно. Поди угадай, в какую сторону шатнутся — а ведь могут оказаться тем самым грузом, что вмиг перевесит чашу в ту или иную сторону...

Пока что соблюдалось некое неустойчивое равновесие: и защитники капитанского мостика, и мятежники только орали и махали своими смертоубийственными причиндалами. Не хватало решительных команд, прозвучавших бы в том или ином лагере, каких-то резких действий...

Бунак, очевидно, это тоже уже понял — он врзался в толпу тех, кого поднял на бунт, моментально пробился в первый ряд, работая кулаками, локтями и эфесом сабли, встал вполоборота к шумящим и завопил, перекрикивая всех:

— Байдан на тукан, живорезы, талан на худан! Халопнули хавалки моментально! Король Сварог собственной персоной! Дорогу славному королю!

Вот тут Сварог мог воочию убедиться, что его скромная персона пользуется среди морского разбойного народа известным почетом и уважением — толпа моментально притихла, озираясь, а когда он сделал единственный шаг вперед, молча раздалась, освобождая широкий проход. Вот только времени не было умиляться подобным пустякам... Он не имел ничего против участия в мятеже, но не знал, что должен сказать или сделать...

Вышел в первый ряд, как палубный мастер, встал так, чтобы держать в поле зрения и тех, кто преграждал дорогу на капитанский мостик, и тех, кто бушевал у подножия лестницы. Справедливости ради, следовало отметить, что рожи на той и на другой стороне выглядели совершенно одинаковыми...

Он послал Бунаку выразительный взгляд, и тот, уразумев, в чем дело, взял быка за рога. Крикнул:

— Братишечки, не гомони! Мы с вами не портовая шантрапа, а честные и благородные рыцари удачи! Коли уж возникли к капитану законные вопросы и претензии, пусть все

идет своим чередом, согласно обычаям! Объявляю толковиче по всем правилам! Эгей, капитан, слышали? Согласно стародавним обычаям, морская братия собралась, чтобы вам задать неотложные вопросы, на которые благоволит получить исчерпывающий ответ!

Он чеканил, как по писаному. Это, очевидно, была каноническая формула для подобных заварушек — Сварог, к своему удивлению, увидел, как на палубе мгновенно воцарились тишина и, пожалуй, порядок, большинство сабель отправилось в ножны, ножи — за голенища, а пистолеты — за пояс. Даже те, кто защищали капитанский мостик, одобрительно кивали. Великое все же дело — установления и этикеты...

Совсем близко, не далее чем в морской лиге, виднелся небольшой остров — голые, лишённые всякой растительности скалы, обширная береговая полоса прямо-таки усеяна черными тюленями.

Сварог поднял голову. Джагеддин все так же стоял у вычурных перил, положив на них сильные ладони, форменным образом окаменев. Рядом, скрестив руки на груди, помещалась Марута — далеко не такая хладнокровная, на лице у нее Сварог с радостью усмотрел и беспокойство, и даже некоторую растерянность. Что-то временами касалось его висков, их словно бы щекотал пучок сухих перьев — ну да, ведьма, конечно же, пыталась что-то сделать, она уже пустила в ход нечто из своего арсенала. Но, судя по тревоге на лице, по метавшемуся взгляду, ей не удавалось сделать хоть что-нибудь с многолюдством... Вот и прекрасно.

Бунак крикнул:

— Паруса долой! В дрейф, по правилам! Капитан, лучше бы вам обычаев не ломать...

После короткого молчания Джагеддин, прямо-таки прожигая взглядом сподвижника, поднес мегафон к губам и отчетливо распорядился:

— Убрать паруса, ложимся в дрейф!

Засвистела боцманская дудка — боцман, как определил Сварог, пошарив взглядом, оказался в рядах мятежников — и по вантам проворно побежали моряки из парусной команды. «Интересно, а где же тот? — подумал Сварог. — Фигура с опущенным на лицо капюшоном? В капитанской каюте, надо полагать?»

Марута что-то сказала Джагеддину на ухо, и Сварогу крайне не понравилась улыбка, игравшая при этом на ее розовых губках. Люди на мостике никак не выглядели проигравшими — вряд ли у них ничего нет в запасе...

Он опустил руку на пояс, мимолетно коснулся пальцами рукояти пистолета — колесцовый замок был взведен на полную, кремень ввинчен надежно. В крайнем случае, пустить ей пулю в лоб, а там посмотрим, умеет ли она отводить пули или отклонять вооруженную руку...

Ему показалось, что Джагеддин умышленно его игнорирует, смотрит, как на пустое место, или старательно обходит взглядом. Усмехнувшись уголками губ, капитан громко спросил:

— Что за вопросы и в чем претензии?

— С полным нашим удовольствием! — откликнулся палубный мастер. — Ответьте, капитан, внятно и подробно: какого лешего мы идем к острову, и к чему все эти приготовления? Я, знаете ли, не дите малое, и из всего происходящего делаю единственный вывод: полное впечатление, что вы собираетесь палить по тюленьим лежбищам...

— Вас не устраивает что-то, дружище? — спокойно спросил капитан.

— Нет, ну ничего себе! А кого это устраивает? Ты что, капитан, хочешь сказать, есть более верный способ загубить душу на вечные времена, чем палить по черным тюлям?

Толпа одобрительно загомонил. Даже те, колеблющиеся, закивали, из их рядов слышались первые, робкие поддакивания.

Марута вдруг резко повернулась и исчезла за дверью, ведущей с мостика на лесенку, откуда можно было попасть в капитанскую каюту — и на «Божьем любимчике», и на военных кораблях Сварогова флота примерно такая же планировка, так что не ошибешься.

Вот это ему не нравилось еще больше — отсутствие ведьмы на сцене. Вряд ли струсила настолько, что побежала прятаться под кровать — есть подозрение, как раз наоборот...

— А почему вы, собственно, решили, что мы собираемся палить по черным тюлям? — спросил Джагеддин все тем же спокойным, даже слегка насмешливым тоном.

— А к чему тогда все эти приготовления? — рявкнул Бунак. — Мы идем прямехонько к острову, пушки заряжены картечью, шлюпки готовы к спуску...

— Бунак, Бунак... — укоризненно покачал головой Джагеддин. — Ты опять шум поднял, не разобравшись...

— А что тогда?

— Могу тебя успокоить, у меня совершенно другие планы...

— Интересно, какие?

— А вот это уже совершенно не твое дело, — вкрадчиво сказал Джагеддин. — Коли уж ты ссылаешься на стародавние уставы, так и мне позволь тем же фарватером идти... Сам прекрасно помнишь иные тонкости, договор подписывал, как всякий рыцарь удачи... Капитан в обычное время не обязан отчитываться перед командой в своих действиях и разглашать заранее свои намерения... — он повысил голос. — Я что, не прав?

Сварог бросил по сторонам быстрый взгляд — очень многие, только что яростным ревом выражавшие одобрение Бунаку, теперь кивали, соглашаясь с капитаном.

— Так то — в обычное! — крикнул Бунак. — Режьте меня на кусочки, но время сейчас самое что ни на есть необычное! Ты по тюлениям собрался палить!

— Да с чего ты взял?

— Соображаю же, не дурак!

— Нет, с чего ты взял?

— А зачем пушки заряжены картечью? Зачем мою команду заставили вооружиться картечницами? Зачем все это?

Ухмыльнувшись, Джагеддин сказал, произнося слова так, словно тщетно пытался что-то вдолбить малолетнему несмышленишу:

— Бунак, хороший ты человек, и драчун отменный, но вот с сообразительностью у тебя всегда было слабовато. Я тебе по-хорошему, в который раз напоминаю: есть писанный договор, где четко обозначены все права и обязанности — и членов экипажа, и капитана. Я тебе еще раз говорю: капитан в обычное время не обязан...

Не слушая более, Сварог подошел, взял палубного мастера за рукав и шепнул на ухо:

— Лопни моя селезенка, он попросту тянет время...

— Вот и я так думаю, — зло прошептал Букнак. — Хреновенькие дела. Эта стерва не зря смылась...

— Но надо же что-то делать. Протянем, может плохо кончиться...

— Думаете, я не понимаю? — оскалился Бунак. — Нужен порыв, а его пока что нету... Убалтывает он ребят, чтоб ему...

Сварог его прекрасно понимал — и в самом деле необходим порыв. Необходимо, по крайней мере, чтобы кто-то первым остервенело заорал «бей!», сделал первый выстрел, нанес первый удар... И уж тогда понесется так, что разжигать не придется. Но непохоже что-то, чтобы палубный мастер решился...

— Выстрелить? — спросил Сварог совсем тихо. — С такого расстояния не промахнешься...

— Подождите! — вскрикнул Бунак с изменившимся лицом. — Я ж не хочу, чтобы его убили, его бы в нормальное состояние привести, в прежнее... Это ведь Джагеддин...

— Уверены? — поморщился Сварог.

— Всегда есть надежда...

«Твоим бы хлебалом, сударик, да медок наворачивать», — подумал Сварог сердито. Плохо верилось, что капитана удастся еще вытащить из той поганой ямы, куда он залез по собственному желанию.

А впрочем, это обстоятельство было сейчас не главным. Самой насущной задачей оказалась другая: как поступить? Ему всерьез казалось, что лихой напор, быстрый отчаянный удар по защитникам капитанского мостика вполне мог принести победу. Но палубный мастер, раздираемый меж чело-веколюбивым желанием все исправить и старой любовью к своему капитану, похоже, не годился в предводители. А за Сварогом то ли пойдут, то ли нет... Впереди явственно обозначился тупик. Мятежники на глазах теряют решимость, началась тягучая перебранка, а тем временем...

Вот именно — тем временем! Сварог почувствовал, как кожу на лице ему стягивает словно бы морозом. Из-под двери, за которой скрылась Марута, стали медленно, невесомо выползать завитки темного дыма, напоминавшие те, что заполонили каюту, когда ведьма ухитрилась его себе подчинить. Только эти были гораздо темнее — и гораздо красивее, следовало признать. Они напоминали уже не дым, а скорее аккуратные узоры, наносимые чеканщиком на податливую

медь, они не расплывались, просто-напросто удлинялись, вытягивались, понемногу заполняя капитанский мостик, покрывая чистые доски настила шевелящимся ковром, безукоризненным узором, держась над самой палубой, распространяясь не так уж быстро, но неостановимо, целеустремленно...

Ничего хорошего ждать от этого не приходилось, и не было ни времени, ни желания гадать, что произойдет, когда эта пакость спустится с мостика на палубу, под ноги собравшимся. Вот черные узоры уже скрыли подошвы сапог рулевого, навывтяжку застывшего у штурвала подтекли под ноги штурману, стоявшему слева от Джагеддина с тяжелым двустольным пистолетом в руке. Ничего вроде бы не произошло с обоими моряками, но как-то они примечательно оцепенели, и что-то определенно случилось с их лицами, со взглядами — нечто темное, злобное, принадлежащее не этому миру легло на физиономии, появилось в глазах нечто такое, отчего рука Сварога сама собой оказалась на эфесе.

Не раздумывая, он шепнул Бунаку:

— Если начнется заварушка, не тяните, я вас умоляю...

И, убрав руку с эфеса, спокойно вышел вперед, приблизился к защитникам капитанского мостика, прошелся перед ними гоголем, с рассчитанной медлительностью, фасонно ставя ногу с пятки на носок. Глядя в испуганные, озадаченные, сердитые лица, начал с расстановочкой, по всем правилам тарабарского народа, усвоенным в трюме корабля, чье название так и не успел узнать:

— Ну, что лупалки выкатили, босявые? Гляди веселей, шушара дерганая, не на собственных похоронах жмура давите! Вон ты, длинный, затвори жевалку, ворона влетит, хавиру устроит! Вы что, давно чудасили без увесистых непоняток? Делать нечего, гопота гунявая? Чего в репе чешешь, пузатый? Делать мне нечего, кроме как с вами стучаться посреди потекучки, радости-то... Что мурцаете дуры да шекоталки, не наигрались? Я вам барадаю, а вы прочистите хлюпки и шевелите думалкой, корявые!

Он с радостью видел, что на обращенных к нему физиономиях начинает все сильнее проявляться нечто вроде туповатой радости — с ними говорили на хорошо понятном языке, и это чуточку меняло дело... Ободрившись, Сварог развивал успех:

— Щекоталки попрячьте, бостында позорная, а то еще друг другу зырки повыкалываете! Знает меня кто? Я вам что, чухарь от граблей, что ни одна хлюнда не рисует с профиля и фаса?

В полном соответствии с тактикой подобных толковищ он выбрал себе в качестве мишени пару-тройку конкретных физиономий — и смотрел главным образом на них, обращался главным образом к ним, чтобы послужили катализатором, учено выражаясь. Продолжал громко, бодро, жизнерадостно:

— Вы что, обочинные, не слышали, как вон тот дядька мою звалку голосил на всю толпу?! Ну, кого спрашиваю? Звякните, за правду не чурдану!

Послышался неуверенный, но внятный голос:

— Король Сварог...

И еще несколько, гораздо тише, повторили то же самое.

— Радости полные штаны! — заорал Сварог, косясь на черные узоры, занявшие уже половину мостика и медленно распространявшиеся к балюстраде, к Джагеддину. — Признали наконец, межеумочные! Ну да, все верно. Я и есть Сварог Первый, король Хелльстада, а также иных прилегающих и отдаленных земель... Слышали обо мне, простодыры? Вы уж не посетуйте, ребятки, но случилось так, что захотелось мне поразвлечься, вот и объявился в голом виде, искупнуться в Белой Волне! Вы что, гутявые, решили, что меня спасаете? Да это я вас спасаю от самых крупных жизненных пакостей...

Он извлек из воздуха сигарету, прикурил и выпустил густую струю дыма в лица стоявших совсем близко к нему головорезов. Ближайшие непроизвольно отпрянули. Ухмыльнувшись, Сварог поднял левую руку, согнув пальцы так, словно держал невидимую палку — и в руках у него тут же оказалось горлышко черной пузатой бутылки. Он отхлебнул добрый глоток рома — не столько эффекта ради, сколько по насущной потребности, ради подкрепления куража — резким движением сунул бутылку одной из выбранных мишеней:

— Хлебни путевой дурки, пока король угощает! Кому говорю? Что пятишься? Травить тебя не собираюсь, я ж сам отсюда только что жлоктал...

Поборов опасения, означенный тип с превеликой осторожностью взял у Сварога бутылку, понюхал, моментально

отмяк лицом — и, прижав горлышко к губам, враз покончил с содержимым сосуда.

Сварог покосился на мостик. Следовало поторопиться — черные узоры распространялись хотя и медленно, но крайне целеустремленно и останавливаться пока что не собирались. Вынув из воздуха еще несколько бутылок, он рассовал их в протянутые руки ближайших головорезов и продолжал громко, жизнерадостно:

— Верно вам говорю, господа мои, мне просто пришла охота поразвлечься, и не более того. По-вашему, король Хелльстада может попасть в столь дурацкое положение? Да захоти я плыть не саженками, а на чем-то достойном монарха... Прошу убедиться!

Он эффектно выбросил руку к правому борту в классическом стиле дешевого провинциального трагика, все головы машинально повернулись в ту сторону — и по толпе пронеслось громкое оханье, удивленное и испуганное.

Совсем рядом с «Призраком» покачивался на волне речной пароход, систер-шип достопамятной «Принцессы», надежно пришвартованный к пиратскому кораблю тонким тросом (таково уж было «техническое задание» данного заклипания — при сотворении корабля из ничего он, дабы не уплыл, будет пришвартован к ближайшему берегу или любому выступающему над водной поверхностью предмету). Пароход для Сварога был полностью бесполезен по причине отсутствия экипажа, но кто об этом знал?

Ближайшие от него форменным образом шарахнулись. Кажется, они наконец-то пришли в состояние должной запуганности или уж, по крайней мере, должного ошеломления... Ухмыляясь с видом человека, для которого подобные чудеса — недостойная внимания мелочь, Сварог продолжал:

— Я — человек мирный. Всякий, кто вовремя уберется с дороги или будет слушаться, обычно остается живехонек и здоровехонек... Стоять смирно, шпаргонцы! — рявкнул он, меняя интонацию. — Кончайте базар! Я здесь оттого, что на корабле у вас скверно. Капитан ваш по глупости связался с нечистой силой, вот меня и попросили выправить положение. Ничего с ним плохого не случится, вылечим, я знаю людей, которые это умеют... Расступись!

Глядя, как только что преграждавшие ему дорогу рыцари удачи мгновенно шарахнулись, освобождая проход к мости-

ку, толкая и сбивая с ног друг друга, но понял, что переломил ситуацию. Кивнул палубному мастеру, и тот во главе дюжины самых решительных своих сторонников двинулся вслед за Сварогом к подножию лестницы.

Задрав голову, Сварог резко распорядился:

— Капитан Джагеддин, вы мой пленник! Бросьте оружие!

— Хорошо же вы платите за гостеприимство, король Сварог... — сказал Джагеддин, не шевелясь.

Если он рассчитывал устыдить Сварога, напрасно. Человек, достаточно долго проработавший королем, быстро привыкает к нехитрой мысли: ради общего блага приходится совершать самые неблагоприятные поступки без всякой оглядки на совесть или аналогичные трепыхания души. А поскольку он сейчас не для себя старается, как раз на общее благо, представляя интересы наиболее прогрессивной части пиратов, — совесть молчала, словно была глухонемой отроду.

Он все же задержался на миг на нижней ступеньке. Глаза Джагеддина его поразили — в них мешались самые разнообразные чувства, там была и смертная тоска, и дикая злоба, и растерянность. Словно в этом сильном и храбром человеке насмерть боролись две совершенно непохожие личности — прежняя и нынешняя. Скорее всего, так и обстояло. Но не было времени на отвлеченные умствования, Сварог поднялся еще на пару ступенек, заранее прикинув, как будет действовать, если Джагеддин схватится за меч. Черные невесомые узоры, струясь, переплетаясь, подползали к ногам капитана.

— Взять его! — непререкаемым тоном приказал Сварог Бунаку.

Высоко над головой, где-то на верхушке мачты, заревела труба, повторяя один и тот же, незнакомый Сварогу, сигнал. Настала мертвая тишина, все замерли, как в какой-то полузабытой детской игре, и оттуда, сверху — ага, из корзины на мачте, где торчал наблюдавший за морем часовой — послышался крик:

— Тридцать с руп-нора!

Ничего не понимавший в морских координатах Сварог попросту посмотрел туда же, куда повернулись все.

Прямо на них со стороны моря шел большой корабль под высокими гроздьями белых парусов, он был совсем близко, и под бушпритом сияла позолотой знакомая носовая фигу-

ра — конская голова. Слышно было, как на его палубе свистит дудка. Грациозно скользя по волнам, корабль стал поворачиваться к ним левым бортом, и, еще до того, как удалось бы прочитать название, Сварог узнал светло-коричневый с синими полосами борт (оба ряда пушечных портов распахнуты). Мало было на Таларе кораблей, которые он при всем своем невежестве мог безошибочно узнать издали, — но уж «Божьего любимчика»...

Корабль надвигался, грозный и красивый, и над готмачтой полоскались по ветру три узких и длинных алых выпела — не просто вызов на бой, а на смертельную схватку до последнего. Оцепенение на палубе «Призрака удачи» длилось лишь несколько секунд, а потом раздался громкий, решительный приказ Джагеддина:

— Все по местам! К бою!

Засвиристела дудка, очевидно, повторяя приказ. Затоптали бегущие, и Сварог нереально быстро оказался вдруг в полном одиночестве. Чуть растерянно озираясь, он увидел, что все до единого — и мятежники, и сторонники капитана, и колебавшиеся — моментально забыв и о прежних разногласиях, и о самом бунте, кинулись занимать места согласно боевому расписанию. Ни одного не осталось у мостика. Старая, как мир, история — перед лицом внешнего врага все внутренние распри вмиг забываются...

Джагеддин уже не обращал на Сварога никакого внимания — он метался на мостике и отдавал команды в мегафон. По снастям с невероятной быстротой карабкались вверх люди из парусной команды, слышно было, как под ногами, на орудийной палубе, тяжело перекатывают пушки — ага, у них же все до единой заряжены картечью, которая, надо полагать, в морском бою уступает ядрам, тут свои правила, не те, что на суше...

Не оставалось никаких сомнений, что бунт на корабле провалился самым позорным образом, пусть и по независящим от его активистов причинам, и когда удастся его повторить, одному Богу известно. При нынешних обстоятельствах делать здесь Сварогу было совершенно нечего. Он успел еще заметить, что с началом переполоха черные узоры, конвульсивно содрогнувшись, стали гораздо быстрее сокращаться в размерах, втягиваясь назад — словно киноплёнку пустили задом наперед — но это уже не имело никакого значения.

Подбежав к борту, он прыгнул головой вперед, вошел в воду не особенно изящно, но и не ударившись брюхом. Вынырнул и, ожесточенно загребая, поплыл к недалекому острову, опять-таки не заботясь об изяществе стиля, а лишь о быстроте. Ни ядра, ни картечь не могли причинить ему вреда, но все равно, лучше оказаться подальше от того места, где сводят старые счеты две столь примечательных личности, как капитан Зо и Джагеддин. В конце концов, упавшая на голову мачта и Сварогу не прибавит здоровья, совсем наоборот — а до падающих мачт, сердце вещует, вот-вот дойдет дело...

При каждом рывке тела, приподнимаясь над водой, он видел неисчислимое множество черных тюленей на берегу, слышал уже верещанье детенышей, хруст гальки под плавниками.

Прямо перед ним из воды выметнулись дьявольски проворные черные тела, блеснула гладкая мокрая шерсть, и тюлени, числом с полдюжины, закачались перед ним на волнах, пылливо уставившись огромными темными глазами. Сейчас Сварога совершенно не интересовали все плетущиеся вокруг них рассказы — а также процент правды в таковых. Ему попросту хотелось побыстрее достичь берега.

Ближайший тюлень разинул пасть. Сварог и не думал, что у этих морских зверушек во рту столь внушительный набор клыков — и теперь понимал, что если эта компания накинется на него, шансов останется мало, они были в своей стихии, а вот ему придется туго...

Поплававком бултыхаясь на поверхности, он лихорадочно искал выход. Полагаясь даже не на интуицию, а на примитивное везение, широко развел руками и внятно произнес:

— Ребята, уступите дорогу, а? Видит Бог, я против вас ничего не имею, мне бы на берегу отсидеться...

Разобраться в выражении огромных темных глаз не было никакой возможности, они оставались загадочными и непостижимыми, в точности как женская душа. Бодрости придавало лишь воспоминание о тех самых моряцких байках — никто не слышал, чтобы черные тюлени причиняли людям вред... с другой стороны, здесь их самки с детушками малыми, поди угадай, что им в голову взбредет, от этих островов любой рассказчик как раз заклинал держаться подалее...

Черные тела, крутясь в немыслимых пируэтах, прыгнули в стороны. Дорога вроде бы свободна. Сварог поплыл к совсем близкому уже берегу, кося взглядом по сторонам — черные тела неотступно его сопровождали с обеих сторон, плыли и сзади, и лучше не думать про то, что случится, если эта премилая зубастая петля цапнет за шею, потому что все равно не успеешь помешать, не отобьешься...

Ощувив под ногами твердое дно, он выпрямился и, истекая водой, хлюпая полнешенькими сапогами, вышел на берег в том месте, где он был пуст. Расположившиеся поодаль мамыши сердито на него зафыркали, преграждая дорогу любимым чадам, по несмышленности собравшимся было поближе познакомиться с экзотическим гостем. Писк, визг, хлопанье ластов по гальке, самое настоящее рыканье... Гомон стоял такой, что уши закладывало.

Цепляясь за камни, обдирая ладони, Сварог карабкался на пологую скалу. Пару раз ноги сорвались, хорошо, что не обе сразу, но все же он оказался на вершине. Покрепче ухватившись за скальный выступ, расставив ноги, уставился в море. Ветер трепал ему волосы.

Отсюда, с немаленькой высоты, все предстало в жуткой красоте — корабли сходились, «Принцесса» уже дрейфовала кормой вперед далеко в стороне: кто-то сообразил перерубить канат, чтобы в открытом море речной кораблик не мешал маневрам.

Вследствие невежества в таких делах — а также из читанных некогда романов о морских разбойниках — у Сварога давным-давно сложилось впечатление, что морской бой непременно продлится долго и будет представлять собой нечто вроде замысловатого танца со многими фигурами.

Выяснилось, ничего подобного. «Божий любимчик» оказался за кормой «Призрака», и паруса у того вдруг беспомощно обвисли исполинскими тряпками. Кажется, это называлось «заслонить ветер», припомнил Сварог то ли строки из романа, то ли чей-то рассказ. Изменив курс, капитан Зо развернулся к противнику левым бортом — и «Божий любимчик» словно взорвался вдруг, чуть ли не до верхушек мачт окутавшись клубами тяжелого дыма.

Когда он рассеялся, Сварог увидел, что румпель «Призрака» разбит в щепы, бизань-мачта рухнула, наискосок волочась за кормой, таща за собой всплывшие на поверхность

паруса. «Божий любимчик», по инерции пройдя мимо, разворачивался уже правым бортом. И все повторилось — залп всеми орудиями, стелящиеся над волнами клубы тугого дыма, потерявший управление «Призрак» болтался на воде, как пустая бутылка, на нем вспыхнуло сразу несколько пожаров, и, завершая разгром, с палубы «Божьего любимчика» сорвалось с полдюжины дымных струй, выгнувшись красивыми, геометрически безупречными дугами, обрушились на палубу агонизирующего корабля — капитан Зо добивал противника ракетами с горродельским огнем, огонь охватил «Призрака», словно стог сухого сена.

Расстояние было не так уж велико, и Сварог рассмотрел, когда ветром разогнало дым, что Джагеддин, упершись в палубу широко расставленными ногами, стоит посреди мостика, бьет по струнам виолона, с отрешенным, застывшим лицом, и его губы двигаются, но песни, разумеется, на такой дистанции не слышно...

Потом мостик снова заволокло черным, непроглядным дымом, и Сварог больше не видел капитана гибнущего корабля. «Призрак», пылая, как факел, зарылся носом в воду, вот уже исчез бушприт, вот погрузилось подножие фок-мачты, сквозь дым и пламя ошалело прорывались люди, сыпались в волны, как горох...

Сварог вздрогнул. Он не мог ошибиться, он действительно видел это — из дыма и пламени взвилось что-то, больше всего напоминавшее размытый, черно-туманный силуэт большого нетопыря, поднялось выше, выше, под самые облака, понемногу пропало с глаз, словно растаяв, смешавшись с небесной лазурью. Конечно, могло и привидеться, дым нешуточного пожарища принимал порой самые причудливые очертания — но Сварог мог бы поклясться, что действительно видел нечто, не имевшее ничего общего с обычным дымом...

«Божий любимчик» лег в дрейф. С него спускали сразу несколько шлюпок — с полдюжины направились к тому месту, где из воды торчала лишь корма гибнущего «Призрака», все еще окутанная огнем и дымом, с пылающими лохмотьями горротского флага — Сварог мимолетно полюбовался приятным зрелищем, — а одна, взяв совершенно другой курс, понеслась прямехонько к берегу.

Сварог принялся спускаться, внимательно глядя под ноги — обидно было бы расшибиться именно сейчас, когда все оборачивалось просто прекрасно. Шлюпка остановилась ярдах в двухстах от берега — моряки определенно не решились подойти поближе к запретному месту — и Сварог, на бегу сбрасывая хлюпающие сапоги, неизвестно кому прежде принадлежавший камзол, перевязь с дурацкой саблей, прыгнул в воду, поплыл туда. Тюленья стража, плававшая неподалеку, на сей раз не обратила на него внимания.

Он плыл так, словно спасался от голодной акулы, охваченный жгучим нетерпением, стремясь как можно быстрее оказаться среди друзей — и, при каждом рывке вздымаясь из воды, уже видел на носу шлюпки фигурку в синем, в высоких морских сапогах, с мечом на поясе. Ветер развеивал рыжие волосы, забросил за левое плечо концы длинного белоснежного платка, завязанного на шее по всем правилам морской моды. Мара смотрела на него сверху вниз, покачивая головой с насмешливым видом законной супруги, наконец-то узревшей неведомо где загулявшего беспутного муженька после недельного отсутствия. Ни слезинки в глазах, ни свойственной героиням романов «интересной бледности» — не тот характер, не тот типаж, следовало ожидать...

Несколько рук подхватили его и перевалили через борт. Иные лица выглядели смутно знакомыми, памятными по тому, давешнему плаванию, хотя Сварог и не вспомнил бы сейчас имен. Он уселся в носу, где отыскалось свободное местечко, привалившись поясницей к борту, улыбаясь широко и бессмысленно, протянул:

— А все-таки смерти нет, ребята...

— Это точно, — ухмыляясь, подхватил один из моряков (положительно, и голос знакомый, точно, общались тогда). — Пока мы есть, ее нету, а когда она придет, нас, собственно говоря, уже не будет, так чего ж ее бояться-то, философски рассуждая? С благополучным прибытием, ваше величество. Надо же, справилась старая чертовка, не зря взяли на борт вопреки всем традициям...

Пропустив мимо ушей это непонятное замечание, Сварог повернулся к Маре. Боевая подруга гордо и независимо смотрела на него темно-синими глазами, которые иные придворные поэты-лизоблюды в Равене уже повадились было сравнивать с какими-то самоцветами, воображая, что дела-

ют этим Сварогу приятное и надеясь на щедрое вознаграждение в благородных металлах монетного чекана. Правда, вознаграждения они так и не дождались и притихли после того, как Мара отловила парочку в лабиринтах дворца и пообещала поотрывать руки-ноги, заявив, что мадригалы, по ее глубокому убеждению, следует складывать исключительно о придворных шлюхах, к каковым она не относится...

— Ну, и где тебя черти носили? — поинтересовалась она спокойно.

— Долго рассказывать, — сказал Сварог, идиотски ухмыляясь в пространство. — Иди-ка сюда, я тебя поцелую, а эти господа деликатно отвернутся...

Мара бросилась ему на шею, не дожидаясь, когда моряки и в самом деле отвернутся поголовно. Закинула руки на шею, прижалась щекой так крепко, что у него на миг перехватило дыхание. Тяжко вздохнула, отбросив напускную браваду:

— Сколько было нервотрепки...

— Вы что, меня искали?

— Нет, порыбачить вышли от нечего делать...

— Как вы узнали, что я живой?

Не отрываясь от него, прижавшись щекой к плечу, Мара ответила то ли счастливым, то ли сварливым голосом:

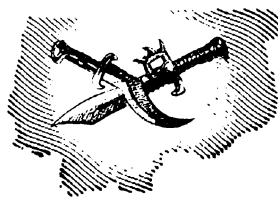
— Вы, должно быть, от тягостных странствий и всех сопряженных с этим переживаний малость отупели, ваше величество... Изволили забыть, что Доран-ан-Тег никто другой не сможет взять в руки, пока жив последний хозяин? Вот от этого мы и стали плясать, когда перерыли там все вокруг и вглубь, но тела не нашли. Вообще-то, честно тебе признаюсь, эта гениальная идея не мне пришла в голову... Бони измыслил. Вот что значит здоровая крестьянская сметка. Ну, Интагар быстренько раздобыл парочку приговоренных к смерти и запустил их в комнату, где лежал топор. И когда топор их тут же... пожурил, все поняли, что ты живехонек. Только неизвестно где — а это уже проще, когда есть полная определенность. И начались поиски... Потом расскажу.

Сварог осторожно отстранил ее, заглянул в лицо. Нет, конечно, в глазах не было ни единой слезинки, но все равно, Мара смотрела на него так, что жить на свете становилось гораздо веселее, и душа пела от глупой гордости — это была его девушка на вечные времена, его красавица, подруга бо-

евая, кошка рыжая... Он оцепенел от нежности, что с ним редко случалось.

Корабль был уже совсем близко, и сверху смотрели, ухмыляясь во весь рот, и некий король, прыгнувший на эту должность прямиком из беглых крестьян, и некий барон, не так давно воровавший кошельки в Равене, и некий природный граф, и остальные друзья, при виде которых Сварог забыл о всех печалях.

Часть IV

ПО ТУ СТОРОНУ
ЛЬДА

Глава 1

ТРЕТЬЯ КОРОНА

Старая колдунья Грельфи, вопреки своей обычной сварливости, казалась сейчас полностью умиротворенной и всецело довольной жизнью.

— Что ни говори, а есть в морях обхождение и утонченность, которой сухопутным не всегда хватает, — сообщила она. — Душа радуется, глядячи, как они заботятся о дряхлой немощной старушонке, корочкой скудной поделились, не забыли, что старуха — тоже человек, и глотку промочить ей хочется, как всякому...

Вот тут она, по старому обыкновению, приbedнялась на полную катушку. На столике перед ней стояла бутылка не просто «Семи якорей», а того отборного сорта, что запечатывают синим сургучом, а место пресловутой сухой корочки замещали блюдо с изюмом и тарелка с розовой ветчиной. Между делом, между фразами старуха прихлебывала ром отнюдь не воробьиными глоточками, столь же обстоятельно подкрепляясь заедками, благо зубы у нее были все до единого при себе, хоть проволоку перекусывай.

Сварог, неторопливо расхаживая по каюте, сделал пару шагов в сторону — и за ним тут же повернулась, словно стрелка компаса, черная корявая деревяшка, насаженная на костяной шпенок, каковой, в свою очередь, торчал из толстого, в палец толщиной, пласта высушенной кожи, в незапамятные времена

принадлежавшей некоей весьма экзотической и, несомненно, огромной твари, про которую как-то не тянуло расспрашивать. Сварог и не слыхивал, чтобы сейчас обитали монстры с подобной шкурой — тут уж явственно пахло вымершим драконом.

Перехватив его взгляд, старуха сказала с законной гордостью:

— Оказалось, не такая уж я слабосильная и никчемная, кое-что еще могу... Как, может быть, догадываешься, твое величество, этой механизмой я тебя и искала, а кораблю оставалось только плыть в соответствии с указаниями, понятия не имею, чья это шкура, больно уж стародавняя, но про нее мне, как видишь, не соврали. До сих пор работает, зараза... Так, значит, вернемся к твоей головоломке... Дымные орнаменты, говоришь, с черными искрами, говоришь... И сопротивляться ты не смог, завалила тебя эта Марута, как драгун кухарку... Твое величество, я тебе, конечно, верю, но мужики есть мужики. Скажи честно, она тебя и в самом деле заморочила или ты, мягко скажем, не особенно брыкался? По твоим же собственным описаниям, девка молодая, смазливая, а ты, уж прости за правду, верностью одной-единственной, по моим жизненным наблюдениям, что-то не блещешь...

— Так и было, как я рассказывал, — сумрачно сказал Сварог без малейшего раздражения. Он раз и навсегда постановил однажды, что злиться на вздорную старуху не стоит по причине ее полезности. — Она меня лишила всякого желания сопротивляться. Грельфи, но ведь это неправильно? На меня не действует магия...

— Любезный мой, — ухмыльнулась старуха. — Тебе никогда не говорили, что магия напоминает юриспруденцию — масса скрупулезнейших оговорок, подстрочных примечаний, злокозненных уточнений?

— Слыхивал, — кратко ответил Сварог.

— Ну так что же ты дурачком прикидываешься? Тебе, золото мое, нельзя причинить магией вред. Усек? В настоящей магии — а не в том ее карикатурном подобии, что пестуется наверху — есть два четко выраженных понятия: «вредный вред» и «безвредный вред». Вот от «безвредного вреда» ты как раз нисколько не застрахован, и лучше бы тебе об этом никогда не забывать в твоей путаной и богатой приключениями жизни, иначе крупно влопаешься когда-нибудь. «Безвредный

вред» — соображаешь? Вот, скажем, тебя никак нельзя заставить сожрать помимо воли целого барана или выпить единым махом ведро вина — обычное, в шесть гарнцев. Потому что у тебя от этого переверотит кишки, и даже ты, чего доброго, скончаешься безвременно. А вот от того, что ты часок покувыркался с молодой приятной давалкой, ни малейшего тебе вреда не выйдет... Понял?

— Да, примерно такую казуистическую оговорку я и подозревал, — сказал Сварог задумчиво. — Был похожий случай...

— Вот так-то! Заруби себе на носу эти тонкости, пока не вляпался в очередной «безвредный вред»... — она хмурилась, временами тихонько бормоча что-то под нос, поглядывая на потолок в своей обычной манере размышлять над чем-то серьезным. — А вот если мы займемся расплетанием загадки... Почему она, уже определенно зная — не могла не просечь! — что обморочить тебя не удастся, решила тем не менее завалить тебя в койку... Уж извини, не такое ты мужское сокровище всех времен и народов, чтобы у нее потекли слюнки и возникла неодолимая тяга перепихнуться... В душу пропащую через семь мостов!

С ее изборожденного морщинами лица мгновенно слетело всякое легкомыслие, глаза сверкнули так колюче, недобро, что Сварог остановился посреди каюты, охваченный нехорошими предчувствиями. Он что-то и не припоминал такого выражения лица у старой хрычовки...

— Мне бы оч-чень хотелось ошибиться, но, боюсь, все так и обстоит, — сказала Грельфи без тени веселости. — Во-от оно как... Ну, все сходится... Ты уж, конечно, кончил от всей души, прости старушеницу за интимные подробности... Ну, твое величество...

Слыхивала я о таких ухватках, имевших место быть в стародавние времена, но на моей памяти не случилось, вообще давненько не случилось, точно тебе говорю...

— Чего — не случилось? — спросил Сварог настороженно, уже не ожидая ничего хорошего.

— Вообще-то я тебя черными пророчествами пугать не собираюсь. Признаться по совести, предсказания у меня всегда были слабым местом, в этом искусстве не преуспела...

— Да? — невесело усмехнулся Сварог. — А помнится, во время нашей первой встречи вы мне четко и определенно предсказывали судьбу, довольно долгую речь произнесли...

— Это были не предсказания, — отрезала старуха. — Это было, если точно формулировать, туманное предвидение будущего. В самых общих чертах. А настоящие предсказания всегда гораздо более конкретные.

— Ну, не скажите, — возразил Сварог. — В свое время некая дама, именуемая Лесной Девой, взялась предсказывать всей нашей честной компании. Речь шла именно о предсказаниях, я точно помню. Точнее, о том, как нам суждено умереть. Иным она говорила предельно конкретно, иным — именно что туманными, общими фразами: мол, берегитесь того или этого...

— Слышала про такую, — сказала Грельфи. — Серьезная дама, что уж там. А что до конкретностей... Видимо, дело все заключалось в том, что кому-то из вас на роду столь неопровержимо написан тот или иной конец, что не остается никаких неясностей... а иные могут и избежать слабо предначертанного, если станут чего-то нехорошего беречься... — она пытливо уставилась на Сварога. — Я надеюсь, тебе она предсказывала в туманных фразах?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Пожалуй, в этом случае ничего еще не потеряно, а? Есть шансы увернуться...

— Пожалуй, пожалуй... — и вдруг старуха, явственно охнув, наклонилась вперед, впилась в него не сердитым, а, пожалуй что, оторопелым взглядом. — Дура старая, теряю хватку... Что она тебе напорочила?

— «Бойся своей крови», — сказал Сварог. — Нет, не совсем так... Ага! «И своей крови остерегайтесь». Вот теперь я цитирую совершенно точно, словечко в словечко. Да, еще она мне советовала остерегаться мостов, то же, что и вы когда-то... Что касается мостов, я с тех пор...

Он замолчал, испугавшись увиденного. Старуха, побледнев, уставилась на него так, что он невольно обернулся — не возникло ли за спиной некое чудище? Нет, никого и ничего, хоть обычным взором смотри, хоть магическим...

— Дубины стоеросовые, — сказала Грельфи почти незнакомым, севшим голосом. — Ты — оттого, что не озаботился посоветоваться со знающими людьми сразу же, а я — потому что не сопоставила сразу, не догадалась, а ведь следовало бы. Ну конечно. Остерегайся своей крови... Тебе не приходит в голову, что это означает? Да то, очень может статься, что остерегаться тебе нужно собственных детей... по крайней мере, одного из таковых...

— Полагаете...

— Весьма даже полагаю! — отрезала старуха. — Если эта тварь с самого начала все затеяла для того, чтобы занять от тебя ребенка — дела скверные. От лара и ведьмы может народиться такое, что... Я даже гадать не берусь, и без того оторопь берет. И, между прочим, этот самый плод любви вовсе необязательно будет к родному папеньке испытывать хотя бы тень сыновней или там дочерней любви или хотя бы дружеского расположения. Случались в старые времена, как выразился бы наш Леверлин, прецеденты... Лар и сильная ведьма... Кому как, а мне холодно делается при одной мысли о том, что за ублюдок получится... В том смысле, что личность это будет весьма незаурядная — и такая головная боль, для тебя первого, что...

Даже не следовало уточнять, шутит она или говорит всерьез — при одном взгляде на ее застывшее лицо становилось ясно, что шутками тут и не пахнет.

— Ладно, — совсем тихо сказала Грельфи. — Авось да обойдется. Еще необязательно, еще не факт, чтобы именно в этот раз... Но я тебя всерьез умоляю, твое величество: впредь, ради собственного блага, будь поосторожнее со своим, извини за прямоту, семенем. Не оставляй где попало и в ком попало, уяснил? Это, конечно, не предсказание, это весьма для тебя полезный совет. Если уж Лесная Дева однажды сказала... Впредь поосторожнее!

— Ну, в конце концов... — сказал Сварог, натянуто улыбаясь. — Она ведь наверняка погибла. Ее не было среди спасенных, я специально выяснял у боцмана. Я, правда, видел, как с гибнущего корабля улетело нечто, этаким стусок тумана...

— Я, промежду прочим, тоже видела, — сказала колдунья. — Ясно и отчетливо. Это не ведьма... Не знаю, что это такое, но уж безусловно не ведьма. То создание, что корабль взял на борт в Винете, вот тебе и весь сказ. Ни в коем случае не ведьма...

— Вот видите, все благополучно решилось само по себе, — сказал Сварог с наигранной бодростью. — Если вы, с вашим опытом и умением, ручаетесь, что та тень была не ведьмой...

— Ручаюсь.

— То все обстоит прекрасно. Она погибла. Или попала под ядро или утонула. Давайте рассуждать логично: если не она была той тенью, если ее не оказалось среди тех, кого подобрали из воды шлюпки «Божьего любимчика», если никто не видел

ее в волнах... Что отсюда истекает при логичном рассуждении? Только одно.

— Твоим бы хлебалом да медок наворачивать... — задумчиво протянула Грельфи. — Могло, конечно, обернуться и по-твоему... Потому что никакой ведьмы на корабле я не чую. Хотя, знаешь ли... Я не настолько самонадеянна, чтобы себя полагать самой сильной на свете мастерицей, вполне может оказаться, что кто-то сильнее меня...

— Но как?

— Как-как, об косяк! — огрызнулась старуха. — Можно подумать, ты один умеешь напирать личину. Кстати, самое простенькое заклинание, чтоб ты знал — я об изменении внешности. В нашем деле с подобных обучаться начинают. Обернулась зачуханным матросиком, мужского, естественно, пола — и замешалась среди пленных...

— И вы ее не чувствуете?

— Если она сильнее, могу и не почуять.

— Ну, тогда все не так уж страшно, — сказал Сварог. — И довольно просто. Мы стоим в порту на якоре, пленные заперты в трюме под надежной охраной, пока что ничего необычного на борту не произошло, иначе давно сыграли бы тревогу. Если она среди пленных, мы ее найдем. Я поговорю с капитаном.

— И не откладывай, — сказала Грельфи. — А если мы ее обнаружим... Ради твоего же блага следует эту девку незамедлительно проводить на аккуратный штабелек сухих поленьев, или, не мудрствуя, проткнуть чем-нибудь серебряным. Если только у тебя нет к ней нежных чувств после известного общения...

— Откуда? — жестко сказал Сварог.

— Вот и прекрасно. Нужно ее прикончить, не откладывая — если, конечно, найдем. Если она не уплыла, обернувшись какой-нибудь морской тварью — а что, некоторые умеют...

— Как ее ухитрились в Готаре захомутать? — произнес Сварог, скорее размышляя вслух.

— Значит, был там кто-то знающий, который потом, при твоём там воцарении так и не объявился, привыкнув, видимо, жить без огласки. Вот что мне в голову пришло... Есть ведь заклинания, позволяющие вытащить из памяти все, что человек когда-то видел или слышал. В памяти все сохраняется, даже если человек полагает, будто забыл все начисто...

— Ну да, — сказал Сварог вяло. — Я и сам умею. Научили наверху.

— Вот и вспомни все в точности. Как все было, кто ее сводил с костра... Каждую мелочь вспомни.

— Я вам даже без заклинания скажу сразу, что с костра ее сводил я сам, — сказал Сварог. — Прекрасно помню. А детали... Ну что ж... Все кончено, мы с Леверлином хозяева положения, барон убит, стража капитулировала... Я им велел немедленно освободить Джагеддина и девушку, они послушались, веревки на Джагеддине разрезали быстро, а с ней отчего-то замешкались, я их выругал, подошел, сам стал резать кинжалом веревки... Самые обычные были веревки, они у меня сейчас перед глазами — грубые «самопрядки»... нет, постойте! Было что-то еще! Она была привязана к столбу веревками... и, кроме этого, ее с ног до головы опутывал, опять-таки привязывая к столбу, какой-то шнурок... шерстяной, как мне представляется, разноцветный, черно-бело-красный, цвета были выражены отчетливо...

— Ага! — удовлетворенно сказала Грельфи. — Не оскудела старуха умом и сообразительностью... Был у них знаток, точно! Самая натуральная «ведьмина путанка», голубчик мой! Из шерсти пряденая, в три цвета окрашенная — и, голову даю на отсечение, еще и нашептанная, потому что сама по себе, без нужных нашептываний, она немногого стоит. Все понятно теперь. Кто-то у них знал толк в спутывании ведьм. Ей ни за что не освободиться было, гореть бы ясным пламенем, да тебя принесло, благородного избавителя с лубочной картинки, принца Перситана-Злат-Венец недоделанного... А не видели ли вы там, часом...

В дверь постучали, с неуклюжей моряцкой деликатностью. Сварог, не медля, пошел открывать. За порогом стоял боцман Блай, чертовски колоритный, как во времена их первой встречи — и крепко держал за локоть, поставив перед собой, понурого палубного мастера Букана, живого и невредимого. Дружески ухмыляясь Сварогу, боцман пояснил:

— Извините, что беспокою, но этот вот сукин кот с потонувшей лоханки надоел часовым хуже навозной мухи. Квадранс без передыху рвется из трюма, кричит, будто имеет сообщить вам что-то невероятно важное и срочное... Сначала ему хотели, не мудрствуя, как следует надавать по шее, но я решил, мало ли что...

— Давайте его сюда, — сказал Сварог, посторонившись. Бесперемонно затолкнув пленного в каюту, боцман привалился к дверному косяку и, ласково касаясь пальцами разнокалиберного оружия на широком кожаном поясе, непререкаемым тоном объявил:

— Я уж тут постою, в сторонке. Народец известный, мало ли как обернется...

Букан лишь покосился на него, ничего не сказал, мрачно вздохнул. Вид у него был потерянный, он, сразу видно, переживал свое нынешнее положение крайне тяжело и не питал особенной любви к окружающим.

— Не смотрите на меня так, — сказал Сварог терпеливо. — Я ваш корабль не топил, сами знаете.

— Все равно вы тут — свой человек, сразу видно...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Точно подмечено. Я здесь среди старых друзей. Вы вроде бы не самый плохой на свете человек, любезный мой палубный мастер, но не ожидаете же вы, что я рассорюсь со своими старыми друзьями только оттого, что вы с ними не в дружбе? Вы сюда пришли, чтобы меня упрекать в выборе друзей, или у вас другая, серьезная нужда?

— Капитан погиб, — пробурчал Букан, глядя в пол.

— Я знаю, — сказал Сварог с некоторой мягкостью. — Можете мне поверить, отнюдь не пылаю злорадством по этому поводу. Скажу вам больше, капитан Зо тоже не намерен злорадствовать. Что тут скажешь? Такова жизнь... Итак?

— Эта стерва была тут, — сказал Букан, ни на кого не глядя. — Лично мне эта компания, — он мотнул понуро опущенной головой в сторону благодушно ухмылявшегося Блая, — никак не по нраву, но это одно, а ведьма — совсем другое... Короче, она, гадина, уцелела. Она обернулась, понимаете? Нас спаслось человек тридцать из всей команды...

— Не «вас спаслось», дражайший мореплаватель из-под горротской «кляксы», а мы вас благородно подобрали в шлюпки, — любезнейшим тоном поправил боцман Блай. — А могли бы и картечью шарахнуть или просто оставить бултыхаться в открытом море. Улавливать нужно такие нюансы и ценить благородное обхождение...

— Блай! — с досадой сказал Сварог.

— Да я просто нюансы расставляю...

— Потом как-нибудь, ладно? — сказал Сварог. — Ну-ну, продолжайте!

— Нас спаслось человек тридцать... — сказал Букан. — Я цеплялся за обломок, и неподалеку оказался какой-то странный тип — на вид ничего особенного, невидный, молодой такой, шупленький, с перепуганной рожей... Тогда мне в голову не пришло, в чем заключается странность — не до того было, не отошел еще от... случившегося. А потом, когда нас благородно поместили в трюм, благородно дали жратвы и питья, когда было время поразмыслить, я и сообразил... Не было у нас на борту такого типа, понимаете? Корабль — это вам не столичный город с его многолюдьем, на корабле всех прекрасно знаешь, все наперечет... Но тот тип был мне совершенно незнаком. Так вот, теперь его нет. Когда нас загоняли в трюм, он был среди всех... а теперь его нет. Я нарочно обошел весь трюм, присмотрелся... Нет его больше, понимаете?

Боцман Блай, подпирая косяк, тарачился в потолок со страдальчески скептическим видом. Весь его облик показывал, что он воздерживается от едких замечаний исключительно из уважения к Сварогу. Что поделать, он попросту не понимал, о чем идет речь...

Зато Грельфи понимала. Она вскочила со стула так, словно на ней не висело груза прожитых лет, одним скачком оказалась перед палубным мастером и торжествующе заорала:

— Ага, вот оно! — и добавила печальнее: — Но раз я ее не чуяла, она, погань молодая да ранняя, точно, сильнее... Что же, что же... Или невидимкой сделалась, хотя я и не пойму, какая ей от того выгода, или... Боцман, у вас на корабле крысы есть?

Блай пожал могучими плечами:

— А на каком корабле их нет? Есть, конечно. И прекрасно, по-моему, когда на корабле не остается крыс, дела, соответственно, плохи...

— Или — крысой ушмыгнула, — убежденно сказала Грельфи.

— Полагаете? — очень серьезно спросил Сварог.

— Запросто. Ведьма она, судя по всему, сильная, а значит, умеет оборачиваться. Если ушмыгнула — ищи ветра в поле. Сегур, конечно, остров невеликий, но все же и не клочок. Чтобы отыскать на нем одну-единственную крысу — к тому же, с человеческими мозгами, — целой армии будет мало, да ее у нас под рукой и нет...

— Вы про что? — спросил Блай, недоуменно поворачивая голову то к ней, то к Сварогу.

Грельфи менторским тоном сказала:

— Про ведьму. Которая обморочила Джагеддина, а потом замешалась в толпу в облике ничем не примечательного матросика... и, подозреваю, смылась из трюма, обернувшись крысой. Вас это, надеюсь, не удивляет, милейший боцман?

— Святая правда, — серьезно поддержал Сварог.

Блай поскреб пятерней в наголо бритом затылке:

— Ну, вам-то я верю, милорд... то есть, ваше величество, да и нашей старушке тоже. Ведьма, говорите? А что тут удивительного, мы с капитаном видывали вещи и диковиннее... Думаєте, сбежала?

— Нужно проверить, — сказала старуха. — Пойдемте-ка, не откладывая. Сильнее она там или нет, но от «трижды сбрызнутого сита» еще ни одна ведьма не спряталась, не припомню я такого случая... Пошли!

Она первой ринулась к двери, пылая азартом и боевым задором, следом заторопился Блай, подталкивая меланхоличного пленного. Сварог вышел на палубу последним, он никуда особенно не спешил, справедливо полагая, что в данном случае будет лишь путаться под ногами у специалиста, а значит, Грельфи прекрасно обойдется и без него.

«Божий любимчик» мирно стоял на якоре в захиревшем порту города Сегура, столицы одноименного крохотного королевства, осколочке некогда обширной и богатой земли, девятьсот лет назад по каким-то неведомым причинам ушедшей под воду. Столица, которую сейчас Сварог наблюдал, стоя у борта, являла собою жалкое зрелище — поскольку во всем этом кукольном королевстве жило-поживало тысяч десять народу, не более. Кое-где еще сохранились величественные, почти не развалившиеся здания, построенные в незапамятные времена былой обширности и славы — они были разбросаны на значительном пространстве, а меж ними то теснились гораздо менее презентабельные современные домишки, то зияли обширные пустые пространства, заросшие лесами. Вид был удручающий, конечно, но за девятьсот лет местные как-то приспособились. Так уж вышло, что крестьян и ремесленников тут осталось крайне мало, именно они в первую очередь и бежали из медленно погружавшейся в глубины моря страны, а дворян осталось огромное количество. И пропитания ради им волей-неволей пришлось освоить занятия, до того почитавшиеся

презренными. И рыбачить в море выходили, как миленькие, и рубанком научились орудовать.

Нынешний Сегур являл собою зрелище редкостное. На каждом шагу — что отметили многочисленные книжники — тут можно было встретить бакалейщика, гончара, а то и пахаря, щеголявшего в прапрадедовской золотой цепи или пращуровых золотых шпорах. Девять десятых всего населения составляли дворяне, но подлинно дворянский образ жизни вели сотни три из них, не более, а прочие зарабатывали на жизнь всевозможными ремеслами, в том числе даже теми, что относились к самой низшей Железной гильдии. Одним словом, географически-политическо-экономический курьез — при том, что страна обладала всеми правами взыправдашнего королевства и гордо лелеяла свою независимость (потому что, собственно говоря, захватывать ее не было никакой необходимости, проще оказалось взять в аренду сохранившиеся порты, как и поступили оборотистые ганзейцы, потому что никакой другой пользы из владения этим островком никак нельзя было извлечь).

Стоявший неподалеку Бони, узрев Сварога, почесал брюхо и довольным тоном сообщил:

— Жуткая дыра, просто даже невероятная. Посмотреть приятно. Я-то думал, что задрипаннее моего Арира на свете не сыскать, а вот, поди ж ты, выходит, есть королишки и гораздо площе... Куда это бабка понеслась, как ужаленная?

— Да пустяки, — сказал Сварог, опершись на планшир и бездумно глядя на вздымавшиеся над дремучими лесами могучие башни. — Ведьму ловят...

— А, ну если бабка взялась, то поймает непременно. Нет, ну дыра просто невероятная...

— Не пыжьтесь, ваше королевское величество, — усмехнулся Сварог. — Позволю себе вам напомнить, что здесь кроме этого вот убожества есть еще и красавица Сегула — а второго такого города нет во всей Империи. Сам я ее видел только на рисунках, но зрелище фантастическое...

Бони стоворчиво пожал плечами:

— Ну да, конечно, Сегула... Хотя... Знаешь, командир, как у нас говаривали? На хрена тебе краса, когда мимо рта проходит колбаса... Я не про красоту говорю, а про хозяйство. Хозяйство, согласишься, у них по сравнению с моим, убогое.

— Помнится мне, ты свой Арир клял на чем свет стоит...

— Так это между своими, — сказал Бони. — А теперь я, получается — глава государства в заграничной поездке, должен гордиться своей державой, хоть тресни... — однако голос у него был все же унылым. — Командир, у нас когда-нибудь начнет... веселуха? «Призрака» топили без всякого абордажа, так что даже не довелось кулаками помахать. Рыжей вон повезло...

— А что такое? — моментально насторожился Сварог.

Бони, охнув, даже зажал руками рот совершенно крестьянским жестом. Вид у него мгновенно сделался сконфуженный в высшей степени.

— В чем дело? — рявкнул Сварог.

— Она просила тебе не говорить...

— Р-разнесу по кочкам вдребезги и пополам, — сказал Сварог. — Ты в молчанку не играй, я ведь не шучу нисколько... Что она опять устроила, неугомонная душа? По роже твоей видно, во что-то снова впуталась... Бони!

Верзила виновато вздохнул:

— Я-то думал, она быстренько обернется, ты и не узнаешь ничего, да дело, видать, затянулось... Прости, командир, она очень уж просила, а я ее уважаю чертовски, хоть и шучу над ней иногда. Да ты не волнуйся, чтоб она, да не справилась... Она их всех на три головы выше.

— Короче! — рыкнул Сварог, потеряв всякое терпение.

Появившись с грацией дрессированного медведя, каких до сих пор водят по иным ярмаркам, Бони сказал:

— Тут такое дело... Она, понимаешь, пошла становиться здешней королевой.

— С ума вы, ребята, сошли? — спросил Сварог совершенно серьезно. — Как это — становиться королевой? Здешняя коро-на что, на дороге валяется?

— Ну, не совсем, но что-то вроде того, — сказал Бони, всем своим видом неуклюже и бездарно изображая раскаяние. — Утречком, на рассвете, ты еще спал... Приплыл на лодочке здешний купец, из тех, что поставляют на корабли разные припасы и прочее, в чем есть потребности, начал, как водится, рассказывать здешние новости, вот и выяснилось... Видишь ли, командир, у них тут недели две назад помер тогдашний король, не оставив прямых наследников. И образовался совершеннейший тупик. Прямых наследников нету, а всевозможных претендентов, тех, что начали заявлять права на основании всевозможных старинных генеалогий, набралось чуть ли не пол-

сотни. И у многих нашлись подпевалы и сторонники, должна была завариться нешуточная каша с неизвестным финалом. Но вреда от этой смуты было бы немерено, сам понимаешь, — пока угомонятся, разнесут тут все вдребезги и пополам... Одним словом, собрались трезвомыслящие люди, а с ними заодно и ганзейские коменданты, которые тут арендуют три порта из трех — этим заварушка и вовсе ни к чему. Потолковали, помудрили и решили, как в седую старину, устроить «суд божий». Никогда не слышал? Дело, в принципе, нехитрое, у нас в деревне еще на моей памяти случалось. Скажем, мы с тобой повздорили из-за права на выгон, и ни я, ни ты не можем железно права доказать. Дают нам по дубине и устраивают суд божий — кто, значит, на ногах останется, тот и прав. Вот и здесь кто-то вспомнил... Короче, претенденты будут драться по всем правилам дуэли — разобьют на пары, сколько их ни есть, те, кто победит, потом будут резаться меж собой... и так до тех пор, пока не останется один-единственный. Каковой, что твердо постановило высокое собрание, и будет провозглашен королем по всем правилам, и этот приговор обжалованию не подлежит. Мара, как услышала про такое дело, взвилась, как ракета — она ж, ты сам помнишь, давно себе в башку втемяшила, что непременно станет где-нибудь королевой. Вмиг отыскала одного из ганзейских капитан-бургомистров, он в два счета подтвердил перед собранием и ее дворянские права, и титул, и все воинские чины, которыми ты ее сам обвешал... Получилась полноправная участница. Она сказала, если кто тебе донесет, по гроб жизни не простит... Ты уж извини, мы будить тебя не стали... Потому что всеобщее мнение такое: наша Мара их тут всех уделаёт, как кутят.

Ледяным тоном Сварог осведомился:

— Хочешь сказать, это уже началось?

Бони, не тревожа золотую цепочку драгоценных часов, протянувшуюся поперек объемистого, обтянутого зеленым бархатом чрева, по старой крестьянской привычке, чисто автоматически взглянул на солнце:

— Да не то чтобы началось, а давненько продолжается...

— Сколько их там, претендентов долбанных?

— Человек двести набежало, всякий дворянин имел право...

Лихорадочно делая подсчеты в уме, Сварог протянул:

— Двести пополам... сто пополам... и далее... получается семь или восемь этапов...

— Ну и что? — невинно вытаращился Бони. — Для нашей Мары это шелуха...

— Ага, — сказал Сварог сквозь зубы. — Шелуха. Но мало ли что... Мало ли какие бывают случайности: нога на траве сорвалась, солнце ударило в глаза...

— Командир, все образуется. Если бы я один так думал — а то ведь все до одного, вся наша старая компания рассуждала в точности так же. Ни один не пришел тебя разбудить. Ты бы видел, какие у нее были глаза... Второго такого шанса у девки, может, в жизни не выпадет, она бы нам не простила ни за что. Мы ее все любим, уважаем, невозможно было препятствовать...

— Мать вашу... — сказал Сварог сквозь зубы.

Он смотрел на убогую столицу, но нигде не видел многолюдства, оживления, суеты — очевидно, отборочные соревнования, чтоб их черти взяли, проходили где-то далеко отсюда.

— Во-он в той стороне... — робко подсказал Бони, угадав, видимо, его мысли. — За той башней, где крыша обвалилась — нынешний королевский дворец и это самое... ристалище. Отсюда не видать. Но народишко оттуда еще не потянулся, так что все, надо полагать, продолжается оговоренным образом...

Сварог решительно не знал, что ему делать. С одной стороны, он прекрасно знал, на что способна Мара, столько раз видел ее в более жутких переделках. С другой же... Случайности и в самом деле возможны, настигали самых искусных витязей, даже легендарный Шугута-Семь-Мечей, говорят, однажды споткнулся о паршивую степную черепаху, из-за чего и был смертельно поражен клинком противника... Или подобных случайностей с Марой попросту не может случиться? Черт, что же ей было тогда предсказано? Ага, беречься солнца. К обычной жизни это, пожалуй что, не имеет отношения — ведь солнце, что ни день, сияет над головой... Солнце в гербе? В гербе того, кто нанесет ей однажды смертельный удар? Еще какая-то казуистическая хитрушка?

— Командир... — ободряюще вякнул Бони.

— Молчать, — отрезал Сварог сквозь зубы.

Ничего нельзя было изменить, и он остался стоять у высокого фальшборта, от которого уютно, успокоительно пахло мокрой древесиной — видимо, совсем недавно устраивали приборку палубы, она была еще влажная. Солнце безмятежно светило над головой, непонятно, стоит ли связывать его с про-

рочеством или подразумевается что-то совершенно иное, чего никто не может предугадать...

Подошел капитан Зо. Постоял рядом, выжидательно покашливая, потом спросил:

— Это ведь та самая девушка, что плыла с вами на «Невесте ветра»?

— Да, — сказал Сварог.

— Право же, на вашем месте я за нее не особенно беспокоился бы. Бугас как-то признавался мне за чаркой, что, встречаясь с ней взглядом, испытывал легкую оторопь. Весьма многозначительное признание в устах Бугаса, который в жизни не боялся никого и ничего — разве что опасался, что однажды в открытом море может закончиться ром. Тогда я был удивлен, но впоследствии, когда она поднялась на палубу... Есть у нее в глазах этакая... целеустремленность.

— Сколько угодно, — сказал Сварог ядовито. — Этого-то у нее не отнимешь...

— Я, конечно, мог бы отправить на берег команду... но, сдается мне, ничего этим не изменишь. Она первая не захочет...

— Не озабочивайтесь, капитан, — сказал Сварог. — Все обойдется.

— Вот что... Те, в трюме, вам будут не нужны, когда ваша... старушка закончит свои дела?

— Они мне абсолютно неинтересны.

— Тем лучше, — облегченно вздохнул капитан Зо. — Мне, признаться тоже. Высажу их на берег, и пусть убираются на восемь сторон света. — Он помолчал, лицо у него было грустное. — Знаете, я чувствую какую-то дурацкую опустошенность. Слишком долго у меня был враг — настоящий, заядлый, непримиримый, и при всем при том достойный враг, можно сказать, благородный. И вот теперь дело покончено. Я все время ловлю себя на том, что вовсе не радуюсь, что мне теперь будет чего-то не хватать... Вам такое ощущение знакомо?

— Вряд ли, — сказал Сварог. — Вам можно позавидовать, капитан — враг у вас был достойный и благородный. А мои смертельные враги — столь подлая публика, что я, заранее можно говорить с уверенностью, буду чувствовать только радость... Кстати, мои поздравления. Я видел бой от начала и до конца. Вы управились так быстро и эффектно, что это достойно восхищения...

Капитан Зо был откровенно мрачен:

— Скажу вам по совести... С прежним мне вряд ли удалось бы справиться так легко. Вчера это был совершенно другой человек, и теперь, когда я знаю причину, мне еще более горько. Вы думаете, она еще в трюме?

Сварог оглянулся:

— Судя по физиономии нашего знатока и эксперта, сомневаюсь...

Физиономия Грельфи, в самом деле, была лишена всякого оптимизма и выглядела, скорее, удрученно. Отводя глаза, старуха грустно сообщила:

— Точно, ушмыгнула, стерва этакая. В трюме ее нет... и там нет того морячка, что нам описал ваш знакомый. Хотя он, правда, был там, именно такой, это и другие подтверждают, но потом незаметно как-то перестал там быть...

— И никаких шансов найти ее на острове?

— Поди найди, — вздохнула Грельфи. — Попробовать-то, безусловно, стоит. Тут есть какая-то полиция, как же без нее, может, есть и знатоки. Нужно будет для очистки совести описать внешность, предложить солидную награду за живую, как говорится, «золотом по весу». Конечно, привлекут кучу совершенно неповинных бабенок, но, чем черт не шутит... Куча золота порой людей подвигает на самые невероятные свершения... Вашей казне это не такой уж убыток. Хотите, я устрою все на берегу?

— Сделайте одолжение, — сказал Сварог мрачно, глядя на берег. На палубе стали появляться один за другим доблестные сподвижники — и все до одного держались в стороне со сконфуженным видом. Сварог молча погрозил им кулаком, и они кучкой собрались у борта чуть поодаль, только Бони торчал рядом, очевидно, полагая, что получил уже свою взбучку.

Сварог поневоле вздрогнул, когда где-то в глубине города, за той самой башней послышался громкий, пронзительный треск и в воздух взлетели, рассыпаясь синими и красными огнями — цвета здешнего флага, кажется — яркие огни фейерверка. Крайне походило на то, что экзотическая церемония закончилась каким-то конкретным результатом.

Вскоре появилась процессия, неспешно двигавшаяся от крайних домов прямехонько к набережной. Первым отреагировал Бони с его острейшим зрением — тяжело подпрыгнул, позабыв о королевском достоинстве, в восхищении молотя кулаками по планширу, заорал:

— Я ж говорил, чего беспокоиться!

Не прибегая к заклинаниям, Сварог попросту взял у капитана подозрную трубу, выдвинул сверкающие бронзовые колена. Облегченно вздохнул — во главе пары дюжин празднично разодетых субъектов (все сплошь титулованные, судя по соответствующим коронам на головах) безмятежно вышагивала Мара. Над ее простоволосой рыжей головкой колыхались знамена, штандарты и вексиллумы, и замыкала процессию кучка музыкантов, производившая изрядный шум. Итак, следовало признать, что рыжая кошка все же добилась своего — и лишний раз напомнить себе, что к предсказаниям Лесной Девы следует относиться с величайшей серьезностью, как же иначе, если они помаленьку сбываются...

Вся компания осталась у подножия трапа, с таким видом, словно и не собиралась расходиться. Музыканты умолкли. Мара поднялась на палубу, остановилась перед Сварогом со своим всегдашним гордым и независимым видом.

Он так и не произнес вслух ничего из того, что вертелось сейчас на языке, — не смог опошлить своими нравоучениями торжественный момент. Ее глаза сияли такой радостью, что у Сварога язык не повернулся изрекать взрослые, благоразумные, рассудительные банальности. Все равно пропали бы втуне, ушли, как вода в песок. Перед ним стояло юное создание, добившееся осуществления своей мечты — и какие тут, к черту, нравоучения...

Он присмотрелся. На боевой подруге не было ни царапины. Синий камзол в нескольких местах запачкан темными пятнами, о происхождении которых не могло быть двух мнений. Белоснежный некогда шейный платок помят и перепачкан пылью, как и кружевные манжеты, гланский берет куда-то запропастился, спутанные рыжие волосы опять-таки в пыли — но Мара, целая и невредимая, держалась невероятно браво.

Рядом откашлялся капитан Зо, произнес со всей приличествующей случаю вежливостью:

— Полагаю, из увиденного можно сделать вывод, что вас следует поздравить с королевским титулом?

— Да вот, знаете ли... — улыбнулась Мара с напускной небрежностью. — Пожалуй что. Неопровержимый факт, который никто более не берется оспаривать...

— Поздравляю, — сказал Сварог с ледяной вежливостью. — Восхищен вашей отвагой и предприимчивостью, дорогая...

Прочитав в его взгляде все невысказанное, она легонько пожала плечами и, полагая, что принесла тем самым исчерпывающие извинения, сказала ему как ни в чем не бывало:

— Процедура оказалась удручающе скучной. Большую часть времени пришлось, как дуре, торчать в сторонке и ждать, пока эти пентюхи завершат свое, пока начнется следующий тур...

— Понятно, — сказал Сварог.

— Не смотри на меня так, — ухмыльнулась Мара. — Ты не поверишь, может быть, даже будешь смеяться, но я там не оставила ни единого жмурика. Говорю тебе, пентюхи собрались невыразимые, подавляющее большинство — я не о моих конкретных противниках, а вообще — выходило из схватки не то что «при невозможности продолжать бой», а «при первой крови». Ручаться можно, три четверти из них оружие в руках держали впервые в жизни... хотя, конечно, попало несколько хватких ребят, и эти-то дрались всерьез... Но, повторяю, на моей совести нет ни одного жмурика.

— Поздравляю, — сказал Сварог. — Поне-много взрослешь, значит.

Она пропустила колкость мимо ушей — была сейчас на седьмом небе. «Звезда моя, — подумал Сварог, — дама моего сердца, положить бы тебя на колено и обработать широким военным ремнем, да ведь поздновато уже...»

— Капитан, — сказала Мара. — Вы не возражаете, если придется задержаться здесь еще на денек? Они назначили на завтра коронацию, нужно приготовить все как следует, украсить город, подогнать корону под мою голову... К утру обещали все сделать.

— Разумеется, ваше величество, — ответил капитан Зо, не моргнув глазом. — Недостойно было бы лишать вас заслуженного триумфа. К тому же мне сейчас, откровенно говоря, совершенно нечего делать, и я после коронации готов отправиться куда угодно, ввязаться в любую авантюру, если найдется добрая душа, которая мне ее предложит...

— Ловлю вас на слове, капитан, — сказал Сварог серьезно.

Он огляделся. Посторонних поблизости не было, только капитан и обступившая их Странная Компания, уже воспрянувшая духом и смекнувшая, что выволочки не будет. Тем не менее Сварог понизил голос:

— Ладно. По мне, завтрашний день — целиком твой, заслужила. Но послезавтра утром, если вы не возражаете, капитан, я попрошу бы вас сняться с якоря и взять курс на Хай Грон. Коли уж вы всерьез жаждете авантюры, охотно вам помогу...

— Вы имеете в виду что-то конкретное? — невозмутимо спросил капитан Зо.

— Я, конечно, могу и ошибаться, господа мои, — сказал Сварог, обведя всех взглядом. — Иногда лучше не питать напрасных надежд, чтобы разочарование не оказалось слишком сильным... Но, понимаете ли, я всерьез начинаю думать, что догадался, где может быть скрыто Копье Морских Королей и что оно собой представляет...

Глава 2

ХРАМ НА СКАЛЕ, КОРАБЛЬ В МОРЕ

Сварог, вовсе не стремившийся занять почетное место, скромно устроился рядом с Марой в третьем ряду столпившейся на шканцах команды «Божьего любимчика» и внимательно слушал чиновника в серо-голубом вицмундире ронерского министерства таможен. Тот, держа перед собой тщательно развернутый лист плотной бумаги, читал монотонно, но громко и внятно, отчеканивая каждое слово. Оглашал очередным гостям острова принятые здесь правила поведения — и с особым смаком, с расстановочкой просвещал насчет наказаний за нарушение таковых.

Наказания разнообразием не блистали и гуманизмом не отличались. Собственно, наказание тут было только одно. За любую попытку произвести в храме Руагату пусть даже мельчайшие разрушения — смертная казнь. За потаенный пронос на берег любых инструментов и приспособлений, способных послужить для причинения храму повреждений — смертная казнь. За самовольный выход за городскую черту с наступлением темноты — смертная казнь. За передвижение по острову в дневное время без сопровождения чиновника — смертная казнь. За самовольное причаливание к берегу вне городской черты на любом плавсредстве, будь то корабль, лодка, «а также

любой другой плавающий предмет, позволяющий человеку с его помощью держаться на поверхности воды» — смертная казнь. То же самое было обещано и пловцам, рискнувшим бы вылезти на берег вне поименованных пределов. И напоследок тот же печальный финал гарантировался любому, кто выйдет за городскую черту, имея при себе спички либо иные приспособления, предназначенные для добывания огня.

Строгости, конечно, были из ряда вон выходящие, но, как легко догадаться, сводились они к одному — не допустить, чтобы кто-то причинил храму ущерб, неважно, ударом кирки или поджогом. В заключение чиновник взял у капитана судовую роль, потребовал поклясться что здесь присутствуют поголовно все, находящиеся на борту и устроил перекличку. Вот теперь стало совсем скучно. Сварог рассеянно поглядывал на подлюжины неприметных субъектов, стоявших за спиной чиновника неровной шеренгой. Так и зыркали глазами по лицам. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться об их профессии. Шпиков тут было не меньше, чем солдат, те и другие, вместе взятые, составляли добрых девять десятых населения острова — ну, а оставшиеся работали в порту и в городе (а впрочем, наверняка и среди них шпиком был каждый второй).

Сердиться было бесполезно — все эти драконовские меры придуманы еще несколько тысяч лет назад и оставались неизменными, какие бы реформы и нововведения ни происходили в большом мире. Все без исключения державы Виглафского Ковенанта, даже крохотный Сегур, принадлежавший отныне Маре, держали здесь солдат и шпиков. С незапамятных пор действовало еще одно нерушимое правило: здешние контингенты обязаны были сохранять в отношении друг друга строжайший нейтралитет, даже если пославшие их державы сходились в ожесточеннейшей войне. Одним словом, все было подчинено стариннейшему поверью, к которому все относились отчего-то предельно серьезно: разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет всемирный потоп, не уступающий Шторму. Никто, ни один книжник, ни один деятель тайных служб не мог объяснить Сварогу, почему так повелось, — так было всегда, с незапамятных времен, и точка.

Были у него кое-какие смутные догадки на сей счет, но для того, чтобы их проверить, следовало убедиться, что он не ошибся в главном...

Он встрепенулся, вернулся взглядом ко второму слева шпику. Они встретились глазами, и тот удивленно округлил свои, всмотрелся, полагая, очевидно, что ему мерещится, судя по лицу, убедился, что не ошибся. У него даже челюсть стала помаленьку отвисать, но Сварог украдкой, из-за плеча впереди стоящего грозно показал кулак, прижал палец ко рту. Человек, опомнившись — как-никак работал на сем поприще не первый год, — придал лицу самое безразличное выражение.

Как же его зовут? Баркаль, Барналь... Ага, Барталь! Советник Барталь из ронерской морской разведки, согласно правилам всего месяц назад представлявшийся Сварогу по случаю своего назначения на эту именно должность — резидента на острове Хай Грон. Адмирал Амонд отзывался о нем в самых лестных выражениях, как об усердном, растущем и перспективном кадре. Ну что же, можно сказать со всей уверенностью: усердия у него не отнимешь. Усерден настолько, что самолично встречает прибывшие корабли, притворяясь рядовым тихарем. А может, дело даже не в усердии — им всем должно быть здесь чертовски скучно. Здешняя служба считается почетной, высоко оплачивается, запись в чиновничьем или военном формуляре о службе на Хай Гроне много значит для карьерного роста, но скука тут необычайная: женщин мало, кабаки наперечет, развлечений никаких, поневоле волком завоешь...

Сварог показал глазами в сторону берега. Неизвестно, понял ли его советник, но взгляд своего короля уловил...

Закончив чтение, чиновник обвел всех бдительным, суровым взглядом, словно предупреждал: «Смотрите у меня!», скучным голосом поинтересовался, не будет ли у кого вопросов, не требуется ли кому-то вторичное разъяснение — и, встретив общее молчание, привычно свернул казенную бумагу в трубку, выдал капитану разрешение на вход в порт и направился к шлюпке, на которой прибыл. Шпики потянулись за ним.

Боцман Блай засвистал в свою дудку Соловьем-разбойником. Парусная команда проворно полезла на мачты, палубные бросились к кабестану поднимать якорь — согласно здешним правилам «Божьего любимчика», как и всякое другое судно, заставили встать на якорь в полулиге от берега, пока не закончатся неизбежные формальности. Палуба почти опустела.

Сварог посмотрел в сторону берега. Увиденное полностью отвечало почерпнутым из книг описаниям. Остров был невелик, лиг пять в длину и не более двух в ширину. Он почти

сплошь состоял из голых скал, если не считать узкой прибрежной полоски, где расположился небольшой городок. На вершине скалы — тот самый, легендарный храм.

На вид — ничего интересного или необычного. Стандартный храм, посвященный морскому богу Руагату: колонны вместо стен, крыша из нескольких куполов ярко раскрашена разноцветными красками в виде чешуи, фронтон выложен мозаикой. Те, кто бывал внутри, заверяли Сварога в свое время, что и там нет ничего интересного или необычного — храм как храм, иные даже побогаче.

Сварог и не собирался туда тащиться по вившейся вдоль скального откоса дорожке, прекрасно отсюда различимой — она была гораздо светлее дикого камня, ступени едва ли не отполированы бесчисленными любопытными. Паломниками их вряд ли можно назвать — просто-напросто издавна считалось, что людям с достатком, неважно, какой веры они придерживаются, следует хоть раз в жизни посетить храм, о котором с давних пор говорится: «Пока он стоит — стоит мир». Циники, впрочем, уверяли, будто эту так называемую традицию придумали наживавшиеся на морских перевозках купцы, заинтересованные в стабильном доходе и для себя лично, и для наследников...

«Предположим, я не ошибся», — подумал Сварог. Предположим, она и сейчас там, под скалой. И что дальше? Сколько дней придется бродить по дну, прежде чем отыщется туннель? А если он давным-давно завален камнями во время подвижек земной коры так, что и следа не сыщешь? Если он цел, но вход намертво задраен люком исполинских размеров, способным открыться только... по кодированному радиосигналу, скажем? Что тогда?

Ничего, не стоит заранее нагонять на себя тоску. Он как-никак оставался королем, в каковом качестве располагал нешуточными возможностями — и вдобавок был не последним человеком при дворе императрицы. Главное — отыскать вход, а остальное приложится...

«Божий любимчик» остановился у каменного причала, матрос бросил на берег канат и прыгнул следом, проворно обмотал его вокруг чугунной тумбы.

— Вы собираетесь на берег? — спросил Сварог.

Капитан Зо покачал головой:

— Только если вам непременно надо, чтобы я сопутствовал в каком-нибудь предприятии... для меня тут нет ничего интересного. Дыра жуткая...

— Ну, в таком случае поскучайте немного на борту, хорошо? — сказал Сварог. Обвел суровым взглядом Странную Компанию. — И вы тоже, голубчики, за известное нарушение дисциплины остаетесь без берега... Мара, не дуйся, тебя это не касается. Кого-то одного мне все равно придется взять — мало ли что...

Он решительно шагнул к трапу, быстро спустился на берег, оглянулся. Советник оправдал его ожидания — он торчал поодаль, со скучающим видом подпирая плечом стену лабаза.

Почувяв поживу, на Сварога с Марой тут же накинута орава торговцев с лотками — крохотные копии храма и всевозможнейших материалов, от дерева до золота, смотря на чей кошелек, бляхи и чеканка с тем же храмом, ложки и вилки, расписные тарелки, фигурки Руагату и косаток, прочая дребедень...

Сварог рыкнул на них так энергично и недвусмысленно, что они моментально разбежались. Неторопливо пошел вдоль набережной, кивнув советнику. Тот догнал его деловой походочкой, пристроился рядом, негромко спросил:

— Мы можем говорить открыто?

— Да ради Бога, — сказал Сварог. — Почему бы нам не быть старыми знакомцами? Только, разумеется, не стоит именовать меня величеством на людях и в полный голос, я здесь инкогнито...

— Я понимаю, — кивнул советник.

— Вот и прекрасно... Развлекаетесь, Барталь? Я о вашем появлении в облике рядового тихаря. Или это какая-то важная операция?

— Да нет, — смущенно ответил Барталь. — Скучно здесь невероятно, служба поставлена, все работает как часы — местная специфика, знаете ли... Рад вас приветствовать, лауретта. Вы меня, конечно, не помните, но я вас видел во дворце, в Ронеро...

Сварог, ухмыляясь, сказал негромко:

— В жизни лауретты произошли существенные перемены, Барталь. Теперь ее гораздо уместнее с полным на то правом именовать «ваше величество»...

Барталь просветлел лицом:

— Вот как? Мои поздравления, от чистого сердца! Не считите за лесть, но вы себе нашли достойную супругу, ваше величество, вы составляете прекрасную пару...

Он осекся. Мара возмущенно и яростно уставилась на него так, словно собиралась в следующий же миг вздернуть на ближайшем уличном фонаре или, не затрудняясь поисками веревки, придушить самолично. Бедняга советник вмиг сообразил, что ляпнул что-то не то.

— Э-э... Вы неправильно поняли, Барталь, — сказал Сварог, едва подавив смех. — Графиня вовсе не выходила за меня замуж, она теперь сама королева. Королева Сегура.

— Ох, простите... — пролепетал сконфуженный советник. — Я и не подумал... Известия доходят с опозданием, таши отчего-то перестали работать, в качестве источника новостей остались лишь прибывающие корабли...

— Ничего, — великодушно сказал Сварог. — Вы и не могли знать, это эпохальное событие произошло всего десять дней назад, мы прямиком с Сегура, и ни один корабль не мог нас обогнать... Значит, у вас сплошная скука?

— Да, невероятная. Событий нет. Странности, правда, то и дело происходят. Вот взять хотя бы горротцев...

Сварог приостановился, повернулся к нему, мгновенно отбросив ленивое безразличие:

— Что за горротцы?

— Понимаете ли, три дня назад в порту отшвартовался очень странный корабль. Зовется он «Радуга», плавает под горротским флагом. Бумаги в совершеннейшем порядке, ни к чему придраться невозможно. Однако... Согласно документам, это — жемчуголов. Вообще-то ничего удивительного, к закату от Хай Грона, всего в парочке морских лиг и в самом деле есть отмели, где частенько бывают жемчуголовы из разных стран. Вот только корабли у жемчуголовов совершенно другие, уж я-то разбираюсь! Обычный, классический жемчуголов — это небольшое суденышко, шхуна, барк, порой гукор. А «Радуга», любой понимающий человек вам подтвердит — классический морской грузовоз. Большой двухмачтовый галеон с огромным грузовым люком, с полусотней человек экипажа. Посылать такую громадину на добычу жемчуга — это все равно, что отправлять покупателя один-единственный пирожок или книгу на пароконной повозке...

— А чем они занимаются? — спросила Мара.

— В том-то и дело, что вроде бы ищут жемчуг... Говорю «вроде бы», потому что сам у них на борту не был. Но они и в самом деле что ни вечер выходят в море, в сторону жемчужных отмелей, возвращаются только к утру. Только не к отмелям они уходят, а до рассвета крейсируют неподалеку от берега, к закату от острова. Но вот уже две ночи отряжаю людей наблюдать за ними со скал. Вчера ходил сам, до рассвета проторчал... Они бросают якорь, стоят на якоре пару часов, потом перемещаются на некоторое расстояние, и все повторяется сначала. Ни разу с корабля не прыгали ныряльщики. Ни разу! Чем они занимаются, совершенно непонятно. Каждую ночь... А вчера пришли три горротских военных корабля. По объяснениям флаг-капитана, решили устроить тут маневры. Знаете, что самое интересное? Каждую ночь они болтаются в море примерно в том самом месте — так, словно прикрывают «Радугу». Никто ничего не понимает.

— И что вы намерены делать? — спросил Сварог подлинно королевским тоном.

— Я? — взглянул на него советник с неприкрытым удивлением. — Я ничего не могу сделать. Потому что они не нарушают никаких предписаний. Никто ни разу не пытался высадиться на берег — уж в этом-то случае им бы выписали на полную! Ночью — да и днем — на берегу полно патрулей, секретов, замаскированных наблюдателей... Но они ни разу не приблизились к берегу, ни разу не спускали шлюпки, никто не пытался достичь острова вплавь... Что тут поделаешь? Никому не запрещено хоть целый год подряд самым странным образом отираться возле острова. Как не запрещено и устраивать маневры в надлежащем отдалении от берега. С точки зрения действующих регламентов, утвержденных державами Ковенанта, они в своем праве. Ни у кого нет оснований предпринять против них какие-то действия. Остается лишь наблюдать... и ломать голову. Ведь это все неспроста, должна быть какая-то цель, ясное и логичное объяснение...

— А версии у вас есть? — подумав, спросил Сварог.

— Версии... Ничего в голову не приходит. Разве что — клад. В конце концов, не они первые. С давних пор кружат рассказы, будто в окрестностях Хай Грона лежат на дне сокровища, как это обычно случается, всплывают неведомо откуда сомнительные карты, объявляются «совершенно точно знающие место» субъекты, надувают простачков... Но ведь ни разу не быва-

ло, чтобы кто-то нашел здесь клад. И потом... Предположим, на дне и в самом деле лежит клад. Но они ведь не спускают ни ныряльщиков, ни тралы! Просто стоят на якоре там и сям... Разве что у них на борту какой-то маг или другой колдун, он и ищет...

— А вы что, слышали о таких колдунах?

— Не приходилось как-то, — признался советник.

— Я тоже не слышал, — сказал Сварог. — А днем они, значит...

— Днем они смирнехонько стоят в порту. В первый день кое-кто из команды ходил в храм, но только в первый...

Что-то крутилось у Сварога в голове, некие детали, никак не складывавшиеся в цельную картину... Клад. Поиски. Поиски чего-то под водой... Мать твою, в тридцать три морских черта!

Конечно, он мог ошибаться, но никто об этом не узнает, кроме него, так что стоит попробовать...

— Слушайте внимательно, Барталь, и не задавайте никаких вопросов, — сказал Сварог самым внушительным тоном, на какой только был способен. — Вы мне сейчас покажете издали эту «Радугу». А потом отправьте в море лодку с надежными людьми. С такими, что не станут болтать и задавать вопросы. Они должны бросить якорь в открытом море на расстоянии... скажем, сотни ярдов от берега, прямо напротив «Радуги». Пусть притворяются, что ловят рыбу, что ли... Это будет выглядеть убедительно, или нет?

— Почему же? Многие от нечего делать выходят на рейд порыбачить...

— Вот и отлично, — сказал Сварог, сдерживая нетерпение. — Но это еще полдела. Они должны опустить в воду — незаметно для окружающих, понятно — какой-нибудь достаточно большой и яркий предмет, чтобы он оказался достаточно близко ко дну и мог служить надежным ориентиром для того, кто будет... — он чуть было не выпалил «идти» и вовремя спохватился, — плыть над дном. Все понятно?

— Честно говоря, ничего непонятно, но выполнено будет в точности.

— Прекрасный ответ, — сказал Сварог. — Далеко пойдете, Барталь, я вам обещаю...

...Глубина была небольшая, и он издали увидел «достаточно большой и яркий предмет», попросту говоря, большую ярко-красную скатерть с серебряной бахромой, неизвестно

где раздобытую Барталем в сжатые сроки, укрепленную на канатике наподобие вексиллума, за два угла. Подошел совсем близко, повернулся к ней спиной и, временами оглядываясь через плечо, зашагал по дну в сторону берега. Сразу ясно, что здешние места давным-давно обжиты человеком, — мусора на дне, разнообразнейшего, было столько, что Сварог почти все время смотрел под ноги, а не перед собой, обходил кучи хлама, состоявшего порой из самых неожиданных предметов вроде дверей и даже ржавого плуга, которому здесь решительно нечего было делать по причине полного отсутствия на острове пригодной для вспашки земли. Поразительно просто, как любит человек гадить везде, куда только доберется... И никакими грозными королевскими указами эту привычку не побороть.

Чертыхаясь про себя, Сварог все же добрался до набережной. Выпуклое днище горротской «Радуги» нависало над ним продолговатым темным облаком. Оттолкнувшись от дна обеими ногами, он поплыл вверх. Ухватившись за нижнюю оконечность массивного румпеля, извернулся и, цепляясь ладонями за обросшие морскими ракушками — черт-те сколько не кренговались, раздолбай — широкие доски, скорее пополз, чем поплыл вдоль кия.

Остановился. Присмотрелся к тому, что обнаружил, оттолкнулся от кия, проплыл вдоль всей явственно видневшейся линии, четко выделявшейся вдоль днища. Подумал с радостью, что вовсе не выглядит дураком, — наоборот, угодил в самое яблочко.

В днище горротского корабля был проделан большой люк, состоявший из двух продольных широких створок. Если представить его распахнутым, в него прекрасно пройдет некий предмет ярдов шести, а то и восьми в длину, не менее трех-четырех в ширину. Кораблям такие люки совершенно ни к чему, если не считать одного-единственного случая. «Ай да я, — подумал Сварог, — ай да мыслитель, ай да проницательный ум! Уважать себя начинаешь втрое больше против прежнего...»

Назад он вернулся минут через двадцать. Всплыл на поверхность — такой же голый, как полдюжины матросов с «Божьего любимчика», бултыхавшихся неподалеку от борта, старательно изображавших, что это их любимое занятие, которому они предаются в любом порту. Могут ведь быть у людей свои маленькие причуды? Мало ли на свете чудачков...

К нему обернулись, и он сказал ухмыляясь:

— Все, ребята, можно вылезать...

И первым подплыл к трапу с деревянными перекладинами, проворно взобрался наверх, принял от Мары огромную простыню, стал вытираться. На него выжидательно смотрели капитан Зо с боцманом Блаем и Странная Компания в полном составе.

— Я все-таки великого ума человек, если кто сомневался, — сказал Сварог и моментально стал серьезным. — Господа мои, это они. У них в днище не люк, а сущие ворота. Есть только одно-единственное объяснение. И мы обязаны их взять...

Глава 3

СОКРОВИЩЕ ХАЙ ГРОНА

Неподалеку от Сварога заскрипел румпель, поворачиваясь тяжело, неспешно, и «Радуга» отвалила от причала, обремененная двумя пассажирами, не включенными в судовую роль, не платившими за проезд, совершенно нежеланными для всех, кто был на борту. Но поскольку никто не подозревал о «зайцах», ни малейшего перепелоха не случилось.

Корабль понемногу набирал скорость, покинув рейд, и Сварог ощущал сопротивление воды, словно сильный ветер в лицо. От его макушки до поверхности моря было что-то около пары ярдов, он висел, распластавшись на борту, вцепившись в четыре бурава, которые сам полчаса назад и ввинтил в доски обшивки со всеми предосторожностями, по миллиметру, чутко прислушиваясь, не раздастся ли над головой, на палубе, подозрительный шум, означавший бы, что все открыто. Обошлось. Никто и не подозревал о его присутствии на острове — человека, дышавшего под водой так же легко и непринужденно, как на суше.

Никто не подозревал также, что на корме, над румпелем, под далеко выступающей надстройкой, примостилась Мара — единственная на тысячи морских лиг вокруг, кому этот номер был по плечу. Она бесшумно подплыла к корме гораздо позже Сварога, перед самым отплытием «Радуги», когда убедилась, что на корабле начали поднимать паруса. И бесшумно вска-

рабкалась по обшивке, цепляясь за доски надетыми на ладони и ступни железными браслетами с набором острейших зазубренных крючьев, — отправляясь в морское плавание, конечно же, прихватила свой мешок с уймой полезных приспособлений, способных довести до инфаркта иного гуманиста. Повисла, держась прочно, словно вбитый в доску гвоздь, — совершенно неразличимая издали фигурка в мешковатом одеянии с капюшоном. Ночью, известно, все кошки серы, даже рыжие...

Нельзя сказать, что он разместился с комфортом, но скорость была все же невелика, и Сварог ничуть не опасался, что его оторвет от борта напором воды. Когда прошло не менее десяти минут, он выпустил загнутую дугой железную рукоятку бурава, держась одной правой, достал из ножен кинжал и, выбросив руку над головой, медленно всадил прочное лезвие в щель меж досками. Потом повторил левой ту же манипуляцию с другим кинжалом. Теперь он ногами стоял на рукоятках буравов, а руками цеплялся за рукояти кинжалов, и его голова поднялась над водой. Вполне могло оказаться, что от его варварских манипуляций в трюме возникла течь, но она была совсем крохотная, и озабочиваться этим не стоило — совсем скоро на корабле должны были развернуться события, после которых экипажу будет не до присмотра за водой в трюме...

Огромная желтая луна — то бишь Семел — стояла высоко над морем, почти в зените. Очаровательная ночь для влюбленных — и препакостная для грабителей, которых на большой дороге видно за версту. Уже с большим знанием вопроса Сварог моментально вспомнил, что на «тарабарской музыке» подобная ночь именовалась «дохлым времечком», а то и «худявой темнушкой».

Огни города и порта остались позади, за левым плечом. Корабль шел в полулиге от берега, мимо голых скал, которые только казались издали — что днем, что ночью — совершенно дикими, какими были с сотворения времен. На деле же они за тысячелетия покрылись невидимой с моря сетью переходов, укрепленных гнезд и местечек для засады. Там сейчас полно солдат, бдящих недреманно, а кое-где, растолковал Барталь, и пушки замаскированы.

Наверняка где-то на приличном отдалении уже дрейфовали корабли горротской эскадры — и «Божий любимчик» уже должен выйти в море. Со своего наблюдательного пункта Сварог недалеко мог видеть, но прекрасно знал, что все именно так

и обстоит. Горротцы просто обязаны выйти в море, прикрывая бесценную лоханку под названием «Радуга», а капитан Зо подвести не в состоянии, хотя, строго говоря, вовсе не обязан был ввязываться в Свароговы эскапады. Однако он, не балуясь ненужным красноречием, спокойно кивнул: «Можете на меня рассчитывать», и этого достаточно...

Нельзя было особенно затягивать — поди угадай, где на сей раз бросит якорь «Радуга»... Тем более что Сварог уже видел даже из своего неудобного положения ярко светивший синий фонарь, неподвижно замерший на скале ярдах в пятидесяти над водой — условный сигнал Барталя. Вряд ли фонарь этот мог всполошить кого-то на борту «Радуги» — мало ли по какой причине могут разжечь огонь охраняющие остров солдаты, не обязанные давать заезжим путешественникам отчет в своих действиях...

Мара тоже увидела фонарь, Сварог в этом убедился, услышав над головой едва слышные царапающие звуки — услышал только потому, что ждал их и воспользовался «чутким ухом». Поднял голову и самым обычным человеческим взором, вовсе не усиленным с помощью «кошачьего глаза», увидел бесформенный силуэт, бесшумно скользивший по борту сначала параллельно водной глади, а потом снизу вверх, к перилам кормовой надстройки. Слово явление призрака или легендарной Серой Погибели — совершеннейшая тишина, только слышно, как тихонько журчит рассекаемая форштевнем вода, поскрипывают снасти да лениво перебрасываются неразличимыми тихими репликами люди на капитанском мостике...

Забавно, но сейчас он несколько не опасался за Мару. На Сегуре, во время того дурацкого состязания, боялся какой-нибудь глупой случайности, а сейчас — ни капельки. Когда она работала, Сварог не раз убеждался, не бывает ни осечек, ни глупых случайностей...

Мимолетно оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что он пребывает на своей позиции, Мара столь же бесшумно достигла подножия толстых деревянных балясин. Несколько секунд висела в неподвижности, а потом взметнулась наверх, на мостик, столь неуловимым для глаза рывком, что Сварог попросту не заметил броска — миг назад она висела на борту, и вдруг ее уже нет на том месте... Сварог напряг слух. Едва слышный стук, что-то мягко осело на палубу, легкое звяканье, чуть

различимый ухом скрежет, протяжный звук, словно по палубе проволокли мешок...

И — тишина. А потом над головой раздался сухой деревянный стук, словно кто-то бежал вдоль забора, чертя по нему палкой — это разворачивался сброшенный сверху Марой трап, и ступеньки тархтели по борту.

Ухватившись обеими руками за нижнюю, Сварог подтянулся на руках, поставил ногу на добротную оструганную перекладину и полез наверх со всем проворством, на какое был способен.

Перемахнув через перила, огляделся, оценивая ситуацию. Все было в совершеннейшем порядке, зачистка проведена на совесть: в углу, скорчившись, лежал неподвижный человек, второй распростерся у штурвала, третий крест-накрест повалился на него. Ни у кого из них не было в руках оружия — ну, конечно, где им было успеть, когда над перилами возникло нечто бесшумное и стремительное и, не потеряв ни мига, начало работать...

Море было спокойным, и корабль, лишившись управления, пока что не рыскал, по инерции шел тем же курсом, штурвал лишь чуть-чуть поворачивался вправо-влево.

С мачт раздались громкие удивленные возгласы — это моряки из парусной команды заметили Мару... Ага, понятно почему. Она стояла сейчас на месте, судя по пронзительному скрипу кабестана, опускала якорь. Ага, цепь загрохотала в клюзе...

Не теряя времени, Сварог схватил с крюка на перилах зажженный фонарь, пребывавший там согласно морскому регламенту, вмиг отодвинул заслонку и, направив отражатель в сторону берега, сделал несколько широких взмахов, словно красил забор.

Чуть ли не через пару секунд от скал отделились две шлюпки и, вырвавшись на большую воду, понеслись к кораблю со всей возможной скоростью, так что весла, должно быть, трещали и гнулись. Сварог оглядел горизонт. Справа и позади, не менее чем в полулите, виднелся один из горротских фрегатов, пока что спокойно дрейфовавший. Ага, второй — справа и впереди, тоже довольно далеко, а третьего что-то не видно, но он, конечно, где-то поблизости...

С кормы приближался «Божий любимчик», идущий под всеми парусами, нацелившийся загородить «Радугу» от обоих

горротцев. Шлюпки летели к борту, как на больших адмиральных гонках, уже слышно было, как знакомый голос рыкает:

— Нав-вались, навались, осьминога вам в задницу! Навались!

А на другой шлюпке, ни в чем не уступая Боцману, орала Тетка Чари:

— Навались, гунявые, бабку вашу в перехлест через клюз!

«Как же они на борт?» — подумал Сварог исполошенно, но тут же успокоился — при такой небесной иллюминации все еще висевший за бортом трап прекрасно виден с воды...

Только теперь на «Радуге» нашлось достаточно людей, осознавших нешуточную опасность и спешивших принять меры. Под ногами у Сварога, в помещениях кормовой надстройки, загрохотали шаги, послышался лязг металла — кто-то второпях столкнулся торопливо выхваченными клинками — и на палубу, как зерно из распоротого мешка, сыпануло дюжины две вооруженных, судя по ухваткам, не парусных дел мастеров, а профессиональных солдат.

Тщательно прицелившись, Сварог метко угодил одному из них в башку тяжеленным фонарем, после чего ушибленный кулем свалился на палубу, определенно выбыв из боевых порядков.

Трое-четверо бросились на нос, к кабестану. Им навстречу из-за надутого ветром паруса выскользнул бесформенный силуэт...

В несколько секунд там произошло что-то жуткое и бесповоротное — словно налетев на невидимую веревку, протянутую поперек палубы, горротцы все до одного попадали и больше не шевелились. Кто-то внизу взвыл в непритворном ужасе.

Наконец-то! Над планширом возникла высоченная, голая по пояс фигура с короткими абордажными тесаками в обеих руках. С грохотом перепрыгнув на палубу, боцман Блай жизнемерно крикнул оторопевшим горротцам:

— Наше вам! Никогда не видели гиперборейскую тигру, ребятки? Вот она я, смертушка ваша непреклонная!

И кинулся в драку, размахивая клинками так ожесточенно, что казалось, будто рук и тесаков ничуть не меньше, чем у легендарного Шугуты. Следом, прыгая через планшир, подбадривая друг друга молодецкими воплями и ядреной матерщиной, ринулись с полдюжины его пиратов и Странная Компания.

Сварог даже не пытался выхватывать абордажную саблю и кидаться в сечу — командир вовсе не обязан сейчас быть впереди на лихом коне, у него другие задачи, стратегические...

Он ограничился тем, что, выдернув из-за пояса покойного рулевого пару пистолетов, послал пули в ближайших к нему горлотцев — в спину вообще-то, что безусловно возмутило бы иного приверженца рыцарской этики, но сейчас было, по глубокому убеждению Сварога, вполне уместно. Не благородно дуэлировать сошлись, в самом-то деле...

Грохоча босыми пятками, весь мокрехонький, он сбежал с капитанского мостика и, махнув подбежавшему к нему бесформенному балахону, кинулся в ближайшую дверь.

Эту часть плана они с Марой обговорили подробно и старательно. Следовало незамедлительно брать «языка». Присутствие солдат на борту неудивительно — но гораздо больше здесь должно быть, учитывая специфику рейса, мастеровых и инженеров, то есть людей, оружием махать не обученных, зато много знающих...

Коридор был ярко освещен карбамильскими лампами на стенах — ну, понятно, никто здесь не собирался дрыхнуть, они вышли в море работать... Какой-то вздорный тип в кирасе, с абордажным тесаком очертя голову кинулся на Сварога из распахнувшейся справа двери, но Мара его перехватила и во мгновение ока утихомирила насовсем.

Распахнув одну дверь, вторую, третью, Сварог увидел там лишь пустые каюты, судя по их убранству, принадлежавшие отнюдь не рядовым матросикам — да такие и не обитают на корме... Пусто. И здесь пусто. Ага!

Бомбой ворвавшись в каюту, он пинком опрокинул столик, заваленный морскими картами, еще какими-то бумагами, циркулями, непонятными инструментами — и все это учное хозяйство разлетелось по полу. Сварог же, протянув руку, сграбастал за глотку пожилого человека, простоволосого, в коротком плаще, скрепленном у горла серебряной цепочкой с двумя серебряными же бляхами, на коих отеканены циркули. Сословие Циркуля, ага, инженер, судя по роже — обделавшийся интеллигент, незнакомый с методами активного следствия в полевых условиях...

Зато Сварог еще в прошлой жизни приобрел нешуточное мастерство в помянутых методах. Молодецки шарахнув инженером об стену, припечатав его спиной к весьма посредствен-

ному ковру, он левой рукой залепил пленному оглушительную плюху, отпустил, выхватил из ножен саблю, со зловещим видом помаячил сверкающим клинком перед лицом. Рывкнул:

— Где Тагарон? Тагарон где, сучий ты потрох? Душу выну через жопу, уши отрежу и в рот запихну! Тагарон где?

— В трюме... — пролепетал инженер, без посторонней помощи вжимаясь в стену так, словно хотел проломить ее спиной в поисках спасения.

— Возле лодки?

— Аг-га... Откуда вы знаете? Вы кто?

— Любознательные странники, — сказал Сварог, переведа дух. — Любители механических кунштюков... Где вход в трюм? Веди, тварь, живо!

Инженер машинально показал рукой. Ухватив его за плащ, Сварог сильным толчком отправил ученого человека к Маре, которая тут же приняла добычу, надежно в нее вцепившись. Они все втроем вывалились в коридор и оказались лицом к лицу со Странной Компанией, сторяча нацелившейся в них пистолетами и клинками. Впереди всех возвышался его Величество Бони Скатур Чер, король Арира — с пылавшей боевым азартом физиономией, крайне довольный возвращением к прежней жизни, хищно вздымавший увесистый абордажный топор-лабрис с двойным лезвием.

— За мной, ребята! — приказал Сварог и, следуя за машинальным взглядом пленного, подтолкнул его к одной из дверей.

Топтавший следом Бони оглушительно пыхтел — сказывалась беззаботная жизнь венценосца. Он прилежно доложил:

— Наверху все путем, командир, боцман со своими очистили палубу, зашугали олухов на мачтах...

Сварог резко повернул голову — снаружи донесся знакомый гул пушечного залпа. «Божий любимчик» вступил в бой, события резво разворачивались на полную, следовало торопиться...

Он распахнул дверь, за которой оказались уходящие вниз ступеньки, толкнул вперед инженера:

— Веди, родимый, да не заплутай, смотри...

По довольно ярко освещенной лестнице они спустились ступенек на двадцать, оказались перед широким проемом без двери. Изнутри доносились голоса, падал свет, что-то металлически погромыхивало, постукивало. Сварогу пришло в голову, что те, в трюме, увлеченные своими делами и никак не

ожидавшие лихого штурма, могли попросту и не заметить, не услышать схватки над головой, не столь уж и шумной. А что до пушечной пальбы — мало ли по какому поводу она могла вспыхнуть...

Осторожно выглянув из-за переборки, он убедился, что угадал правильно. С дюжину человек, столпившихся вокруг странного сооружения, выглядели всецело поглощенными обычными занятиями — одни разглядывали большую карту, другие, стоя наверху короба, отдраивали большой овальный люк, еще кто-то с натугой волок к середине трюма огромный бронзовый сосуд...

Обширный трюм, размерами не уступавший паре-тройке солидных купеческих амбаров, освещенный парой дюжин больших карбамильских ламп, был пуст. Только посередине возвышалось помянутое сооружение, нечто вроде продолговатого купола из плотно пригнанных досок, меж которыми влажно посверкивало что-то вроде застывшей смолы или надежно обеспечивавшей герметичность ворвани. На вершине — овальный люк, к нему ведет металлическая лесенка, по обеим ее сторонам разместились не менее восьми обычных корабельных помп, какими откачивают воду.

Не нужно быть инженером, чтобы примерно догадаться, как эта музыка устроена. Сварог прикинул все в общих чертах, как только увидел люк в днище «Радуги». Подводная лодка, творение хитромудрого Тагарона, помещалась в этом самом куполе, намертво приспособленном к днищу. При помощи каких-то механизмов — надо полагать, не особенно заковыристых — ее опускали вниз, раскрыв створки люка, а потом поднимали тем же манером. Закрыв нижний люк и задраив верхний, воду откачивали помпами. Ага, вот они, подъемники — колеса с намотанными на них цепями по четырем сторонам купола, цепи уходят внутрь. В отверстия неминуемо просочится вода — видны по бокам темные потеки, — но ее будет не так уж много. Снаружи никто и не заметит, ночью особенно. Ну что же, толково придумано, большого ума этот Тагарон, вот только не стоило ему связываться с Горротом, меньше было бы в жизни неприятностей... По объему и весу вся эта машинерия даже меньше обычного груза для кораблей такого типа, так что на плавучесть и мореходные качества, надо полагать, не особенно влияет... Кулибин, мать его...

Вверху гремели пушки. Следовало поторапливаться. Оттолкнув инженера локтем, Сварог ворвался внутрь с жизнерадостным криком:

— Стоять, бараны!

Следом влетели остальные, угрожающе поводя всеми имевшимися в наличии смертоубийственными орудиями производства. Должный эффект был достигнут: люди в трюме выглядели так, что к ним вполне применимы были заезженные метафоры вроде «как громом поразило», «остолбенели от испуга», «ноги приросли к земле, а языки прилипли к гортани» и тому подобное. Только один, не потерявший присутствия духа, браво развернулся навстречу, хватаясь за меч — судя по этому мечу и морскому мундиру, флотский офицер.

Сварог, не теряя времени, аккуратненько достал его абордажной саблей — скорее, в воспитательных целях, давая понять этой учено-инженерной публике, что с ними не шутят. Выдернул клинок, переступил через покойника и, подойдя вплотную к отшатнувшимся безоружным, рявкнул:

— Тагарон кто?

Пара голов произвольно повернулась в сторону человека средних лет, в классическом наряде Сословия Совы. Довольно ухмыльнувшись, Сварог вразвалочку подошел к нему и коротко поклонился:

— Мои поздравления, мэтр. Вы и в самом деле большого таланта человек, я вижу... Давайте не будем рассусоливать, некогда. Я — король Сварог. Не могли вы обо мне не слышать... Кстати, вам передает привет мэтр Анрах, но мне сейчас не до лирики... Лодка, я так понимаю, внутри этой штуки? И вы конечно же ищите вход в туннель?

Он прямо-таки замурлыкал от удовольствия сытым котом, когда глаза ученого человека округлились в безмерном удивлении:

— Откуда вы знаете?

— Сказать вам, Тагарон, отчего у меня неплохо идут дела? — осклабился Сварог. — Оттого, что я не полагаю себя самым умным на свете. А вот вы, сдается мне, отчего-то решили, что умнее вас не сыщешь... Зря вы это, честное слово. То, что своим умом открыл один, может со временем открыть и другой — когда речь идет о кладе, за которым охотились и вы, и я. Вульгарно говоря, я вас, простите, вычислил, долго рассказывать. Давайте о насущном. Корабль моими людьми захвачен.

С теми, кто вас охраняет, сейчас разберутся — он с напускной небрежностью указал на своды трюма, над которыми вновь раздался недалекий гром пушек. — Лодка готова к спуску?

Тагарон, чуточку опомнившись, шагнул вперед:

— Вы не смеее... Это мое!

— Да бросьте, — сказал Сварог безмятежно. — Какое, к черту, ваше... Вы с потрохами стали принадлежать Стахору, как только попали к нему, надо же понимать... Это была игрушка Стахора, хотели вы того, или нет... а теперь будет моя.

Отвернувшись, он взобрался наверх, кивнул стоявшим возле люка и доброжелательно им улыбнулся:

— Продолжайте, господа, продолжайте... кому говорю?!

И для пушей наглядности потряс у них перед носом окровавленной саблей. Косясь на испачканное лезвие, двое, на вид — гильдейские мастеровые, стали откручивать большие железные барашки. Когда они закончили, Сварог подтолкнул их к лесенке, чтобы, чего доброго, не заехали сзади по башке и, понатужившись, отвалил люк. Снял с крючка лампу, осветил вниз.

Расплылся в блаженной, довольной улыбке, облегченно вздохнул. Все его догадки оказались верными. Занимая почти все пространство внутри, удерживаемая четырьмя цепями с какими-то хитрыми замками-захватами, вцепившимися в крючья на покатых боках, там стояла подводная лодка. Крайне напоминавшая те, что потопили корабль с каторжанами, разве что гораздо меньше. Но чертовски похожа — вся из плотно пригнанных досок, с небольшой башенкой, в которой четыре илиминатора в бронзовых рамках, за кормой — шестипластный винт, ага, и рули глубины... Вот он, люк...

Упираясь локтями, он повис над подводной лодкой, коснулся ее подошвами, встал на бочкообразный корпус. Ухватившись за прозаическую кованую скобу, отвалил люк, осветил внутрь, заглянул туда. Места там нашлось бы на дюжину человек. В корме — несколько параллельно установленных колес, широких и узких, в свете лампы разноцветно посверкивали многочисленные граненые камни, вставленные в ободья, спицы, втулки осей. От них уходили в самый хвост коленчатые тяги. Еще какие-то бронзовые шестеренки, кривошипы, маховики. Вся эта машинерия ему, повидавшему в жизни немало сложной техники, показалась заимствованной прямоком из мультфильма или с картинок к детским книжкам — но ведь она

исправно работала, коли Тагарон совершил несколько погружений! Вот уж поистине — голь на выдумки хитра. Некий заменитель двигателя внутреннего сгорания, Анрах что-то такое говорил... Ага, в передней части, под самой башенкой с иллюминаторами — кресло, несколько рычагов и штурвальных... Управление, конечно, самое примитивное... Четыре бронзовых сосуда рядом — похоже, баллоны с кислородом, здесь умели получать чистый кислород, но вот применения ему пока что не находилось... Лампа со сложным зеркальным рефлектором — примитивный прожектор...

Он выбрался наверх и проворно спустился по лесенке. В трюме уже появился боцман Блай с парочкой своих ребят. Ах, как поджимало время! Следовало подумать в первую очередь о капитане Зо, которому сейчас приходится драться одному против троих, наверное, впервые в жизни не нападая, а пытаясь отвлечь противника на себя, увести подальше от «Радуги»...

— Блай, — сказал Сварог торопливо. — Эта посуда мне больше не нужна, зато вот этот сукин кот, — он кивнул в сторону торчавшего поблизости с убитым видом Тагарона, — необходим. Когда опустите нас, берите его за шкуру и гребите к берегу, но сначала выпустите ракету, чтобы капитан знал: у нас все получилось... — он коснулся рычагов подъемного механизма и уже через пару секунд, прекрасно зная теперь, как эта штука работает, продолжал: — Сначала повернете эти два рычага, потом эти два. Затем, когда люк откроется и лодка станет опускаться, осторожно, не торопясь вертите вот это колесо, пока захваты сами не разожмутся, — вы сразу поймете, когда это произойдет, потому что все цепи ослабнут...

Тагарон таращился на него в немом изумлении. Сварог мимоходом ухмыльнулся:

— А что, мы не кончали университетов, но тоже кое-что можем... Мара, за мной!

Он обернулся — и оторопел. Кроме Мары, одним прыжком оказавшейся с ним рядом, Странная Компания, до последнего человека, дружно сделала шаг вперед. Лица у всех были азартные и непреклонные. Уговаривать их, Сварог понимал, бессмысленно и бесполезно, все равно не подчинятся, небольшой, но бравый отряд готов был следовать за командиром хоть к черту в зубы... Времени для прений и дискуссий не было со-

вершенно, сверху доносился пушечный гул, хотя и заметно отдалившийся.

— Ладно, — сказал он быстро. — Вы люди взрослые, я никого за шкуру не тянул... живенько!

Сподвижники торопливо полезли мимо него по лесенке, цыкая на неуклюже карабкавшегося арирского короля, под тяжестью коего лесенка поскрипывала и тряслась так, что крепившие ее болты вот-вот должны были выскочить из гнезд.

Взлетев наверх последним, Сварог махнул боцману Блаю — тот взирал на сооружение с сомнением и недоверием — прыгнул на спину лодки, нырнул в люк и моментально задраил его за собой. Упал в кресло, взялся за литой бронзовый штурвалчик. Все в порядке, теперь он умел этой штукой управлять.

Странная Компания стоя разместилась за его спиной. Сварог включил лампу, и вокруг, в тесном шлюзе, стало ослепительно светло — не таким уж примитивным оказался отражатель...

Лодку качнуло, и она быстро опустилась из ослепительного света во тьму. Ощущение было знакомое — словно в скоростном лифте. За спиной послышалось непроизвольное оханье, кто-то выругался. Над головой звонко клацнуло — разжались захваты, почувствовав, что сиденье из-под него словно бы уходит, Сварог понял, что лодка свободно погружается, легонько отвел вперед правый рычаг, чуть подал на себя левый, в кормовой части послышался скрежет, перешедший в размеренный шум — странный двигатель исправно заработал, и лодка двинулась вперед с черепашьей скоростью. Вокруг была чернота, пробиваемая лишь лучом прожектора — большая рыба угодила в пучок света и, блеснув чешуей, ополоумевши, унеслась во мрак. Сверившись с прищипандоренным тут же, под левым локтем, компасом, Сварог повернул лодку влево — и шел этим курсом до тех пор, пока луч прожектора не уперся в бугристый камень.

Тогда он повернул вправо и повел лодку вдоль берега, то и дело поворачивая нос так, чтобы осветить лучом скальную стену. За его спиной прозвучало несколько кратких замечаний, из которых явствовало, что командир — гений всех времен и народов, и не было еще на свете могучее богатых.

— Молчать, — сказал он, сосредоточенно манипулируя рулями глубины. — Сам знаю. Не отвлекайте, душу вашу...

Внутри лодки понемногу становилось душно и жарко. Очень уж много народу активнейшим образом потребляли кислород в тесном пространстве.

— Леверлин, поверни кран у ближайшего баллона, — распорядился Сварог. — Выпусти немного... Досчитай до десяти и заверни обратно. Ага, правильно...

Мара пристроилась рядом с ним, так, чтобы не мешать ему править. Сварогу впервые пришло в голову, что он ввязался в безнадежное предприятие — хоть он и пользовался «кошачьим глазом», видел лишь сплошную стену камня. Ни следа туннеля, ведущего под водой в недра Хай Грона.

«Спокойнее, — одернул он себя. — Не пори горячку, ваше величество. Ты что же, решил, будто везуч настолько, что уже через пару минут после погружения высмотришь туннель? Что ухитрился захватить „Радугу“ не где попало, а в аккурат поблизости туннеля? Не бывает таких чудес и такого везения, меру надо знать. Предстоит исследовать целые лиги этой бугристой, зияющей расщелинами каменной стены — и неизвестно еще, на какой именно глубине расположен вход в туннель, быть может, ты как раз сейчас проплыл над ним или под ним... Терпение и сто раз терпение...»

Но как Сварог себя ни успокаивал, на душе творилось неопишечное, там боролись самые разнообразные чувства, его бросало из крайности в крайность — то верил, что вот-вот увидит черный провал (он просто обязан быть правильной формы и огромного диаметра!), то преисполнялся самой черной безнадежности, ругая себя мысленно, что свалил такого дурака, взялся за дело, которое и за пару недель не закончить... «Господи, помоги! — воззвал он в совершеннейшем отчаянии. — Помоги, господи! Ты ведь знаешь, каковы ставки в этой игре...»

...У него не было при себе часов. Ни у кого не было — отпавляясь на захват вражеского судна ночной порой, как-то глупо украшать себя часами, протягивать цепочку по брюху... Неизвестно, сколько прошло времени в сумрачной духоте, влажной и жаркой до липкости, освежаемой изредка пронзительным шипением вырывавшегося из баллона кислорода. Кислород Сварог расходовал крайне экономно, неизвестно, каковы запасы и насколько их хватит. Глаза ломило от напряжения, от однообразия того, что открывалось взору — камень, камень, сплошной камень, расщелины, впадины, бугры, острые грани, причудливые тени, рыба промелькивает, роится вокруг,

привлеченная невиданным зрелищем. Странная Компания давным-давно притихла. Сварогу, по крайней мере, пришлось чуточку легче — он как-никак мог видеть в темноте, а его сподвижники могли усмотреть в кромешном мраке только то, что освещал луч прожектора...

В какой-то момент он хотел даже выключить лампу, чтобы не мешала — ему она была все равно без надобности. Но не стал — и правильно сделал, как оказалось. Все решилось именно благодаря лампе...

Во время очередного маневра — нос в сторону скалы, нос от скалы — Сварог краешком глаза увидел правее и ниже некий слабый и тусклый отблеск, словно далеко от него вспыхнул и тут же погас огонек спички. Сознание уже чуточку туманилось от недостатка кислорода, от жары и духоты, от монотонности подводных скал — но все же хватило ума, чтобы подумать: в этом огоньке было нечто неправильное. Неоткуда под водой взяться такому вот огоньку, такому вот отблеску, и, коли уж Сварог его наблюдал, то это определенно означало нечто новое...

Он развернул лодку, направил ее назад, покрутил штурвалчик, набирая в цистерну — или систерну, как там ее правильно? — некоторое количество забортной воды, чтобы погрузиться глубже. Лодка опускалась вниз медленнее утюга, но и никак не с грацией воздушного шарика. По лбу, по бровям ползли крупные капли пота, то и дело солено щипавшие глаза, Сварог мотал головой, смахивая их, отчаянно пытался проморгаться.

Мара тихонько вскрикнула над ухом, машинально сжав его плечо тонкими сильными пальцами. Луч прожектора провалился внутрь чего-то вроде огромной пещеры, и там, внутри, снова сверкнул этот холодный блеск, приняв дугообразную форму...

Не думая, не рассуждая, на чистых инстинктах Сварог повел туда лодку, уже не обращая внимания на заливавшие глаза соленые ручейки. «А Тагарон, пожалуй что, мог и не усмотреть, — подумал он с вялым самодовольством. — Тагарон вряд ли умеет видеть в темноте, и он наверняка не понял бы, даже если увидел, что это бледное, тусклое сияние — отблеск луча прожектора на полосах светоотражающего материала... Откуда ему знать? Он и терминов-то таких в жизни не слышал...»

Эти полосы, разделенные большими промежутками, опоясывали туннель исполинскими кругами. Туннель был огромен,

дошатая подлодка, сработанная пусть и особо доверенными, но самыми обычными столярами или корабелями, терялась в нем, словно иголка в пушечном жерле. Мельком Сварог подумал: «Если в результате каких-нибудь давних катаклизмов туннель окажется завален, лодка прекрасно сможет в нем раз-вернуться».

Чтобы жестоко не разочароваться потом, он заранее настраивал себя на самый провальный финал: туннель завален... там нет никакой базы... а если база и существует, там может и не оказаться субмарины... в сущности, он полагался лишь на тысячелетние байки... крайне стойкие байки...

Шипение кислорода, завершившееся коротким фырчаньем. Голос Мары:

— Последний баллон остался...

— Прибереги, — распорядился Сварог. — Кто знает...

И по-прежнему вел лодку вперед, сидя в жаркой, липкой, потной духоте. Хорошо еще, что никаких особенных усилий от него не требовалось — огромный туннель был прямым, как полет стрелы, светоотражающие кольца здорово помогали, так что он просто держал руки на рычагах, глядя вперед и боясь надеяться.

За спиной слышалось тяжелое, хрипящее дыхание, но никто не жаловался, даже не пискнул. Все понимали, что к чему, и держались из последних сил.

Кольца внезапно кончились. Какое-то время Сварог, с трудом соображая, по инерции вел лодку вперед, а когда догадался, что это означает, ожесточенно завертел штурвальчики, вытеснявшие посредством каких-то неизвестных механизмов воду наружу. Установил рули. Дернувшись, лодка пошла вверх.

И закачалась, наполовину выскочив из воды. Сварог торопливо привел рули в горизонтальное положение, ударил по рычажку с затейливой медной головкой, и прожектор погас. Теперь те, кто не обладал «кошачьим глазом», не видели ни зги, да и Сварог немного смог рассмотреть: обширная водная гладь, далеко впереди — нечто протяженное, правильной формы... Лодка всплыла в подводном гроте, таком огромном, что не помогал и «кошачий глаз» — он позволял видеть в темноте, но не мог наделить человеческий глаз свойствами сильной подзорной трубы...

В следующий миг Сварог торопливо зажмурился — по глазам ударило ослепительное сияние, показалось, что это конец,

что их вот-вот испепелит это обжигавшее ярче солнца свечение...

Понемногу перед глазами перестали плясать разноцветные пятна и полосы, он вернул свой взор в нормальное состояние — и убедился, что ничего жуткого не произошло. Просто-напросто далеко впереди зажглись неисчислимые шеренги прожекторов. Они не слепили, не били в лицо, они были направлены на воду, так что Сварог отчетливо видел крохотные круги, еще разбегавшиеся от качавшейся на воде лодки. Другие огни освещали высокий пирс, судя по структуре, не из камня сложенный, а, похоже, из бетонных плит. А у пирса, далеко впереди...

У Сварога перехватило дыхание. Он не полагал себя настолько уж мягкотелым, чтобы считать, будто к ручейкам пота на лице примешались слезы, но в такой момент все могло случиться... Очень уж подозрительно у него затуманились глаза, хорошо еще, что никто не мог это понять...

Он сморгнул то ли пот, то ли слезы. Следовало гордиться собой, следовало вопить и прыгать, махать руками, идиотски хохотать — но он был чересчур вымотан. Умение еще не означает, что он получил навыки — им-то как раз взяться было неоткуда. Заклинания позволяют овладеть лишь умением, и не более того, а навыки, как им и положено, приходят очень нескоро... Он был чертовски вымотан своим дебютом в роли капитана Немо.

Она была пришвартована у пирса, чуть левее того места на причале, к которому Сварог медленно вел лодку. Она превосходила жалкое изделие хитроумного Тагарона примерно так, как превосходит тяжелый танк детскую игрушку. Она была хищно-красива, как всякое изготовленное человеческими руками оружие. Океанская субмарина, какие в своей прошлой жизни Сварог видел только в кино. Чем-то она походила на них, чем-то решительно отличалась. Могучий корпус не менее двухсот ярдов в длину, сдвинутая к носу рубка, напоминавшая силуэтом прямоугольник с изящно округленными верхними углами. Перед рубкой — нечто, напоминающее орудийную башню с очень коротким и очень толстым стволом, позади рубки — ряды странных пирамидок, похожих на чешую вымершего дракона. Дощаник приблизился настолько, что субмарина нависла над ним крепостной стеной, и Сварог уже мог прочитать буквы на носу: «РАГНАРОК». И рассмотреть знакомую эмблему-крест из двух мечей и двух якорей, примерно на

половине длины скрепленные свернувшейся в кольцо змеей со странной головой, глотающей собственный хвост...

Можно было всерьез гордиться собой. Он догадался правильно. Когда после Шторма прошли столетия хаоса и отката в совершеннейшее варварство, подлодка из соединения «Морские Короли», кем-то в незапамятные времена предназначенного для атаки на Великого Кракена, превратилась в людском сознании в легендарное Копье Морских Королей. Он догадался — и нашел...

— Люк, — сказал он хрипло, не узнавая собственного голоса.

Кто-то метнулся в совершеннейшем молчании, заскрежета ли по резьбе барашки, грохнул откинутый люк. Внутри хлынула сыроватая прохлада, показавшаяся невероятно сладкой на вкус.

Пройдя мимо субмарины, Сварог держался в паре ярдов от причала, выискивая место, где можно было не просто пришвартоваться, а подняться наверх. И не видел пока. Одна бетонная стена высотой в десяток ярдов. Ничего удивительного, причал не рассчитан был на дощатые скорлупки, надводная часть субмарины как раз на десяток ярдов над водой и возвышалась, на нее попросту перекидывали с пирса трап...

Но ведь должны же тут быть для каких-то мелких надобностей и маленькие суденышки вроде обыкновенных моторок?! Наверняка. А значит, должен отыскаться и причал для них...

Так оно и оказалось. Чуть ли не в самом конце причала, занимавшего примерно четвертую часть водоема (в форме правильного круга с половину морской лиги шириной) Сварог увидел над самой водой совершенно прозаический деревянный настил. Возле него стояли полдюжины моторок и два катера размером побольше, и наверх от него уходила основательная лестница из железных прутьев.

Лодка ударилась яйцеобразным носом в свободное местечко, потеснив стукнувшиеся бортами моторки, и Мара проворно выпрыгнула на настил, уже без своего балахона, поясом привязала лодку к поручню, завязав другой конец на одном из винченных в борт кованых колец. Словно корову привязывала. Это выглядело так несуразно, обыденно, настолько не соответствовало титанической подводной базе и ее суперсовременному для своего времени оснащению, что Сварога прошиб нервный смех, и он не сразу справился с собой.

Вернул рычаги и штурвальчики в исходное положение, и колеса в корме перестали вращаться, застыли неподвижно. Встал с неудобного кресла — собственно, деревянной чаши на единственной ножке с гнутой спинкой из широкой доски — насквозь промокший от пота, невероятно уставший и столь же невероятно счастливый. Сказал во весь голос:

— Ну что, господа мои? Приехали...

И первым стал подниматься по металлической лестнице со ступеньками из дырчатого железа. Следом двинулись остальные. Все молчали.

Оказавшись на широком причале, он осмотрелся. Смешно, но в чем-то подводная база крайне походила на неизмеримо уступавшие ей в размерах, но совершенно схожие по предназначению логовища моряков Токеранга. Широкий пирс, длинная шеренга служебных помещений (складов и жилых домиков), над головой гирлянды светильников... Ну, ничего удивительного. Предназначение, вот именно, схожее до мелочей...

Величественное было зрелище, надо признать — огромное подземное озеро, ярко освещенное неисчислимым множеством прожекторов и фонарей, могучая субмарина у пирса. Как Сварог и надеялся, автоматика работала безукоризненно — скорее всего, некие датчики засекли всплывший на поверхность объект, и тут же включилось освещение. Вероятнее всего, создавшая базу держава, неизвестная ему по названию, господствовала в этой части океана в те, незапамятные времена — непохоже, чтобы здесь опасались вторжения, в противном случае не свет бы зажегся, а сирены взвыли, поднимая тревогу...

Он оглянулся на притихших сподвижников, подавленных всем этим подводным великолепием и размахом — держались кучкой, поглядывая по сторонам не то чтобы со страхом, но с некоторыми опасениями. Люди в такой одежде, с саблями на боку и кремневыми пистолетами за поясом были, конечно, насквозь неуместны на этом причале, рядом с грандиозной красавицей субмариной из другого времени — но прежние хозяева исчезли несколько тысяч лет назад, и это богатство не должно остаться бесхозным, да и претензии никто не предъявит...

— Гляди веселей! — браво прикрикнул он, нарочно ступая шумно.

Его величество король Арира, подозрительно озираясь, буркнул:

— А если тут эти... не к ночи будь помянуты...

— Перебедую, — сказал Шедарис, выдвигаясь вперед. — Видывали мы лилипутов и покрупнее...

Ни малейшего шевеления вокруг, ни единого постороннего звука, только шум их собственных шагов. Воздух вовсе не казался на вкус затхлым, а строения выглядели так, словно их поставили позавчера, ни одна лампа над головой не мигала и не выказывала намерений перегореть, мимоходом Сварог вернулся мыслями к той самой загадке: как именно Тагарон собирался управиться с субмариной, если предположить, что он о ней что-то знал — а ведь, похоже, знал... Полагался на интуицию искусного мастера? Или тут таится что-то еще? Самонадеянный все же тип, с дерзким полетом мысли. Надо будет потом потолковать с ним по душам, авось удастся приспособить к каким-то полезным делам...

На лодку и в самом деле был перекинут трап с поручнями из канатов и аккуратными ступеньками из тесаных реек, набитых на широкую доску. Овальная дверь в бок рубки распахнута наружу.

Сварог медлил. Не то чтобы он чего-то опасался... Неужели так просто? Осталось подняться на борт... Не верится прямо, слишком будничным кажется воплощение в жизнь мечтаний, надежд и смелых догадок...

И он шагнул на трап, переборов некие внутренние препоны, которым у него не было точного названия.

Дзан-н-н! Сварог невольно отшатнулся.

Нечто вроде широкого турникета метро, выскочив с двух сторон из притолоки, перегородило вход почти целиком, оставив сверху и внизу неширокое пространство, куда взрослый человек все равно не сумел бы протиснуться. По всему проему овальной двери размеренно замигали алые огоньки, слева выдвинулась пластина размером с книгу, и приятный женский голос, в котором, однако, сразу чудилось нечто механическое, сообщил:

— Вахта отсутствует. Признаков боевого дежурства нет. Согласно регламенту, проход на судно разрешен только лицам с соответствующим допуском. Просьба ввести таковой, если вы им располагаете.

Вот и поганый сюрприз, которого он подсознательно ожидал... Турникет не выглядел особенно прочным — но, Сварог подозревал, управиться с ним голыми руками и саблями окажется непросто. И не в турникете дело. Сто шансов из ста за

то, что в случае попытки беззастенчивого разлома электроника преподнесет очередные сюрпризы. Вряд ли по ним хлестанет что-нибудь вроде спаренного пулемета, скорее, отключатся жизненно важные системы, и субмарина превратится в бесполезную громаду железа. Это гораздо вероятнее. И надежнее. А пулеметы-огнеметы — крайне несерьезно... Идеально подходят для охраны какого-нибудь наземного склада, но тут...

Крышка похожего на книгу предмета откинулась — и зажегся зеленоватый, продолговатый экранчик, под которым Сварог увидел ряды черных кнопок с белыми буквами и цифрами. Захотелось взвыть от бессилия и столь жестоких шуточек судьбы. Найти желаемое, жизненно необходимое не для него лично, а для всего этого мира — и оказаться не в состоянии им воспользоваться...

Он понурился, уронив руки... и едва не взревел от радости. Как обычно и случается в подобные минуты с загнанным жизнью в тупик человеком, мозги работали с невероятной четкостью, словно безотказный ревнаган.

Сварог вспомнил моряцкий санаторий в Хелльстаде — и содержимое бювара штандарт-навигатора. Среди прочих бумаг, удостоверений и бланков нашлись тогда две глянцевых карточки с цветными полосками и цифирно-буквенными кодами. Одна украшена силуэтом корабля, другая — подводной лодки. Учитывая, что штандарт-навигатор, по всем прикидкам, был на флоте важной персоной...

Терять, в конце концов, нечего. Совершенно. Вспомнив код, он протянул руку, тронул пальцем чуть шероховатую клавишу, и она легко подалась, ушла в панель до краев. На зеленоватом экране загорелась соответствующая буква. Так-так-так...

Закончив, он отвел руку и без нужды взялся за пояс, чтобы никто не заметил, как подрагивает рука. Прошло не менее столетия, исполненного бездумного оцепенения, прежде чем женский голос с ничуть не изменившейся интонацией сообщил:

— Допуск действующий. Вход разрешен.

Турникет моментально исчез, огни погасли. Губы Сварогу покривила горькая, ироническая усмешка — для безмозглых машин словно и не было этих пяти тысяч лет, и слава Богу, слава Богу...

Чистейший коридор с полукруглым потолком, все выложено металлическими, вроде бы алюминиевыми панелями (Сва-

рог давненько выдывал в последний раз алюминий и оттого не мог определить толком). Неяркий свет ламп дневного света. Тишина.

— Задрайте кто-нибудь дверь, — бросил он, не оборачиваясь. — Вряд ли это сложно...

Командный пункт на земных подводных лодках располагался, насколько он помнил, в рубке. Следует ожидать, что и здесь...

Нажим на ручку, дверь подается мягко, бесшумно — дверь без единой таблички или хотя бы номера. Нет, непохоже. Обилие компьютеров с погасшими экранами, столов с картами, каких-то толстых книг... Скорее, штурманская. Ну-ка, вторую...

Вот теперь он был там, где и следовало обосноваться в первую очередь. Большая комната в форме полукруга. Четыре черных кресла, окруженных пультами и экранами. Одно из них чем-то отличалось от остальных — чуть побольше, чуть помягче, металлические детали не белые, а светло-золотистые. Рассуждая логически...

Решительно шагнув вперед, Сварог опустился в это кресло. Что-то мешало, тыкалось в бок — ага, абордажная сабля. Чуть сконфуженно, словно прежние хозяева субмарины могли его сейчас увидеть, Сварог стянул перевязь через голову и бросил саблю на пол.

Положил руки на пульт. Уже не в первый раз его прошло, пронизало насквозь, словно порыв ветра, это непередаваемое словами ощущение. Теперь он умел.

Странная Компания почтительно выстроилась за его спиной, затаив дыхание. Кто-то шумно отдышался — и тут же, судя по звуку и подавленному ойканью, получил чувствительно локтем в бок.

Умение и doskonaльные знания — опять-таки не одно и то же. Можно сказать, он освоил лодку примерно наполовину. Чтобы разобраться в остальном, одних безукоризненно работавших заклинаний было мало — нужно изучить память компьютеров, справочники, которые здесь наверняка найдутся... Но этим можно заняться и потом. Того, что он уже знал, было достаточно, чтобы, не мешкая, прийти на помощь капитану Зо.

Он тронул несколько клавишей. Тот же бесстрастный женский голос докладывал, что машинной вахты нет на месте, что вахты боевой части-один нет на месте, как и вахты боевой части-два, боевой части-три, что штурманская группа на вызов

не отвечает, что центральный пост молчит. Но все эти безрадостные рапорты уже не могли испортить радости — женский голос всякий раз интересовался, не желает ли командир перейти на автоматическое управление данными подразделениями, замкнуть все на себя — и Сварог, легко догадаться, всякий раз именно этого и желал. Он уже понял, что этой подводной громадиной в состоянии управлять один-единственный человек, лишь бы знал, чего конкретно хочет и умел нажимать нужные клавиши и вслух отдать нужные приказы. Поразительная техника! И, прежде чем нажать очередную полусферическую кнопку, он вновь подумал с горечью: как же так вышло, что создатели этой фантастической и грандиозной машинерии в одночасье однажды провалились в небытие? Что за катаклизм сотряс планету? Точнее, почему так вышло?

Но на эти вопросы ему не могла дать ответ никакая электроника, и не было времени на бесплодные умствования. Включив обзорные экраны, он осторожно, буквально по сантиметрам отвел «Рагнарок» от причала, развернул его носом к туннелю и пошел на погружение.

Навыков бы еще, навыков в обращении с этой громадиной! Но откуда им взяться? На командном пункте царила приятная прохлада, невидимые кондиционеры исправно работали, но Сварог все равно обливался потом не в переносном, а в самом прямом смысле, ведя субмарину по туннелю в ореоле тускло сияющих кругов. Кто-то, быть может, мог его и упрекнуть, но сердце у него аж заходило от щенячьего восторга — подводная громадина, грандиозное скопище искусных механизмов, хитрой электроники и жуткого оружия повиновалось ему, словно велосипед... душа пела нечто радостно-матерное.

Покинув туннель, он приблизился к поверхности на перископную глубину, поднял перископ, выстроил его на панорамный поиск и включил ночное видение. За его спиной вновь раздалось восхищенное оханье — на большом обзорном экране, охватывавшем все помещение по дуге, появилось четко различимое ночное море и ясные силуэты трех кораблей. Все было не зеленоватым, как в земных ноктовизорах, а светло-синим, но Сварог моментально освоился.

Один горротский корабль маячил далеко в стороне, окутанный пламенем — определенно вышел из боя и боролся сейчас с огнем. Два других выполняли непонятные Сварогу маневры,

временами паля из пушек, пытаясь зажать «Божьего любимчика» в клещи или как там это у моряков именуется.

Сразу видно было, что «Божьему любимчику» досталось изрядно — паруса зияют огромными одрами с неровными краями, в двух местах над палубой столбы дыма, несколько пушечных портов слева разворочены прямыми попаданиями. Но он держался, маневрировал и стрелял. Горротские фрегаты не то чтобы одолевали — но их все же было два, не уступавших противнику размерами и числом пушек...

— Держитесь, ребята, — громко сказал Сварог сквозь зубы. — Сейчас тряхнет...

«Рагнарок», всплыв на поверхность, шел к одному из фрегат, вспарывая воду бульбо-образным носом, окруженный широкой полосой бурлящей пены. При ярком лунном свете его не могли не заметить, фрегат попытался отвернуть, но скорость у него была дохленькая по сравнению с тем, что мог выжать Сварог, даже не выжать, всего-навсего включить третью маршевого хода...

Субмарина ударила корабль в корму, но ее, огромную по сравнению с парусной, деревянной скорлупкой, даже не сотрясло как следует — хотя удар, конечно, почувствовался. Сварог отвернул влево, по неопытности дав слишком много газку, словно неопытный шоферский ученик. «Рагнарок» в результате ударил фрегат еще и правым бортом, описав в море широкую дугу, Сварог нацелился носом на место столкновения — и увидел, как горротец оседает в воду разбитой кормой, как рушится бизань-мачта, а за ней и грот, как два оставшихся участника драки совершили неуклюжие маневры, словно споткнувшийся человек...

Его лицо перекосила злобная радость. Это за Батшеву, подумал он, замедляя ход. За беззащитных, которых преспокойно расстреливали из-под воды ваши чертовы союзнички... Теперь на своей шкуре почувствуете, как оно бывает, когда вас громит нечто, неизмеримо превосходящее по совершенству...

Он коснулся клавиши. На экран мгновенно легли три алых концентрических кольца, крест-накрест пересеченные прямыми линиями. Потом раздвоились. Одно из них накрыло горротский фрегат, другое совместилось с «Божьим любимчиком».

Женский голос доложил:

— Цели захвачены, идет сопровождение. Противокорабельные ракеты на «товсь».

— Левый объект — цель! — крикнул Сварог в полный голос. — Правый — отставить! Левый — цель!!! Правый — отставить!!!

— Приказ принят, — без тени эмоции ответила электронная женщина, которая и женщиной вовсе и не была, а всего лишь мельтешением импульсов. — Левый объект — цель, правый — отставить.

Кольца, накрывшие силуэт «Божьего любимчика», исчезли, а те, что адели на фоне горротского фрегата, остались.

— Ракету по левому объекту! — крикнул Сварог. — Пуск!

Неизвестно, правильно ли он подал команду. Голос-призрак бесстрастно откликнулся:

— Принято. Пуск.

Ослепительный клубок огня отделился от носовой части лодки. Четкая дымная полоса понеслась к фрегату, коснулась его словно бы безобидно, беззвучно — и над морем встал разлапистый фонтан багрового пламени, пронизанного желтыми вспышками, взбухло темное облако, в нем бешено крутились, разлетаясь далеко над волнами, какие-то куски, обломки, нечто вроде лоскутьев...

Ракета определенно была рассчитана на то, чтобы причинить непоправимый вред гораздо более прочному и серьезному кораблю. Горротский фрегат она попросту разметала в щепки. Когда погасло пламя и немного рассеялся дым, когда осела взбаламученная вода, на том месте, где только что был фрегат, плавало лишь скопище чего-то непонятного, разрозненного.

Кто-то охнул за спиной Сварога, кто-то затейливо выругался — в семьдесят семь морских чертей и долбаного осьминога. Похоже, Тетка Чари.

— Вот так мы нынче воюем, судари мои, — сказал Сварог, оборачиваясь к ним, все еще не в состоянии убрать с лица прикипевшую, как маска, гримасу. — Впечатляет? Меня тоже...

Глава 4

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА

— **П**о правде говоря, я себе представлял эти места совершенно иначе, — сказал Сварог негромко. — Море мрака, Море мрака... Я-то полагал, здесь и вправду стоит вечный мрак. Как любой может убедиться, ничего похожего. Неприятный уголок, согласен, тоску навеивает, неудобно здесь до того, что в затылке свербит... но где же мрак?

Он стоял на крыше рубки, у высоких, по грудь, металлических перил, красотой и продуманностью напоминавших кованую решетку какого-нибудь парка. Рука через них еще могла бы пройти, но человек ни за что бы не вывалился при самом сильном крене — к тому же перила автоматически выдвигались еще выше как раз в той стороне, куда «Рагнарк» опасно накренило бы (чего пока, к счастью, не произошло). Вся субмарина была напичкана подобными полезными хитростями, облегчавшими жизнь и работу экипажу, по крайней мере, те помещения, что они успели исследовать.

«Рагнарк» шел совсем тихим ходом — оставленная у штурвала Мара получила строжайший приказ не увлекаться и вести лодку со скоростью улитки, набираясь практики. Пресловутого мрака, из-за которого эти места и получили свое название, Сварог пока что не наблюдал. Море было почти обычным — разве что оттенок какой-то странный, сероватый — небо заволокли бело-серые облака, опять-таки мало отличавшиеся от

привычной непогоды. Солнца не видно, однако субмарина и стоявшие у перил люди отбрасывали смутные тени. Вот только туман... Быть может, и не туман вовсе, высокие, до самого неба, полосы тянулись слева направо, напоминая, скорее, ленты, чем обычную туманную пелену. Ленты из шляпы неведомого фокусника столь исполинских размеров, каких и в самых страшных сказках не бывает. Они то закрывали от глаз все вокруг, то проплывали где-то над головой, так, что самые высокие мачты не задели бы их верхушками. Они колыхались, сминаясь гигантскими плавными складками, образуя то выступы, то впадины изящных геометрических форм. Было в них что-то устойчивое и неуловимо регулярное, отличавшее от обычной мглы, и вместе с тем они были невесомы и проницаемы, как самый обычный туман. Субмарина проходила сквозь них беспрепятственно. В конце концов, Сварог решился подняться на вольный воздух вместе со сподвижниками — и ничего страшного не произошло, разве что, когда лицо на миг оказывалось в этой зыбкой полосе, становилось самую чуточку холоднее, и ощущался запах, похожий на снежный. Магии в них не присутствовало ни капельки — правда, Сварог, наученный горьким опытом, зарекся делать твердые выводы.

Временами, однако, попадалось кое-что другое, заставлявшее верить, что название свое это море получило все же не зря — совершенно черные то ли айсберги, то ли острова, куски мрака довольно правильной формы, возвышавшиеся над водой и больше всего напоминавшие скалы, которые какой-то хулиган, располагавший кучей времени и массой возможностей, старательно опрыскал черной краской. При встрече с первым таким объектом Сварог инстинктивно отвел лодку в сторону, обогнул «скалу» — но радар показал, что плотностью эта штука равняется окружающему воздуху. Что вскоре же было подтверждено экспериментальным путем — проще говоря, с крыши рубки швырнули одну из совершенно ненужных здесь абордажных сабель, и она канула в черную пустоту. Вторая сабля, брошенная на привязи в глубины второй «скалы», была вытащена назад целехонькой. И тем не менее Сварог запретил совать в черноту руку — хотя пылавший научным энтузиазмом Леверлин и порывался было. Кто их знает. Если Белая Волна уничтожала все неживое, в неприкосновенности сохраняя живую материю, эти черные айсберги могли поступать с точностью до наоборот...

— Это смотря где, — сказала Тетка Чари, к которой Сварог в первую очередь и обращался, как к единственному на борту эксперту, однажды побывавшему на «Божьем любимчике» в сих негостеприимных водах. — Тут много разных диковинных мест. В одном уголке одно, а в другом совершенно другое, мы тогда часа два шли в совершеннейшем мраке, тьма стояла такая, что от бизани не видно было грота, и никакие факелы не помогали. А потом корабль вышел... я вам, честное слово, не вру... в какое-то другое место, и небо там было белесое, вроде скисшей сметаны, усыпанное звездами, совершенно как наше, — вот только звезды все до одной были черные. И при этом сияли. Не могу вам этого объяснить человеческими словами, но они были черные и сияли. И еще там стояли на небе две луны — одна в виде тоненького полумесяца, растущая, а вторая — почти цельный круг. Чем хотите клянусь, не носить мне титула — небо было белесое, а звезды и луны — черные... Черные — но светили и сияли. Чтоб мне лопнуть...

— Не стоит вам лопаться, — серьезно сказал Сварог. — Во-первых, вы нам всем нужны, а во-вторых, я заранее верю. Все возможно. По моему сугубому убеждению, вам еще повезло, что никуда не провалились без возврата — потому что иные, я слышал, проваливались с концами...

— Я тоже слыхала, — кивнула Тетка. Ну, мы оттуда живенько ушли в туман, и очень быстро все исчезло...

Леверлин сказал вполголоса:

— А я слышал, что в Море Мрака есть явление, которое лучше всего назвать коловращением. Мол, в том самом месте, где одни путешественники встретили какое-то странное чудо, другие нашли нечто совершенно другое...

— Бывало такое, — нисколько не думая, кивнула Тетка Чари. — Вот, скажем, Бугас, едва войдя в Море со строго определенного курса и на определенных координатах, наткнулся на кипящую, как он описывал, воду — холодное кипение, бурление скорее, и в нем бултыхались во множестве самые натуральные отрезанные человеческие головы. Все, как одна, синехонькие, словно от давних покойников — вот только глазами моргали и вроде бы даже вслед кораблю какую-то гнусь выкрикивали, в борт пытались зубами вцепиться. А через месяц Одо-Нахалюга в том же самом месте ни видел никакого бурления и уж тем более голов, зато наткнулся на какие-то странные льдины, словно бы и не льдины вовсе: тонкие, красноватые, и по

ним какие-то огоньки играли. А те самые головы потом видел кто-то еще в совершенно другом месте. Есть похожие рассказы и про других. Так что вы правильно выбрали словечко — коловращение поганых чудес, точно...

— Вы мне вот что скажите, естествоиспытатели вы мои, — произнес Сварог нарочито безразличным, даже ленивым тоном. — Знает кто-нибудь точно — есть какие-нибудь специфические феномены для той точки в море, под которой затаился Великий Кракен? Не торопитесь, хорошенько подумайте. Мне нужно кое-что уточнить...

После недолгого молчания за его спиной завязалась дискуссия вполголоса, главным образом между Теткой Чари и Леверлином, хотя и другие не остались в стороне, добросовестно припоминая все, что доводилось слышать в жизни об этих местах. Сварог не прислушивался особо, ожидая конкретных результатов.

Он кое о чем умолчал, чтобы не ронять командирского авторитета и не расхолаживать пылавших энтузиазмом сподвижников...

Насколько мог, он освоился с субмариной, хотя многого не понимал до сих пор, например, представления не имел, что за энергия приводила ее в движение. Не атомная, по крайней мере. Некая энергия, которую собирали и копили, словно солнечные батареи, те самые странные пирамидки, покрывавшие добрую половину корпуса. Но и не солнечная — лодка прекрасно подзаряжалась, стоя под толщей камня...

Он понятия не имел, что за орудие находится в той самой носовой башенке. Прежде всего, оно не стреляло ничем, если можно так выразиться, материальным — всю внутреннюю поверхность ствола занимала некая ажурно-ячеистая конструкция из какого-то металла с многочисленными вкраплениями желтых ограненных кристаллов размером с кулак. Так что были сильные подозрения, что речь тут идет опять-таки о какой-то энергии. Энергетический пучок и, судя по некоторым наблюдениям, могучий, учитывая, какие мощности на орудие могли подаваться с корабельных агрегатов. Сварог знал, как из этой штуки стрелять, как менять подаваемую на неведомую пушку мощность, выяснил даже, покопавшись в памяти бортового компьютера, что называется она «гразерт» — но что это такое, на каком принципе действует, так и не доискался. Ничего удивительного. Вряд ли на каком-нибудь из земных крейсеров

нашлись бы письменные разъяснения типа: «Корабельное оружие — это устройство, при помощи пороховых газов метаящее металлический конус со взрывчатым веществом внутри»...

Со всем остальным проблем не было: торпеды обычные и предназначенные для Великого Кракена, ракеты, способные с одинаковым успехом работать как по кораблям, так и по суше, даже две башни с самыми обычными пушками, выдвигавшиеся из палубы на носу при необходимости — например, чтобы опять-таки врубить по береговому объектам.

Он, правда, там и не доискался пока что, в чем специфика приготовленных для Великого Кракена торпед. Знал лишь, что они отличаются от обычных — компьютер четко делил и имевшиеся на борту торпеды на две категории: обычные и другие, те самые... Они и по виду отличались, в чем Сварог убедился лично. «Гостинцы для Кракена» были, похоже, серебряными, числом в полдюжины (по количеству носовых торпедных аппаратов), покрыты непонятными символами. Вполне могло оказаться, что и начинка их не имела ничего общего с обычной, чему никак не стоило удивляться — ну как же, волка-оборотня можно взять только серебряной пулей, а не обычной свинцовой...

Самое любопытное, пожалуй, открытие сделал не он, а Мара, в отличие от остальных его сподвижников, неплохо владевшая компьютером. Именно она обратила внимание Сварога на список офицеров экипажа — точнее, на то, что четверо из них, кроме обычных званий, именовались еще «братьями». Брат навигатор, брат флаг-лейтенант, брат даль-штурман... После чего были предприняты разыскания в соответствующих каютах и документах — и обнаружилось немало интересных вещей. Рано пока что делать окончательные выводы, но Сварог всерьез подозревал, что означенные офицеры были не просто военными, а кем-то вроде членов воинствующих монашеских братств, какие и до сего дня существовали на Таларе. Как-то все это меж собой переплеталось — воинское соединение «Морские Короли» и монахи в списках экипажа, найденные в каютах предметы и молитвенники — и особые торпеды для Кракена. Найденного хватало для того, чтобы выдвигать такие именно гипотезы.

Но это, в общем, не имело сейчас особого значения, главное было известно — давным-давно сгинувшие подводники всерьез собирались уничтожить великого Кракена именно этими тор-

педами, а значит, был шанс и была надежда... О деталях и подробностях можно порассуждать потом, когда найдется достаточно времени, чтобы изучить лодку и ее архивы обстоятельно и подробно...

В конце-то концов, напомнил себе Сварог, именно так обстояло не только с загадочными торпедами. До сих пор никто не знал, почему именно серебро уничтожает иную нечисть окончательно и навсегда — но разве недочеты в теории мешали практике? Никоим образом, даже совершенно неграмотный, темный крестьянин мог прикончить оборотня, нашлась бы в хозяйстве серебряная пуля, меткой бы оказалась рука...

Гораздо хуже было другое. То, о чем он умалчал. Сварог командовал сейчас великолепной субмариной, как раз и предназначенной в незапамятные времена для уничтожения Великого Кракена, но при этом представления не имел, где ему искать цель...

Он лишь примерно представлял, где залег Кракен. И не мог, хоть ты тресни, привести субмарину к тому месту.

Потому что, как выяснилось очень быстро, великолепная навигационная аппаратура лодки оказалась бесполезной. Ее нельзя было совместить с нынешней реальностью, по крайней мере, сейчас, своими силами — не хватало умения ни у Сварога, ни у Мары, и заклинания ничем помочь не могли.

Все изменилось. Изменился угол, под которым ось вращения планеты была некогда наклонена к плоскости вращения. До Шторма он составлял примерно сорок градусов, а теперь — практически девяносто. Отчего, в свою очередь, решительным образом изменилось звездное небо над планетой, и великолепной электронике попросту не к чему было привязаться. Она не узнавала нынешнего небосклона, что выяснилось в первую же ночь. Как ни старался Сварог, приятный женский голос, начисто, к счастью, лишенный способности удивляться и негодовать, повторял две фразы: «Система не получает сигналов от навигационных спутников», «Система не в состоянии отыскать опорные точки звездной навигации». Ни обходные маневры, ни прямые приказы не помогали — нельзя было требовать от электроники больше того, на что она способна, компьютер не мог сориентироваться под этим небом, о чем настойчиво и докладывал. Быть может, его можно перепрограммировать без особых трудов, привязать к нынешней звездной россыпи — но

ни Сварог, ни Мара этого не умели, а Элкон остался в Латеране...

Компасы всех разновидностей, имевшиеся на лодке, тоже были теперь бесполезны — та география, к которой они только и приспособлены, канула в небытие.

Так что методы в некоторых отношениях ничуть не отличались от тех, какими Сварог обнаружил вход в туннель — могучему, великолепному «Рагнароку» оставалось лишь бороздить Море Мрака взад и вперед, как самой обычной шлюпке, пока Сварог не высмотрит Кракена простым глазом. А это было гораздо труднее, чем даже на скорлупке Тагарона искать туннель...

— Лед, — громко и уверенно сказала вдруг Тетка Чари.

— Что? — встрепетул Сварог, успевший глубоко погрузиться в собственные безрадостные мысли.

— Чаще всего поминают про лед, — сказала она. — Говорят и про какую-то черную радугу, и про диковинных, словно бы не от этого мира, рыб, вечно кружащих на поверхности над тем местом, про магнитную гору, про крики и стоны, опять-таки будто и не человеческими устами исторгаемые... Но вот чаще и упорнее всего поминают про лед. Так и в легендах говорится, и в балладах поется — «По ту сторону льда». Мол, Великий Кракен спит на дне, заслонившись ледяной стеной, а когда придет его время, стена начнет помаленьку трескаться, рассыпаться в куски... Вообще-то, в последние недели стали шептаться, что айсберги и есть те самые обломки ледяной стены. И что-то в этом есть. Откуда им еще взяться?

— Присоединяюсь, — кивнул Леверлин. — В серьезных книгах — то же самое. Лед. Слишком древний и назойливый мотив. Вот только в магнитную гору я не верю...

— Вольному воля, — пожала плечами Тетка Чари. — Но знавала я одного шкипера, который лет двадцать назад один только и выплыл из Моря Мрака на доске, когда магнитная гора притянула их корабль, и он об нее расшибся со всего размаху. После всего этого шкипер самую малость повредился умом, но человек был достойный доверия...

Леверлин дипломатично промолчал, хотя по его лицу было видно, что наука имеет на сей счет свое мнение, в корне несхожее с моряцким фольклором. Бони, похлопав себя по несколько уменьшившемуся за время плаванья чреву, жизнерадостно сообщил:

— А вот у нас один дед рассказывал... Чтобы приманить Кракена, нужно отправить лодочку, а в нее посадить девицу, чтобы пела какую-то особую песню, которую и знающие старики не помнят. И непременно нужно, чтобы она была натуральной девственницей в свои шестнадцать годочков, даже нелапанной и нечмоканной. Но поскольку такую в жизни не найти, хоть золото предлагай по весу, Кракена, дед говорил, хрен приманишь...

Грянул общий хохот. Сварог, единственный не принимавший в том участия, досадливо поджал губы. Они никак не могли проникнуться всей серьезностью затеянного предприятия. Для них «Рагнарок» сам по себе стал восьмым чудом света, и на его борту они казались сами себе мифологическими витязями, свято веря, что командир, отыскавший такое сокровище и в два счета его укротивший до полного повиновения, одним махом свернет горы, подобно древним богатырям...

Он вздрогнул, поднял голову. Что-то менялось в происходящем. Исполинские ленты тумана, застилавшие полнеба, вдруг пришли в движение, они сминались, переплетались, завивались вовсе уж диковинными фигурами, словно подхваченные порывом сильнеешего урагана — но Сварог не чувствовал ни малейшего дуновения ветерка, да и остальные тоже. Полное безветрие стояло. И все-таки туман, корчась, уносясь комьями слева направо, поразительно быстро таял, горизонт очищался.

Потом в ту же сторону, слева направо, пошла странная рябь — низенькие борозды, извилистые и четкие, напоминавшие, пожалуй, дорожки на огромной грампластинке. Появившись от горизонта до горизонта, она моментально распространилась, захватила лодку, не причинив ей ни малейшего вреда, пошла дальше: бесконечные бороздки, никак непохожие на обычную волну, странно одинаковые, то ли от них и в самом деле неприятно ломило глаза, то ли это просто казалось... Куда ни глянь, эта бесконечная рябь.

Под ногами у Сварога дрогнула рубка — и он тут же понял, что это вся лодка содрогнулась, машина неимоверного веса. Это не удар, непохоже, чтобы налетели на что-то вроде подводной скалы, это выглядит так, словно...

Глянув на бульбообразный нос, наполовину выдававшийся из воды, обернувшись к корме, он окончательно осознал, что происходит. «Рагнарок» двинулся влево боком, как не способно ни одно судно, неважно, надводное или подводное, вся его

левая сторона вспенивала воду, подняв явственную волну, срывающуюся завихрениями с носа и с кормы...

Одним прыжком оказавшись у распахнутого люка, Сварог вмиг слетел вниз, словно заправский моряк — не касаясь ногам ступенек, скользя ладонями по перилам. Даже руки чуточку обжег от трения. За ним, отчаянно грохоча, ссыпались все остальные.

Подскочил к сидевшей в командирском кресле Маре, подзревая, что она по неопытности что-то напортила. Мара вскочила, освобождая ему место, пожимая плечами с растерянной улыбочкой.

Упав в кресло, бросив взгляд на приборы, он моментально понял, что боевая подруга тут ни при чем. Так напортичить было попросту невозможно, нельзя даже по неопытности заставить субмарину делать то, что она не в состоянии делать...

На круглом экране все дальше расходились две линии, угол меж ними увеличивался с поразительной быстротой. Зеленая — намеченный курс лодки, красная — реальный. Субмарину все так же боком — разве что нос чуточку отклонялся — уносила влево какая-то посторонняя сила.

Сварог не думал и не рассчитывал. Без единой мысли или догадки в голове он повел лодку на срочное погружение — первое чисто рефлекторное побуждение, схожее с поведением испуганного зверя. Под водой, быть может, это кончится...

Ничего подобного, увы. И под водой лодку продолжало вольно в ту же сторону...

Пальцы метались по клавишам, никелированным рычажкам и кнопкам — так, словно все они были раскалены. Лодка клюнула носом, выполнила невероятный пируэт — хорошо еще, глубина была достаточная, чтобы не треснуться о дно. За спиной Сварога послышался стук, грохот, целая череда неопищаемых звуков — это бедолаг сподвижников, не ожидавших подобных фокусов, сшибло с ног, проволокло по полу, на пару секунд вставшему под углом в сорок пять градусов, кого-то швырнуло на пустые кресла, кого-то — на стену. Он не обернулся, некогда было: пустяки, ушибы, никто ничего не ломал, иначе орал бы благим матом...

Он добился своего! Теперь «Рагнарок» был обращен кормой к той точке, куда его волокла посторонняя сила. Сварог, пользуясь шоферской терминологией, выжимал газ — сначала врубил половинную мощность реактора, потом — три четверти,

видя, что это нисколько не помогает, решительно перебросил тумблер на «полный ход», так что квадратный выступ уперся в кромку гнезда...

Бесполезно. При обычных условиях субмарина должна была нестись сломя голову — не менее сорока узлов — но сейчас она, несмотря на то, что Сварог выжимал из реактора все возможное, все так же плыла хвостом вперед в совершеннейшую неизвестность.

На двух экранах размеренно замигали алые и ядовито-синие надписи, женский голос возвестил:

— Опасный режим работы реактора! Опасный режим работы реактора! Максимальная продолжительность работы в таком режиме — полторы минуты! По истечении срока — аварийное отключение!

Слева, в верхнем углу, вспыхнули синие цифирки, ежесекундно уменьшаясь на одну. Справа мигала круглая красная лампочка, и в такт ей противно верещал звонок.

Сварог еще полминуты держал тумблер на «полном ходу», но потом все же решил, что рисковать бессмысленно. Сбросил скорость, медленно, плавно, а там и вовсе остановил винты, чтобы посмотреть, с какой скоростью их тащит, и какие в этом движении закономерности, если они есть.

Так, инерция погашена, теперь лодка движется кормой вперед исключительно под влиянием неизвестной силы... Шесть узлов... шесть и два, шесть и четыре...

Скорость росла. Понемногу, постепенно, но росла, и конца этому пока что не предвиделось...

Над ухом у него послышалось тяжелое дыхание. Он покоился за левое плечо. Тетка Чари, растрепанная, с разбитой бровью, цеплялась за спинку его кресла, все еще мотая головой, приходя в себя после внезапных кувырканий по рубке.

— Я говорила, командир... — прохрипела она. — Магнитная гора, точно... Все, как рассказывали — уцапает корабль и волочет, пока он об нее, паскуду, не хряпнется вдребезги...

Верить ей не хотелось — чересчур мрачная перспектива — но не было пока что другого объяснения... Сварог и сам не помнил, когда у него в руке появилась зажженная сигарета. Роняя пепел на безукоризненно чистый пульт, он сгорбился в кресле, глядя на экран. Восемь и два, восемь и четыре... девять и два... Сквернее некуда.

— Что это? — рявкнул он, не оборачиваясь. — Нечистая сила, демон морской, природа, мать ее за ногу?

— Просто гора, — сказала Тетка, отчаянно пытаясь держаться если не браво, то хотя бы спокойно. — Магнитная гора, если вот так, на скорую руку прикинуть — природа, ага... Вроде бы...

Окинув рубку быстрым взглядом — все вроде бы целы, цепляются за что сподручнее, ожидая новых фигур высшего пилотажа — Сварог тремя-четырьмя движениями пальцев запустил винты, плавно повышая обороты, крикнул:

— Народ, цепляйся что есть мочи! Сейчас крутанет!

И вновь выполнил головоломный маневр — на который, вполне может оказаться, в жизни не решился бы, будь он опытным подводником, профессионально обученным обращаться с этим чудом былой техники. Рули глубины, вытеснение воды, снова рули, мощность почти на полную... На несколько секунд взвыли, заверещали, замигали все тревожные сигналы, сколько их было, женский голос отчеканил очередную порцию увещеваний и черных пророчеств — но Сварог все же добился своего, развернул субмарину носом к той точке, которую за неимением других версий приходилось именовать пока что Магнитной Горой. И поднял «Рагнарок» на поверхность. Винты замерли, но лодка все равно несется, вздымая невысокую волну — уже четырнадцать с половиной узлов... Обзорный экран, фокусировка...

Субмарина, набирая и набирая скорость, перла по серовой морской глади, под колпаком бело-черных облаков, и вокруг уже не было ни длинных полос тумана, ни мрака в виде айсбергов — зато впереди, словно вырастая из моря, поднимался все выше темный конус, крайне напоминавший видом самую обычную гору с неровными очертаниями, выступами и расщелинами. Если дальномер не врал, до нее оставалось с десяток морских лиг — но скорость росла, субмарину несло все стремительнее...

— Командир, да сделай ты что-нибудь, в трехнутаго лешего! — взревел Бони.

Смешно, но в его рыке не было страха — одна, пожалуй что, досада на нерасторопность командира, во всемогуществе которого Бони, сдается, нисколько не сомневался...

Сварог, не глядя, выплюнул окурочку куда-то на пол. Не отводя взгляда от растущей горы, кривя губы, отчаянно закусив нижнюю чуть ли не до крови, ударил по клавише.

Женский голос послушно откликнулся:

— Боевая часть-один на автоматике. Гразерт готов к работе.

«Интересно, взяли за основу голос какой-то реальной девушки, или это чистой воды компьютерный синтезатор?» — мелькнула в голове у Сварога совершенно идиотская сейчас мысль. Отогнав ее едва ли не панически, он какое-то время ломал голову над формулировкой и наконец решился:

— Цель — прямо по курсу.

Сердце едва не оборвалось от волнения, и эта секунда ожидания показалась бесконечной, время то ли ползло, как улитка, то ли встало вообще.

— Природный объект прямо по курсу? — с явно вопросительной интонацией уточнил женский голос. — Скальная формация, плотность, по данным дальномеров...

— Отставить плотность! — крикнул он. — Подтверждаю. Цель — скальная формация прямо по курсу. Прицел!

На сей раз вместо алых концентрических колец вспыхнул зеленый круг с какими-то завитушками. И ничего более не произошло, голос молчал — очевидно, так и полагалось, все сработало.

Магнитная гора надвигалась, вырастая уже на полнеба. Теперь можно рассмотреть, что ее склоны не так уж и отвесны, что там протянулось нечто вроде узенькой береговой полосы, и на ней смутно виднеются какие-то непонятные предметы, которые при некотором напряжении фантазии и здравого рассудка можно признать и обломками невезучих кораблей. Ага, вон там, точно, мачта свесилась с берега в море...

— Огонь! — распорядился он и положил руку на блестящий шарик регулятора мощности.

Он по-прежнему не представлял, что это за оружие, как работает и на что способно, но у него просто-напросто не было другого выхода и другого оружия, которое можно пустить в ход. Ни торпеды, ни ракеты тут не годятся, им не совладать с высоченной скалой. Загадочный гразерт был последним шансом — и лучше не думать, что случится, если этот шанс окажется пустышкой.

— Огонь! — рявкнул он что есть мочи, потому что ничего так и не произошло.

— Гразерт работает, — откликнулся женский голос. — Мощность — одна десятая, цель в зоне поражения... мощность недостаточна...

Охваченный отчаянным азартом, Сварог одним движением большого пальца продвинул шарик до упора — на сей раз не дождавшись ни сигналов тревоги, ни устного предупреждения. Не походило что-то, чтобы у гразерта были аварийные режимы, приближение к коим чревато — никакой опасной черты...

— Да где ж ты, господи! — высоким голосом на пределе человеческой воли вскричал кто-то за его спиной, и Сварог, оцепеневший в диком напряжении, не узнал кричавшего.

Ничего вроде бы не происходило впереди — ни ослепительного жгучего луча, ни вспышек, никакого сияния, свечения... Ничего.

Но Магнитная гора изменилась. Она менялась на глазах. Ее очертания вдруг исказились, дрогнули, словно меж ней и Сварогом встала стена раскаленного воздуха или прошла пелена дождя. Ее контуры потеряли прежнюю четкость, подернулись чем-то вроде темной дымки, густевшей, черневшей с каждым мигом, дымка превратилась в непроницаемое облако мрака, растущего, разбухавшего неправильно быстро — скорость лодки выросла, но все же не столь уж была и стремительна, как, скажем, у торпедного катера...

В следующий миг гора полыхнула беззвучным взрывом — точно, беззвучным, иначе внешние датчики прилежно зафиксировали бы шум, черная туча взметнулась, закрыв весь экран, подернулась белесыми промоинами, эти дыры становились все светлее, уже можно было рассмотреть, что исполинская туча черной пыли, вставшая до самого зенита с невероятной быстротой тает, распадается, словно скопище пыли, в которую вмиг превратилась гора, не просто лениво расплзается в стороны, а каждая пылинка мчится прочь от соседок со скоростью ракеты...

Скорость падала, показалось сначала, что субмарина наткнулась на некую невидимую стену, но Сварог тут же сообразил, что «Рагнарок», избавившись от внешнего воздействия, попросту неуклюже, по инерции останавливался...

Там, впереди, почти ничего уже не было — но Сварог, порхая пальцами по рычажкам и клавишам, опустил дуло гразерта к самой воде и бил, бил, бил невидимым пучком энергии по тому месту, где только что вздымалась гора, для пущей надежности сметая последние обломки темного камня, еще торчавшие над водой, и они разбрызгивались облаками черной пыли, безумным фейерверком улетающей в небо.

— Полное уничтожение цели, — твердил женский голос. — Полное уничтожение цели. Полное уничтожение...

Сварог это слышал и понимал, но никак не мог убрать пальцы с клавишей. Напрягшись, отодрал их от пульта судорожным усилием. Скорость упала до нуля. «Рагнарок» лежал в дрейфе. Все кончилось, Сварог по всегдашней своей привычке выиграл и этот бой. Он неудачно, случалось, водил в атаку полки и эскадры — но до сих пор не провалилось пока что ни одного предприятия, затеянного и претворенного в жизнь лишь в сопровождении Странной Компании. Вот и на этот раз...

Откинувшись на уютнейшую кожаную спинку, адмиральскую, честное слово, он долго сидел, чувствуя явственную дрожь в руках и полнейший сумбур в голове. За спиной смиренхонько торчали верные сподвижники, кто-то шумно шмыгал носом от избытка чувств. На обзорном экране расстилалась лишь сероватая водная гладь, ничего не осталось, все было сметено. Непонятно, что такое гразерт, но штука эта страшная: в несколько мгновений превратить в пыль высоченную скалу, по сути, целый остров...

Он представил зеленый круг прицела, наложенный на горнотскую столицу — и содрогнулся от открывшегося в глубинах собственной души. То, что он на миг ощутил в себе, не имело ни названия, ни складного описания на человеческом языке, но оно кружило голову, и пугало, и манило, и отталкивало... Все ли он знал о себе? Ох, непохоже...

— Ну что? — громко спросил он, обмякнув в кресле и самым идиотским образом ухмыляясь. — Почему я не слышу громких хоровых славословий? Почему никто не аплодирует и не оглашает помещение триумфальными воплями? Мать вашу так, мы же эту пакость разнесли в хлам, ребятки...

Какое-то время стояла тишина. Потом его величество король Арира, ворона, залетевшая в высокие хоромы, громогласно топнул ногой об пол и басовито заорал:

— Командир... Командир... Да мать твою за ногу и об колодец, командир, чтоб тебя впереворот через гумно... Ты только прикажи, а я уж сдохну!

Потом на шею Сварогу легли тонкие сильные пальчики, и Мара зашептала на ухо самым нежным своим голоском, притягательным, мурлыкающим, но не лишенным скрытой насмешки:

— Ты был великолепен, повелитель, настолько, что я начала всерьез задумываться, не поставить ли тебе в моем Сегуре монумент? Чтобы ты там золотым копьём что-то такое пора-жал...

— На приличный монумент твоей убогой казны все равно не хватит, — сказал он, все так же глупо улыбаясь. — Перебьюсь...

— Убогой? — всерьез обиделась Мара. — Между прочим, я казну осмотрела старательно, проверила все описи, и не такая уж она маленькая. Если королевство бедновато, это еще не означает, что и казна...

Она замолчала, удивленно ахнув. Сварог, все это время сидевший вполоборота к ней, проследил направление ее взгляда, уставился на экран — и мгновенно стал серьезным. Рано расслабились, промелькнуло у него в голове. Не те места вокруг...

Огромный экран от края до края и сверху донизу покрылся натуральной снежной метелью — снегопад, вмиг заволокнувший все доступное обозрению пространство, бушевал, взвихрялся, буйствовал, и это никак не могло оказаться какой-то электронной иллюзией, Сварог порой отчетливо различал каждую крупную снежинку в обметавшем «Рагнарок» потоке. Вот только снежинки были черные, все до единой. Черный снегопад кипел, датчики прилежно улавливали посвист ветра и шорох скребущих по обшивке снежных потоков...

Слева внезапно ожил индикатор, до этого упорно бездействовавший. Синие на черном цифры показывали не такое уж большое число, всего-то двузначное, пока что не увеличивавшееся — но Сварог понятия не имел, что именно отображают цифры. А потому двузначное число могло с равным успехом означать и совершенно безобидную ситуацию — и катастрофическую...

— Глаин! — рявкнул он, вспомнив, что именно так и следует обращаться к электронному мозгу лодки, отзывавшемуся женским голосом (вероятнее всего, это было сокращение от «главного информатория» или схожего термина).

— Слушаю.

— Что означают цифры на индикаторе... — наклонившись вперед, Сварог присмотрелся, — на седьмом индикаторе?

— Возникло магараль-излучение, — скупко проинформировал женский голос. — Поток незначительный.

— Что такое магараль-излучение?

Ответ последовал моментально:

— Вопрос непонятен.

Сварог даже и не пытался развивать эту бессмысленную дискуссию — по первой же реплике компьютера ясно, что он и в самом деле представления не имеет о сути загадочного излучения. Как наверняка не сможет ответить на вопросы вроде: «Что такое море?», «Что такое подводная лодка?». На борту в свое время, надо полагать, хватало специалистов, прекрасно знавших, что это за излучение такое — и никто не думал, что субмарина попадет в руки совершеннейших невежд...

Экран очистился — снегопад почти прекратился, только временами во всех направлениях пролетали колышущиеся струи черных снежинок. Раскатистый, трескучий грохот донесся снаружи, и во весь экран полыхнула черная молния, разветвленная и необозримая, переливавшаяся всеми оттенками черного сияния, черного огня.

— Говорила я! — крикнула за спиной Сварога Тетка Чари с законной, но глупой гордостью. — Черное, а сверкает...

Грянул такой громовой раскат, что она замолчала. В первый миг показалось, что лодка лопнула — так шарахнуло...

И все кончилось. Вокруг снова были только серое море и бледные облака. Но число на индикаторе начало расти, из двузначного оно невероятно быстро стало то ли шести, то ли семизначным, Сварог не собирался считать цифирки, не до того было — слева, над индикатором, засветились холодными сиреневыми огнями шесть прозрачных полушарий, до того бездействовавших, звонок издал пронзительный деревянный треск (самый противный звук из всех, какими до сих пор только орали здешние сигналы тревоги), и Глаин сообщил:

— Опасная концентрация магараль-излучения, состояние Синей тревоги.

Цифирки мельтешили, изменяясь с неуловимой глазу быстротой, их ряд уже насчитывал не менее дюжины, сиреневые огни мигали наперебой, беспрестанно, звонок трещал еще противнее, и бесстрастный женский голос доложил:

— Очень опасная концентрация магараль-излучения, состояние Красной тревоги.

Повысив голос, перекрикивая зуденье звонка, Сварог распорядился:

— Держитесь покрепче! Нюхом чую, дела пошли хреновые!

Будто полностью соглашаясь с ним, звонок залился столь мерзкой трелью, что в животе стало холодно от омерзения, черед синих цифр ударила влево, заняв все свободные ячейки, но и после этого цифры продолжали меняться. Неизвестно, что от этого ждать, но Сварог заранее подозревал самое плохое. Цифры застыли, слева загорелась жирная красная линия, и Глаин доложил:

— Предельная концентрация магараль-излучения. Белая тревога! Белая тревога! Белая тревога!

Сварог уже знал достаточно о всех этих разноцветных тревогах — и подумал, что угадал совершенно правильно — неизвестно, что происходит, но заранее можно сказать, что хуже просто не бывает...

— Белая тревога! — не унимался Глаин. — Белая тревога! Лодка практически в эпицентре! Немедленные действия экипажа! Маневры ухода!

Рассуждать было некогда, сработала старая военная закладка, если объявился некий эпицентр и необходимы некие маневры, то понимать ничего и не обязательно, достаточно предпринять конкретные действия... Он врубил «полный назад», «Рагнарок» моментально подчинился и кормой вперед рванулся назад, вспарывая волны чуть ли не со всей возможной скоростью. Со звериной радостью Сварог смотрел, как гаснет экранная черта, как цифры вновь начинают спазматическое дрожание, идиотскую пляску — и в результате их длиннейший ряд становится все короче, короче, короче... Пока не осталось всего четыре — сущие пустяки по сравнению с только что отшумевшей вакханалией. И звонок заткнулся, и сиреневые лампы погасли...

— Состояние тревоги? — подумав, спросил Сварог, опять-таки представления не имея, правильно ли формулирует.

— Оснований для тревоги нет, — откликнулся Глаин. — Непосредственной опасности для лодки нет. Концентрация магараль-излучения в эпицентре возрастает до критической... Прорыв!!!

Впереди, чуть ли не в лиге от «Рагнарока» взметнулся фонтан чего-то вспененно-белого, сверкающего, сиявшего мириадами радуг, он занял экран от края до края, а вершиной ушел куда-то в небеса, он состоял словно бы не из одной только воды...

Море словно вскипело вокруг — это обрушились мириады осколков, заливая экран сиянием неисчислимых радуг, и куда-то исчезли бело-серые облака, небосклон вновь стал голубым, на нем появилось солнце. Это его лучи как раз и играли на множестве осколков... льда! Исполинский фонтан ледяного крошева, взметнувшийся, быть может, выше башен небесных замков, обрушился в море, которое насколько хватало взгляда, покрылось белоснежным крошевом, все так же сверкавшим под солнцем, и это было невероятно красиво, но тут же Сварог то ли непонятым наитием, то ли услышав неизвестно откуда прозвучавший голос, ясный, четкий, знающий все ответы на все вопросы, понял...

Страх он не испытывал — некогда было. Он крикнул только:

— Держись, команда! Последний парад наступает...

— Цель в зоне действия датчиков, — доложил Глаин. — Цель приближается, даю информацию...

«Ну вот и все, — подумал Сварог, опять-таки без малейшего страха, с холодной деловой сметкой опытного пулеметчика, углядевшего в прорези прицела приближавшиеся фигурки в ненавистных мундирах. — Ну вот и все. Со свиданьем!»

— Цель на поверхности!

Вода впереди вскипела сразу во множестве мест, на поверхность вынырнуло скопище черных, извивавшихся щупалец, их было столько, что невозможно сосчитать, пучок взметнулся над лодкой на полнеба — но все же Сварог в первый миг ощутил, как это ни странно, разочарование...

Великий Кракен оказался не столь уж и великим. Он был огромен, конечно, в несколько раз превосходя по величине субмарину, тоже не крохотную — но все же не оказалось, Сварог собственными глазами убедился, того величия, о котором тысячи лет сочиняли страшные сказки. Чертовы змеи, Митгард с Ермундагом, были даже поболее в длину...

Черные щупальца, сплетаясь кольцами, извиваясь, опускались на лодку, как исполинский невод, поздно было идти на погружение, и в мозг Сварогу ворвалась ледяная волна, заливая столь непостижимыми человеческому разуму эмоциями, чувствами и, может оказаться, мыслями, что это превосходило всякое понимание. Сохранилось лишь впечатление чего-то ледяного, липкого, невероятно чуждого всему нашему миру, всей нашей Вселенной, олицетворявшему всю ненависть и мерзость мира иного — оно поднималось по телу, превращая его в камень, достигло пояса, в

рубке стало гораздо темнее, одного взгляда на индикаторы хватило, чтобы сообразить: «Рагнарок» теряет энергию, она утекает, хлещет, как кровь из рассеченной артерии...

Щупальца более не двигались, но ледяное, липкое, злобное поднималось все выше, надрывались аварийные звонки, вроде бы все без исключения, огни на пульте тускнели, оцепенение распространялось по телу, и уже не хотелось ничего делать, думать, хотелось расстаться с ненужными теперь человеческими чувствами, побыстрее раствориться в спасительном липком мраке, стать частичкой ледяной умиротворенности, которой предстояло затопить весь мир, что послужит лишь во благо...

Непонятно, откуда нашлись силы, но он стряхнул погибельное наваждение. И практически на ощупь, нашел нужные клавиши, рычажки, тумблеры, кнопки. Откуда-то из невероятно-го далека едва доносился бесстрастный женский голос, то ли творчество электронного синтезатора, то ли все, что осталось от жившей некогда реальной девушки:

— Первые шесть — пуск! Вторые шесть — пуск! Третьи шесть — пуск! Сопровождение торпед по всему пути следования... Поражение цели! Поражение цели!

Мрак расступился, засияли лампы, налились жизнью огни на пульте, а на экране дыбилось нечто настолько непонятное, что Сварога замутило при одном его виде: то ли черный взрыв, то ли фонтаны, то ли сверканье черных молний, то ли бешено вертевшиеся сразу в десятке направлений смерчи. Бешено кружился неописуемый хаос — не земля и не воздух, не вода и не ветер, неизвестно что, и хотелось только одного: чтобы это побыстрее пропало, потому что такому просто не полагается быть в нашем мире...

Обрушился звук такой силы, что жалобно взывавшие датчики отключились один за другим, на экране вздыбился водяной вал, накрыл лодку, завертел, как щепку...

Никто не знает, сколько прошло времени — какое-то количество протекло со свойственной времени способностью проходить. Когда Сварог вновь стал способен думать и чувствовать, он обнаружил себя в кресле за пультом управления, и понял, что «Рагнарок» дрейфует на поверхности, посреди голубого моря, под ярким солнцем, где нет никаких следов Великого Кракена, а о его былом существовании напоминает лишь желтая на черном надпись: «Цель поражена». Понял, что все кончено.

Он не чувствовал особенной гордости — и оттого, что был опустошен до всех мыслимых пределов усталости, не имевшей ничего общего с обычной, и оттого еще, что победой в значительной степени обязан был другим. Тем, кого давным-давно не было на этой земле. Они почти все и сделали, кроме самого главного — а потом пришел Сварог с его привычкой все доводить до конца...

Обвиснув в кресле, чувствуя что-то влажное на лице, он произнес в пространство севшим голосом:

— Только не говори, что ты меня избрал, что на меня что-то такое возложено. Потому что мне страшно это знать, и я не знаю, как с этим жить, и я совершенно к такому не готов, это не по мне, это больше меня...

И никто ему не ответил, конечно, только за спиной раздался слабый стон — кто-то мучительно приходил в себя после всего обрушившегося. Хватило беглого взгляда, чтобы определить: среди барахтавшихся на полу рубки тел не наблюдается мертвых, а это просто прекрасно, господа...

Ощувив в себе слабый прилив сил, он кое-как поднялся из кресла. Значит, вот так. Вопреки сказкам и легендам, где светлый рыцарь и черный дракон бьются без передышки семь дней и семь ночей, вытоптав и разнеся вдребезги всю округу. Ну что же, в жизни большей частью так и бывает, достаточно одного меткого выстрела, без долгой перебранки, напыщенных речей и картинных баталий от зари и до заката...

Он наконец смог улыбнуться. И сказал, понемногу обретая голос:

— Благородные рыцари и дамы, короли и королевны, за ногу и об колодец! Кончай валяться! Ходят слухи, что мы победили — ну да чего еще от нас ждать? Мы такие...

И улыбнулся уже во весь рот, веря сейчас, что они и в самом деле бессмертны.

ЭПИЛОГ

Вокруг не было ничего, напоминавшего бы Море Мрака. Вполне могло оказаться, его больше не было, чем черт не шутит. Вполне могло. Не зря же его не усматривалось на тех картах, что нарисованы до Шторма.

Голубая, искрящаяся водная гладь и голубой небосклон. «Рагнаррок» лежал в дрейфе, а в небесной лазури над ним было не протолкнуться от летательных аппаратов, висевших на почтительном расстоянии, на большой высоте. Драккары Серебряной Бригады, боевые браганты в устрашающем количестве, множество виман. Ни один не стронулся с места, не изменил дислокацию. Они ждали. Сварог превосходно был знаком с тамошней аппаратурой — без сомнения, сверху давным-давно рассмотрели уже всех, кто стоял у перил на крыше рубки, и его, и прочих. Но ни одна воздушная машина не стронулась с места. Быть может, людям наверху не хватало духу — есть сильные подозрения, схватка в Море Мрака протекала с таким размахом, такими визуальными эффектами (один ледяной фонтан чего стоил, не говоря уж о последующем), что наверху многих прошиб холодный пот.

Ну и черт с ними, их эмоции и страхи сейчас Сварога нисколечко не трогали. Он стоял, облокотившись на перила, с высоким стаканом в руке, и в стакане алело вино из корабельных запасов — подводников всегда снабжали неплохо. Настроение было невероятно благостным: никто не дергал его за рукав, не приставал с неотложными государственными заботами, не требовал в очередной раз спасти мир, не ставил головоломных задач. Несказанная благодать!

Он посмотрел на сподвижников, уже успевших принять по паре стаканов корабельного вина. Он их всех любил. В этой драке они ничем ему не помогли, совершенно. Они просто-напросто в очередной раз без колебаний и раздумий, по собственной охоте пошли за ним к черту на рога, прекрасно понимая, что могут не вернуться назад, и этого достаточно, чтобы любить их и доверять им всю оставшуюся жизнь. Сколько бы ни отведено этой жизни.

И что бы еще сделать для них такое, чтобы всем было понятно: других таких нет?

«Городу и миру!

Мы, Сварог Первый Барг, король королев, король Хелльстада и Хорена, Демура и Коора, Глана и Ронеро, Снольдера и Улада, Великий герцог Харланский, герцог Ямурлакский, барон Готар, князь Рут, князь Чедир, князь Инес, ярл Стенима и Галевина, Баррадина и Канира, Генерал-Старшина Ганзейской Палаты, Первый Патриций Балонга, Высокий Покровитель Вольных Маноров, сим объявляем, что постановили создать особую гвардейскую гран-алу, стоящую по старшинству выше всех прочих гвардейских частей подвластных Нам земель, именовать гран-алу Нам угодно — „Странная Компания“. Командование таковой Нами постановлено держать за собой.

Полный список гвардейцев:

Мара, королева Сегура,

Бони Скатур Чер, король Арира,

Шег, барон Шедарис,

Паколет, маркиз Гранау, барон Витил,

Леверлин, граф Грелор,

Чари, графиня Лендор.

Герольдам объявить на площадях, ярмарках и перекрестках дорог, дабы все знали, что такова Наша воля».

...И конные герольды понеслись в восемь сторон света.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПО ТУ СТОРОНУ ИСТИНЫ 5

Глава 1. Номер 76	6
Глава 2. Совещание в верхах	21
Глава 3. Сарынь на кичку!	35
Глава 4. Белая погибель	48

Часть II. ПО ТУ СТОРОНУ ОДИНОЧЕСТВА 69

Глава 1. Первопроходец	70
Глава 2. Обитатели порта	82

Часть III. ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА 93

Глава 1. Странники	94
Глава 2. Главный персонаж церемонии	107
Глава 3. Волна и берег	116
Глава 4. О пользе добрых дел	124
Глава 5. Город без теней	136
Глава 6. Правила игры на виолоне посреди моря	157

Часть IV. ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА 179

Глава 1. Третья корона	180
Глава 2. Храм на скале, корабль в море	199
Глава 3. Сокровище Хай Грона	209
Глава 4. По ту сторону льда	233

Эпилог	253
--------------	-----

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА

Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой
Компьютерная верстка С. В. Тихомирова
Корректор Л. А. Пруткова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 26.08.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура Palatino. Бумага офсетная. Уч. изд. л. 11,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5704

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

По вопросам приобретения продукции просим обращаться по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»
*По вопросам розничного приобретения
продукции:*

Интернет-магазин: tdabris.ru
8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46
zakaz@tdabris.ru

*По вопросам оптового приобретения
продукции:*
8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Санкт-Петербург
ООО «Абрис СПб»

*По вопросам розничного приобретения
продукции:*

Железнодорожный пр., д. 20
(м. «Ломоносовская»)
8(812) 612-11-03, 8(812) 327-04-50 (51),
факс: 8(812) 560-24-17
Книжная ярмарка ДК им. Крупской,
пр. Обуховской Обороны, дом 105,
ст. м. «Елизаровская», павильон № 43
8(812) 335-01-61

Интернет-магазин:
spb-zakaz@tdabris.ru
*По вопросам оптового приобретения
продукции:*
8(812)560-92-73, info@prosv-spb.ru

г. Грозный

ООО «Центр образования «Абрис»
*По вопросам оптового и розничного
приобретения продукции:*
ул. Индустриальная д.4
8(929) 246-98-26, 8(929) 247-05-62
abris95@textbook.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»
*По вопросам розничного приобретения
продукции:*

ул. Достоевского, д. 29 п. 66
8(4842) 57-58-51
zakazmir40@mail.ru

*По вопросам оптового приобретения
продукции:*
Тел./факс. 8(4842) 57-58-51/
8(4842) 53-89-26, 8(910) 866-51-81
oomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»
*По вопросам розничного
приобретения продукции:*
ул. Комсомольская, 63
8(8332) 699-668; 8(8332) 705-805
AbrisVTK@textbook.ru
*По вопросам оптового приобретения
продукции:*
Тел.: 8(8332) 705-805
Интернет-магазин: tdabris.ru

**г. Симферополь,
Республика Крым**

ООО «Торговый дом «Абрис»
*По вопросам розничного приобретения
продукции:*
8(3652) 78-83-65; 8(3652) 78-84-07
krimea-zakaz@tdabris.ru
*По вопросам оптового приобретения
продукции:*
8(978) 091-05-91
znanie@textbook.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 1

ПО ТУ
СТОРОНУ
УЛЫБА

20 лет приключениям СВАРОГА

На Катайр Крофинд отправляется корабль с каторжниками. Когда на соседнем причале что-то взорвалось, трое из каторжной братии совершили побег. Три пары рук — это серьезная промашка и караемое упущение по службе... Вертухаи нашли выход из положения — подобрали трех человек без сознания, случайно оказавшихся в порту во время взрыва. Один из них был Сварог. Конечно, короля станут искать. Мара и Гаржак поднимут на ноги всю полицию, но знать бы где...

абрус

ISBN 978-5-00111-161-0

9 785001 111610

